

УДК 32.019.52

ББК 60.56

Б38

Издание осуществлено при финансовой поддержке  
филиала зарегистрированного союза  
«Фонд имени Фридриха Эберта»  
(Германия)

В оформлении обложки использованы  
фрагменты и мотивы картины  
И.Е. Репина «Бурлаки на Волге»  
(1870–1873 гг.)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0575-4

© Коллектив авторов, 2014

© Институт социологии РАН, 2014

© Оформление. Издательство «Весь Мир», 2014

# СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ( <i>М.К. Горшков</i> )	7
1. Гетерогенность бедности в современной России ( <i>Н.Е. Тихонова</i> )	13
2. Уровень и образ жизни разных групп бедных ( <i>Н.Е. Тихонова</i> )	37
3. Специфика источников доходов и стратегий выживания бедных ( <i>Е.И. Пахомова</i> )	67
4. О бедных на рынке труда ( <i>И.О. Тюрина</i> )	85
5. Социально-демографические факторы бедности в современной России ( <i>Ю.П. Лежнина</i> )	111
6. Бедность и социальная мобильность ( <i>Ю.П. Лежнина, Н.Е. Тихонова</i> )	127
7. Справедливость и неравенства в современной России в восприятии бедных ( <i>С.В. Мареева</i> )	149
8. О ценностных установках и особенностях морали бедных ( <i>С.В. Мареева</i> )	171
9. О социально-психологическом состоянии бедных ( <i>Н.Н. Седова</i> )	191
10. О досуге бедных ( <i>Н.Н. Седова</i> )	215
11. Бедные в России: отношение к власти, политическое участие, протестный потенциал ( <i>В.В. Петухов</i> )	243

6	<i>Бедность и бедные в современной России</i>	
12.	«Бедность по-российски» на фоне других стран ( <i>В.А. Аникин, Н.Е. Тихонова</i> )	265
	Заключение ( <i>М.К. Горшков</i> )	287
	Описание общероссийских исследований, данные которых использованы в книге	305
	Сведения об авторах	309

# ПРЕДИСЛОВИЕ

О бедности и бедных в современной России говорят и пишут многие. При этом кто-то представляет бедных как членов общества с относительно малыми доходами. Правда, возникает вопрос: где пролегает черта этой «малости» и относительно каких доходов можно говорить о бедности? Кто-то связывает состояние бедности с общим стандартом уровня жизни в данном обществе. Есть и такие, кто, не мудрствуя лукаво, считает бедными тех людей, которые не имеют достаточных или необходимых средств к существованию. И в данном случае придется задумываться, а какова мера «достаточности и необходимости» подобных средств, какими показателями должен характеризоваться и кем устанавливаться общий стандарт жизни жителей Российской Федерации?

На фоне разных «относительных» трактовок бедности выделяются весьма четкие и даже жесткие определения типа: бедность — это крайняя недостаточность имеющихся у человека, семьи, региона, государства имущественных ценностей, товаров, денежных средств для нормальной жизнедеятельности. При этом за «порог», «черту» бедности предлагается принять нормативно устанавливаемый уровень денежных доходов человека, семьи за определенный период, причем уровень, обеспечивающий физический прожиточный минимум<sup>1</sup>.

Многообразие толкований бедности обуславливает разные подходы к осмыслению ее причин, сущностных черт, способов преодоления. Одни считают важным рассматривать бедность в морально-этическом контексте, апеллируя к уродливым и недопустимым для XXI в. проявлениям образа жизни людей, оказавшихся в тяжелых и тяже-

---

<sup>1</sup> См., например: Экономический словарь. Электронный ресурс. URL: <http://360n.ru/dictionaries/economic/1053>

лейших условиях существования. Другие популистски выставляют себя сторонниками радикальных решений проблемы бедности за счет осуществления эффективных, но малореальных программ государственной поддержки обездоленных слоев населения. Третьи оценивают ситуацию прежде всего с позиции экономического анализа причинно-следственных факторов бедности, определения материальных показателей границ нищеты, групп бедного и небедного населения. Наконец, четвертые, а именно социологи, обращают свой взор на реальную картину бедности в стране со всем ее региональным многообразием, а также на место бедных в социальной структуре общества, на их фактические возможности реализовать насущные повседневные потребности и жизненные шансы на лучшее.

Именно стремлением оценить реальные масштабы, причины и основные признаки «бедности по-русски», отношение россиян к бедности вообще и разным группам бедных, а вместе с этим проанализировать восприятие населением страны сложившейся в обществе ситуации с социальными неравенствами и определялся замысел осуществленного Институтом социологии РАН в марте – апреле 2013 г. общероссийского социологического исследования. Это исследование, данные которого выступают **эмпирической базой** приведенного в настоящей книге анализа бедности в России, являлось дальнейшим развитием важного направления исследований Института социологии РАН в пореформенные годы. Оно включает в том числе и проводившееся в 2003 г. исследование «Богатые и бедные в современной России», прошедшее в 2006 г. исследование «Социальное неравенство в социологическом измерении», пришедшийся на предкризисный период опрос «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008) и другие, данные которых использованы в настоящей книге для оценки динамики ситуации с российской бедностью<sup>2</sup>.

Проведенная за последние годы работа позволяла исследовательской группе поставить перед собой достаточно амбициозные цели при подготовке данной книги. В их число входили:

1. Оценить масштабы бедности в стране в соответствии с двумя основными подходами к выделению бедных в мировой социологической традиции (а именно абсолютным и относительным, в его депривационной версии, подходами к бедности), а также

---

<sup>2</sup> Подробнее об этих исследованиях (время проведения, выборка и т.д.) см. в Приложении.

определить долю населения России, находящегося в хронической бедности.

2. Определить основные признаки «бедности по-российски» в массовом сознании и динамике представлений в этой области за последнее десятилетие.
3. Сравнить значимость различных факторов попадания в бедность как в целом, так и с учетом гетерогенности бедных.
4. Определить представления самого населения о факторах попадания в бедность и сравнить их с объективной картиной причин бедности.
5. Оценить отношение россиян к бедным, а также динамику изменения этого отношения.
6. Установить наличие/отсутствие специфики нормативно-ценностных систем и поведенческих стратегий бедных, а также особенности использования ими «социальных лифтов».
7. Оценить текущую ситуацию с бедностью и социальными неравенствами в российском обществе с точки зрения степени ее соответствия принципам социальной справедливости, существующим в представлениях населения, и выявить уровень общественно-политической остроты восприятия проблемы социальных неравенств в современной России.
8. Оценить влияние различных факторов на интерес бедных и небедных слоев населения к общественной жизни, досугу, уровень их активности, отношение к власти, общее социально-психологическое состояние.
9. Определить основные особенности российской бедности на фоне ситуации с бедностью в развитых европейских странах и странах БРИК.

Реализация этих целей предполагала достаточно сложную **модель выборки**. С одной стороны, необходимо было иметь данные, репрезентирующие положение и позиции населения страны в целом. И эта задача была решена с помощью общероссийского опроса, репрезентирующего население страны в целом по региону проживания, а внутри него – по полу, социально-профессиональному статусу, образованию и типу поселения с квотным отбором респондентов на последней ступени выборки (общая численность опрошенных в рамках этой части опроса составила 1600 человек в возрасте 18 лет и старше).

С другой стороны, необходимо было иметь группу бедных, достаточную для анализа всех интересовавших нас проблем с учетом гетерогенности ее состава. Для решения этой задачи проводился допол-

нительный опрос среди представителей бедных слоев населения, т.е. россиян, представлявших разные регионы пропорционально численности их населения в составе населения страны в целом, среднедушевые доходы в семьях которых были не выше, чем прожиточный минимум в регионе их проживания по состоянию на 4-й квартал 2012 г., поскольку данные о прожиточном минимуме за 1-й квартал 2013 г. были в тот момент еще недоступны. Эта группа дополнительной выборки по бедным составила 300 респондентов.

Исследование проводилось в 21 субъекте РФ, представлявшем практически все территориально-экономические районы согласно районированию Росстата, и охватило 112 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 ПГТ и 37 сел. В число регионов, для которых шел самостоятельный расчет структуры выборки, входили Москва и Санкт-Петербург, а также 19 других субъектов Федерации, представлявших 11 территориально-экономических районов, в том числе:

1. **Северный район** – Архангельская обл.
2. **Северо-Западный район** – Новгородская обл. (представлявшая этот район вместе с Санкт-Петербургом).
3. **Центральный район** – Московская, Рязанская, Ярославская, Тульская области.
4. **Волго-Вятский район** – Нижегородская обл.
5. **Центрально-Черноземный район** – Воронежская обл.
6. **Поволжский район** – Республика Татарстан, Саратовская обл.
7. **Северо-Кавказский район** – Ростовская обл., Ставропольский край.
8. **Уральский район** – Свердловская, Челябинская области.
9. **Западно-Сибирский район** – Омская, Новосибирская области.
10. **Восточно-Сибирский район** – Иркутская обл., Красноярский край.
11. **Дальневосточный район** – Хабаровский край<sup>3</sup>.

---

<sup>3</sup> Дальнейшее (внутри избранных в качестве репрезентирующих – разные территориально-экономические районы субъектов РФ) районирование заключалось в расчете статистических квот по 4-м типам поселений: мегаполисы – 10,2% (См.: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Стат. бюлл. М.: Росстат, 2012. С. 359–385), административные центры субъектов РФ – 26,3%, административные центры районов – 30,9%, ПГТ – 5,7%, села – 26,9% (См.: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2012 года. Стат. бюлл. М.: Росстат, 2012. С. 9).

На стадии дальнейшего квотного отбора респондентов соблюдались долевые квоты по следующим социально-профессиональным признакам, представленные в таблице.

Таблица

**Долевые квоты для отбора интервьюерами респондентов по социально-профессиональным признакам, %**

Социальные группы	Доля в выборке
1. Рабочие промышленности, строительства, шахт – без высшего образования	17,0
2. Инженеры промышленности, строительства, шахт – с высшим образованием	2,8
3. Работники торговли, общественного питания, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб – со средним (или менее), начальным и средним профессиональным образованием	10,6
4. Работники финансовых, страховых компаний, торговли, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб – с высшим образованием	1,7
5. Работники (служащие): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, средств массовой информации – с высшим образованием	9,4
6. Работники (лаборанты, операторы, библиотекари, секретари, медсестры и др.): вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, средств массовой информации – со средним или средним профессиональным образованием	4,0
7. Военные, работники МВД, таможни, налоговых служб (с любым образованием)	4,9
8. Пенсионеры	20,0
9. Студенты вузов	2,7
10. Жители сел	26,9

Что же касается дополнительной выборки по бедным слоям населения, то определение квот для отбора респондентов, входящих в категорию бедных, осуществлялось по следующей методике. Для расчета параметров квот, по которым интервьюеры отбирали респондентов, использовались показатели официальной «черты бедности», устанавливаемые правительством Российской Федерации. Исходя из официальных критериев, на момент исследования (март 2013 г.) при моделировании выборки был принят общий средний «порог бедно-

сти» при среднемесечном доходе на одного взрослого члена семьи не более прожиточного минимума в его регионе. При этом никакого другого квотирования (по полу, возрасту и т.п.) не осуществлялось, и выборка носила случайный характер.

Однако надо подчеркнуть, что под бедными в книге подразумеваются отнюдь не те, кто вошел в специальную довыборку, а те, кто отвечал содержательным критериям бедности в обоих опросах. Отчасти это было связано с выделением бедных в общем репрезентативном массиве данных опроса 2013 г., а отчасти с тем, что при подготовке книги уже стало возможным использовать данные о прожиточном минимуме в регионах опроса за 1-й квартал 2013 г., отсутствовавшие в момент проведения опросов. Это привело к некоторому изменению не только численности, но и состава бедных в каждом регионе. Кроме того, наличие к моменту подготовки книги статистических данных о прожиточном минимуме в различных регионах для разных групп населения (трудоспособные, пенсионеры, несовершеннолетние дети) позволило благодаря наличию в анкете вопроса о составе домохозяйства более точно выделить тех, чьи среднедушевые доходы оказались ниже официальной «черты бедности» для соответствующей группы в каждом регионе<sup>4</sup>.

Исследование и настоящая книга подготовлены рабочей группой ИС РАН. Руководители исследования:

- академик РАН М.К. Горшков (концепция, программа и инструментарий исследования, общая редакция);
- д.соц.н., профессор Н.Е. Тихонова (концепция, программа и инструментарий исследования, общая редакция).

Члены рабочей группы: к.э.н. В.А. Аникин; к.соц.н. Ю.П. Лежнина; к.соц.н. С.В. Мареева; к.э.н. Е.И. Пахомова; к.ф.н. В.В. Петухов; к.соц.н. И.О. Тюрина; Н.Н. Седова.

Научный консультант исследования — доктор Р. Трауб-Мерц.

*М.К. Горшков*

---

<sup>4</sup> Методика выделения бедных детально описана в главе 1 настоящей монографии.

# ГЕТЕРОГЕННОСТЬ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Н.Е. Тихонова*

Хотячим штампом стало утверждение, что бедность выступает в российской культуре чуть ли не добродетелью, а идея аскезы, в прошлом характерная для православия, вошла в живую ткань культуры русского народа и его жизненного идеала. Но так ли это сегодня, когда со всех сторон льется безудержная пропаганда идеалов общества потребления, а с экранов телевизоров изо дня в день настойчиво внушается мысль о том, что ценность любого человека определяется прежде всего маркой и количеством тех предметов, которыми он владеет? Не превращаются ли сегодня бедные в своего рода изгоев, париев, недостойных ни уважения, ни сочувствия? Как вообще россияне понимают бедность, какая часть из них живет сегодня за «чертой бедности»? А главное, можно ли рассматривать российских бедных как гомогенную группу, или же российская бедность гетерогенна, и в зависимости от того, о каких именно бедных пойдет речь, будут меняться и их портрет, и необходимые меры поддержки им?

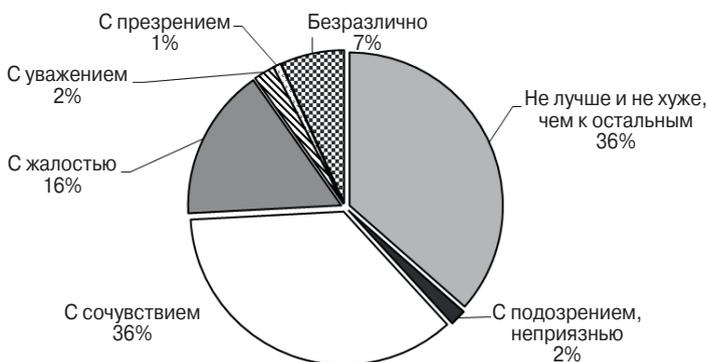
Попробуем хотя бы вкратце ответить на эти вопросы – ведь, несмотря на появление в последние годы ряда интересных работ<sup>1</sup>, посвященных анализу современной российской бедности, ответа на них до сих пор нет. В то же время они очень важны и для понимания

---

<sup>1</sup> См., например: *Овчарова Л.Н.* Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009; *Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е.* Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: методология, методы и математическое моделирование. 2011. № 33; *Бобков В.Н.* 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. № 2; *Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э.* Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1 и др.

общего вектора развития российского общества, и для совершенствования государственной политики борьбы с бедностью.

Как свидетельствуют имеющиеся эмпирические данные, реальная картина восприятия бедности в современной российской культуре не тяготеет ни к ее идеализации, ни к осуждению. Так, если говорить об отношении к бедным, то доминирующим отношением к бедности у россиян является сочувствие (36%), (рис. 1.1). Если же учесть тех, кто относится к ним либо с жалостью (16%), либо с уважением (2%), то можно утверждать, что *россиянам сейчас свойственно относиться к бедным, скорее, позитивно.*



**Рис. 1.1. Как россияне относятся к бедным, 2013 г.**

В то же время почти половина населения не испытывает к бедным ни сочувствия, ни жалости, ни тем более уважения. Более трети россиян вообще не выделяют бедных как особую категорию, заслуживающую какого-то специального отношения, и выстраивают свои отношения с ними лишь на индивидуальной основе, по впечатлению от конкретного человека. Еще 7% к ним откровенно безразличны. И хотя негативно (с презрением, подозрением или неприязнью) к бедным относятся считанные единицы (2%), такое «индифферентное» отношение к ним заметно отличается от существовавшего в российской культуре ранее, в том числе и сравнительно недавно – всего 10 лет назад.

Так, если сравнить данные исследований ИС РАН в 2003 и 2013 гг., то видно *четко прослеживающееся ухудшение отношения к бедным.* Как видно на рис. 1.2, за последние 10 лет среди россиян резко (более чем в полтора раза) сократилось число относящихся к бедным с сочув-



**Рис. 1.2. Динамика отношения россиян к бедным, 2003 и 2013 гг., %**

ствием и одновременно сильно (тоже более чем в полтора раза) увеличилась доля тех, кто относится к ним не лучше и не хуже, чем ко всем остальным. Почти втрое выросла за этот период и доля относящихся к ним безразлично.

Особенно индифферентно относятся к бедным те, кто не имеет бедных в своем ближайшем окружении. Среди них с сочувствием (31%), жалостью (17%) или уважением (1%) относятся к бедным в общей сложности менее половины. Отметим в этой связи, что для российского общества в последние годы характерны все большее «закрытие» различных социальных слоев и рост числа не имеющих бедных среди родственников, знакомых, соседей, друзей: в 2003 г., например, не имели бедных в своем ближайшем окружении 18% россиян, а в 2013 г. таковых стало уже 33%, т.е. почти вдвое больше.

Серьезные изменения происходят и в восприятии россиянами как причин бедности, так и самих бедных. Так, если говорить о причинах бедности, то за прошедшие годы резко уменьшилась, с точки зрения россиян<sup>2</sup>, роль в попадании в бедность такого фактора, как невыплата или задержка зарплаты по месту работы (табл. 1.1). Если в 2003 г.<sup>3</sup> именно эта, внешняя по отношению к самим работникам,

<sup>2</sup> Вопросы о причинах бедности задавались в исследованиях 2003 и 2013 гг. в форме, предполагавшей оценку респондентами причин бедности тех людей, которых они хорошо знают: родственников, друзей, соседей, коллег по работе. Фактически респонденты выступили в этом вопросе в роли экспертов, хорошо знающих предмет обсуждения.

<sup>3</sup> Речь идет о данных общероссийского опроса «Богатые и бедные в современной России» (2003). Подробнее см. о нем в Приложении.

Таблица 1.1

**Динамика представлений россиян о причинах бедности людей из их ближайшего окружения, 2003 и 2013 гг., % от имевших бедных в своем окружении**

(допускалось до пяти ответов, отранжировано по данным 2013 г.)

Причины бедности	2003	2013
Длительная безработица	41	41
Болезнь, инвалидность	37	40
<b>Алкоголизм, наркомания</b>	<b>35</b>	<b>39</b>
<b>Недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению</b>	<b>38</b>	<b>32</b>
<b>Семейные неурядицы, несчастья</b>	<b>25</b>	<b>31</b>
Лень, неприспособленность к жизни	22	23
Плохое образование, низкая квалификация	23	21
Отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей, знакомых	20	20
<b>Невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий</b>	<b>47</b>	<b>19</b>
Низкий уровень жизни их родителей	20	19
Нежелание менять привычный образ жизни	19	18
Наличие большого числа иждивенцев	17	17
Проживание в бедном регионе (районе, городе, местности)	17	17
Им просто не везет	14	13
Они мигранты, беженцы	5	4

*Примечание.* **Жирным** шрифтом выделены позиции, в оценке которых разница показателей в 2003 и 2013 гг. составляла более 3%, т.е. величины статистической погрешности, в пользу 2003 г., а **жирным курсивом** – те, по которым распространенность их с 2003 г., напротив, выросла.

структурная причина бедности была бесспорным лидером в рейтинге этих причин, то в 2013 г. в списке причин бедности она занимала лишь 10-е место. Сократилась также, хотя и в гораздо меньшей степени, роль такой причины бедности, как недостаточность государственных пособий по соцобеспечению, зато выросла значимость разного рода семейных несчастий (смерть кормильца и т.п.) и алкоголизма/наркомании.

Таким образом, *нынешняя ситуация с бедностью в России связана в восприятии населения уже не столько с общей экономической ситуацией, как это было в 2003 г., сколько с неправильным поведением самих бед-*

*ных или теми несчастьями, которые произошли в их семьях и не компенсируются должным образом мерами государственной социальной политики.*

С этими изменениями хорошо согласуется и портрет бедных, формирующийся сегодня в сознании россиян. Хотя 71% их все еще считают, что бедные ни в чем с точки зрения их морально-нравственного облика не отличаются от остального населения, но почти 30% уверены, что такие отличия есть, и главное из них распространенность в среде бедных пьянства и наркомании (60%). Среди других таких особенностей относительно чаще упоминаются присущие бедным хамство, грубость, нецензурная брань (10%), плохое воспитание ими собственных детей и невнимание к ним (6%), проституция (4%) и т.д. Следовательно, *отчетливо прослеживается начало стигматизации бедных в российском обществе, формирования их портрета как портрета андеркласса, отличающегося от остального населения страны не только уровнем доходов, но также своим поведением.*

Изменения взглядов россиян на причины бедности, как и особенности портрета бедных в общественном сознании в современной России, свидетельствуют, что в последние годы восприятие бедности индивидуализируется. Действительно, одно дело, когда люди оказываются в бедности из-за смерти кормильца семьи, тяжелой болезни кого-то из членов домохозяйства и т.п., а государство не учитывает возникающих при этом рисков бедности и практически не оказывает помощь данным категориям. К таким людям россияне и сегодня в массе своей относятся с сочувствием и жалостью. И совсем другое, когда к бедности приводят алкоголизм и наркомания, а это, судя по всему, происходит все чаще. Таким бедным типичный россиянин отнюдь не склонен сочувствовать и не понимает, почему за счет его благосостояния им надо помогать из бюджетных средств, тем более, что «все равно ведь пропьют». В этом отношении *идеология усиления адресности социальной помощи с выделением степени нуждаемости как главного критерия для помощи человеку, активно пропагандируемая в последние годы, приходит в полное противоречие с жизненным опытом и взглядами рядовых граждан страны.*

Итак, «закрытие» благополучных социальных слоев, изменение значимости различных причин бедности и портрета бедности в общественном сознании, начавшаяся стигматизация бедных приводят к тому, что *бедность в восприятии россиян все меньше сама по себе выступает основанием для априорного сочувствия оказавшимся в сложном положении людям, отношение к которым начинает выстраиваться в современном российском обществе исходя уже не из факта, а из особенностей причин их бедности. Тем самым из «категориального»*

оно превращается в «индивидуальное», связанное с жизненной ситуацией конкретного, определенного человека. Одновременно бедные как специфическая социальная группа, заслуживающая какого-то особого отношения, все дальше отодвигаются на периферию сознания наших сограждан. А это значит, что *помощь бедным как таковым, как особой социальной группе, все больше уходит из актуальной для большинства населения страны «повестки дня».*

Посмотрим теперь, кого же россияне считают бедными, насколько обоснованна их точка зрения и как она соотносится со взглядами специалистов по этой проблеме. Сразу подчеркнем, что ответы на эти вопросы будут полностью зависеть в России от того, кто будет на них отвечать. Так, для экономистов бедные выступают прежде всего объектом экономической помощи, а соответственно, необходимо в первую очередь оценить их материальные ресурсы, дефицит доходов, финансовые затраты на помощь им и т.п. Поэтому *бедные для них — это чаще всего те, чей доход меньше, чем определенная, изначально заданная как «черта бедности» сумма* (в рублях, долларах, евро и т.д.). При этом *«черта бедности» (прожиточный минимум) задается директивно, на основе расчетов экспертов.* Отчасти такой же подход (известный в науке как **абсолютный подход к бедности**) характерен и для представителей экономической социологии.

Для социологов же бедные выступают как особая группа общества, характеризующаяся специфическим местом в социальной структуре, иными, чем у всего населения, возможностями и жизненными шансами, а, следовательно, *бедные — это не те, кто имеет доходы ниже какой-то расчетной величины, а те, кто живет бедно.* Причины несовпадения этих двух групп могут быть различны. Так, к очень низкому уровню жизни при доходах, формально находящихся выше прожиточного минимума, может приводить специфика расходов соответствующего домохозяйства (есть тяжелооболной, и много денег уходит на лекарства), наличие в семье наркомана или алкоголика, высокая стоимость жизни в определенном населенном пункте и т.п. В науке этот подход получил название относительного, поскольку бедные в нем выделяются не как выделенная по абстрактно задаваемым критериям группа, а *относительно уровня и особенностей образа жизни большинства членов данного общества* (страны или локального сообщества). Основоположником этого подхода выступил еще в 1970-е гг. известный британский ученый П. Таунсенд<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979. (

Сейчас **относительный подход к бедности** используется в науке в двух версиях. Первая из них — **депривационная**, основоположником которой, собственно, и был П. Таунсенд. Она исходит из того, что бедные отличаются от остальных членов сообщества тем, что испытывают лишения, которые остальные не испытывают, причем в рамках разных стран и культур эти лишения (признаки бедности) могут быть разными. Вторая версия относительного подхода к бедности исходит из того, что при определенном уровне дохода, который ниже уровня среднего (или чаще медианного — поэтому этот подход обычно называется **медианным**) дохода, человек обречен на нехарактерные для большинства членов данного сообщества лишения, причем такие лишения, которые ассоциируются в данном сообществе с бедностью. Именно этот подход для выделения бедного населения используют обычно в странах Евросоюза. Индикатором относительной бедности выступает при нем показатель среднедушевых доходов в домохозяйстве на уровне определенной доли (40–60%) медианного дохода по стране, причем чем беднее страна, тем обычно выше показатель доли медианного дохода, «отсекающего» бедных от остального населения<sup>5</sup>.

Наконец, само население России, не мудрствуя лукаво, считает бедными и тех и других. При этом оно имеет четкие представления и о черте бедности «в рублях», и о признаках образа жизни и лишений, характерных для бедных.

Попробуем последовать этой логике и мы. Будем считать бедными и тех, чей доход ниже официально прожиточного минимума (**бедных «по доходу»**), и тех, кто характеризуется образом жизни, ассоциирующимся в сознании россиян в силу испытываемых ими лишений с бедностью (**бедных «по лишениям»**). Поскольку при этом представляют интерес не только общая численность этой объединенной группы бедных, но и их соотношение между собой, то рассмотрим также, как соотносятся две выделенные группы бедных между собой, в чем заключаются их общие и специфические черты.

Сначала оценим ситуацию с бедными «по доходам». *Для населения в целом весной 2013 г. бедным являлся человек, среднемесячный душе-*

---

<sup>5</sup> Подробнее сравнительный анализ специфики этих подходов к бедности см.: Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению / Колл. монография. М., 1998 (Моск. центр Карнеги. Вып. 24); Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013 Т. 22. № 1 и др.

вой доход в семье которого составлял 8848 руб. Доходы ниже этого уровня имела, судя по данным исследования, почти четверть россиян (23%). Однако ориентировались ли при этом россияне на представления об определенной минимальной «потребительской корзине» или же они отталкивались от представлений о типичном уровне доходов, который должен обеспечивать минимально приемлемый, «нормальный» образ жизни? Вопрос этот можно задать и по-другому: как арифметически соотносятся «черта бедности», сформированная на основе представлений о ней самих россиян, доходы обычных российских семей и задаваемый регионами в соответствии с предложенной Росстатом методологией прожиточный минимум? Ответ на эти вопросы имеет существенное значение для выработки методологии выделения бедных.

Как показало исследование 2013 г., среднедушевые доходы рядового россиянина в начале 2-го квартала того же года составили 14 575 руб. Таким образом, задаваемая россиянами «черта бедности» в 8848 руб. проходит на уровне примерно 60% среднего дохода на человека в месяц по стране, что соответствует распространенным в социальной политике развитых стран и среди специалистов по бедности представлениям об их оптимальном соотношении при том уровне экономического развития страны, на котором находится Россия.

Однако, если посмотреть на соотношение установленной населением «черты бедности» с медианой распределения доходов, то оказывается, что «черта бедности» проходит на уровне 73,7% их медианы. Это очень заметно отличается от рекомендуемых в развитых странах нормативов их соотношения, находящегося в диапазоне от 40 до 60% медианы доходов. Такая парадоксальная картина объясняется тем, что в России очень низкая медиана доходов населения: фактически есть благополучные 25–30% населения, к которым примыкают еще примерно 15–20% условно благополучных. Что же касается остальных, то, несмотря на наблюдающийся у них формальный рост доходов, фактически их доля в разделе «национального пирога» с годами относительно уменьшается (табл. 1.2). Именно заниженностью медианы доходов и объясняется парадоксальная, на первый взгляд, ситуация «нормального» соотношения представлений россиян о «черте бедности» со среднедушевыми доходами в стране и «ненормального», нехарактерного для развитых стран их соотношения с медианой доходов населения. В результате *медианный доход в его классической версии оказывается в России неприменим или по меньшей мере требует использования показателя «черты бедности», как минимум, в 70% медианного дохода.*

Таблица 1.2

**Динамика распределения общего объема денежных доходов населения в 1995–2012 гг., по данным ФСГС РФ<sup>6</sup>, %**

<b>Денежные доходы по 20%-ным группам населения</b>	<b>1995</b>	<b>2000</b>	<b>2005</b>	<b>2010</b>	<b>2012</b>
Первая (с наименьшими доходами)	6,1	5,9	5,4	5,2	5,2
Вторая	10,8	10,4	10,1	9,8	9,8
Третья	15,2	15,1	15,1	14,8	14,9
Четвертая	21,6	21,9	22,7	22,5	22,5
Пятая (с наибольшими доходами)	46,3	46,7	46,7	47,7	47,6

Тем не менее существующая в представлениях самих россиян и определяемая через соотношение со среднедушевыми доходами «черта бедности» достаточно логична, и на нее вполне можно опираться в оценках ситуации с бедностью в стране. Важно подчеркнуть, что официально установленная в России «черта бедности» примерно на четверть ниже представлений о ней россиян. Так, по состоянию на 1-й квартал 2013 г., прожиточный минимум составлял, по данным Росстата, в среднем 7095 руб. в месяц (7633 руб. – на трудоспособного, 5828 руб. – на пенсионера и 6859 руб. – на детей). Из них 3307 руб. в составе прожиточного минимума предусматривались на продукты питания, 1642 руб. – на все непродовольственные товары (включая лекарства), еще 1642 руб. – на все услуги (включая услуги ЖКХ и транспорт), а остальное – на налоги и другие обязательные платежи и сборы<sup>7</sup>. Учитывая реальную стоимость одних только услуг ЖКХ, понятно, что такой прожиточный минимум является в современных условиях явно заниженным. Потребность же в систематическом использовании лекарств сразу ставит человека с доходами, даже несколько превышающими официальный прожиточный минимум, в тяжелейшее финансовое положение. Поэтому представления о «черте бедности» россиян в целом, видимо, все-таки ближе к реальности, чем расчеты Росстата, тем более что и эти представления также достаточно скромны. Так, 70% населения страны видят «черту бедности» на уровне не выше 7 тыс. руб. на человека в месяц, и только менее трети всех россиян видят ее на уровне 8–10 тыс. руб.

<sup>6</sup> [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/urov/urov\\_32g.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm)

<sup>7</sup> [http://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm)

Однако и применительно к последним речь идет отнюдь не о каких-то завышенных требованиях. Просто эта часть населения в массе своей проживает там, где стоимость жизни относительно выше: ведь на представления о «черте бедности» заметно влияют тип населенного пункта, в котором проживают респонденты (в мегаполисах и селах, например, эта черта по медиане распределений проходит на уровне 10 тыс. руб. и 7 тыс. руб. соответственно), и регион их проживания. В зависимости от этого фактора представления о «черте бедности» различаются ровно вдвое и находятся в диапазоне от 5 тыс. руб. (Воронежская, Челябинская и Ростовская области) до 10 тыс. руб. (Москва, Санкт-Петербург, Красноярский и Хабаровский края).

Такой разброс отражает тот объективный факт, что *поселенческие и региональные различия в стоимости жизни в России очень велики. При этом поселенческие различия при установлении размера прожиточного минимума Росстатом вообще не учитываются, а региональные ставятся во главу угла вплоть до того, что прожиточный минимум устанавливается в каждом регионе отдельно и самостоятельно.* В итоге разброс в величине прожиточного минимума по регионам довольно велик, и хотя и коррелирует с представлениями населения соответствующих регионов о «черте бедности», но может при этом быть как выше, так и ниже нее в зависимости от поселенческой структуры населения, степени ее гомогенности и даже «политических» соображений местного руководства при установлении прожиточного минимума. Так, в Москве медианным значением представлений населения о необходимом размере прожиточного минимума выступали 10 тыс. руб., что близко к показателям официального прожиточного минимума, который был установлен на момент опроса в размере 9850 руб.<sup>8</sup> В Санкт-Петербурге же официальный прожиточный минимум составлял 6892,6 руб.<sup>9</sup>, а по представлениям населения он также должен был быть не менее 10 тыс. руб. Учитывая сходство образа жизни населения двух этих мегаполисов, а также тот влияющий на стоимость жизни факт, что Петербург расположен севернее Москвы, это мнение населения представляется более обоснованным, чем позиция местного руководства при расчете регионального прожиточного минимума.

---

<sup>8</sup> Постановление Правительства Москвы от 19.06.2013 № 392-ПП (<http://afga.ru/?p=48>)

<sup>9</sup> Закон Санкт-Петербурга от 21.11.2001 № 812-106 (<http://gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/news/38082/>)

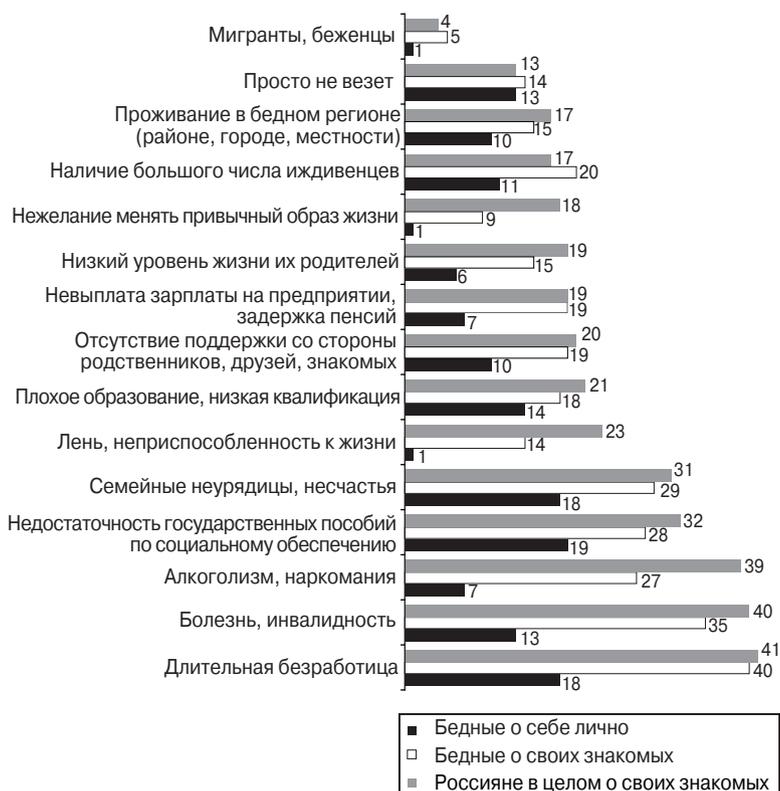
Тем не менее, несмотря на эти недостатки официально используемой методологии выделения бедных, в целях обеспечения сопоставимости результатов нашего анализа с данными официальной статистики, мы отнесли к бедным «по доходу» только тех респондентов, среднедушевые доходы в домохозяйствах которых были ниже, чем установленный в их регионах прожиточный минимум для соответствующих категорий населения. Таковых в нашем массиве оказалось 13%. Это почти в 2 раза меньше, чем если ориентироваться на существующую в представлениях россиян «черту бедности», но практически совпадает с данными Росстата (13,8%<sup>10</sup>).

Интересно, что представления бедных «по доходу» о **причинах попадания в бедность** в современной России заметно отличаются от представлений всего населения. Правда, это касается не столько оценок причин бедности их ближайшего окружения, сколько причин их собственной бедности. Сами бедные относительно чаще выбирают сегодня три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. При этом они гораздо реже, чем россияне в целом, говорят о таких причинах бедности, как алкоголизм, лень, неприспособленность к жизни, нежелание менять ради заработков привычный образ жизни и даже болезнь. Таким образом, они чаще всего не видят собственной ответственности за свою бедность и винят в ней государство, которое не обеспечило их ни работой, ни пособиями достаточного для преодоления бедности размера. При этом причины бедности своих знакомых бедные «по доходам» оценивают достаточно близко к картине этих причин в восприятии россиян в целом, и в массе своей в данном вопросе они гораздо критичнее (рис. 1.3).

Добавим к этому важному для оценки идентичностей бедных факту то, что, хотя за последние 10 лет среди бедных «по доходам» выросла доля оценивающих свое материальное положение как плохое и даже признающих себя живущими за «чертой бедности», они все же в массе своей не хотят признавать себя «социальным дном», хотя и относят себя в подавляющем большинстве к нижним слоям общества. Так, среди бедных «по доходу» при самооценке своего социального статуса по десятибалльной шкале на нижние три «ступени социальной лестницы» отнесли себя более половины. Это связано с уже упоминавшимся выше изменением отношения к бедным в российском обществе: не

<sup>10</sup> [http://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm)

случайно три четверти признающих себя бедными говорили о том, что им приходилось испытывать чувства неловкости и стыда из-за своей бедности. Более того, четверть всех бедных «по доходу» сталкивалась, по их мнению, с дискриминацией, обусловленной именно их материальным положением, которое отражается на их внешнем виде (дешевая одежда и т.п.). Неудивительно, что бедные недовольны своим статусом в обществе: во всяком случае, доля оценивавших его как хороший была у них в разы меньше, чем оценивавших его как плохой, при том, что в небедном населении доля оценивавших его как хороший была в 7 раз больше, чем оценивавших его как плохой.



**Рис. 1.3.** Представления бедных «по доходам» о причинах бедности людей из их ближайшего окружения и о причинах собственной бедности, 2013 г., % от бедных, имеющих бедных в своем окружении (допускалось до пяти ответов, отранжировано по россиянам в целом)

Особенно остро стыд из-за своего положения испытывают те, кто находится в бедности уже не один год. Причем переломным моментом является срок пребывания в бедности более трех лет: именно с этого времени накопление дефицита текущих доходов начинает, видимо, проявляться внешне. Во всяком случае, среди тех, кто признает, что уже более трех лет находится за чертой бедности, которых далее мы будем называть *«хронические бедные»*, практически половина часто испытывает чувство стыда и неловкости за свою бедность, и еще четверть испытывает его хотя бы иногда. Если учесть к тому же, что 40% находящихся в бедности более трех лет ощущают себя объектами дискриминации, а основаниями для этой дискриминации они считают прежде всего особенности, вытекающие из их материального положения (внешний вид и т.п.), то понятно, что *применительно к значительной части бедных можно уже, видимо, говорить не просто о нехватке текущих доходов, а о социальной эксклюзии.*

Посмотрим теперь, как обстоят дела со второй группой бедных – *бедных «по лишениям»*. Напомним, что эта группа была выделена согласно депривационному подходу и объединяет тех, кто реально живет бедно и испытывает ряд лишений, нехарактерных для большинства россиян. Уровень их доходов не обязательно должен быть ниже прожиточного минимума: ведь к очень низкому уровню жизни при доходах, формально находящихся выше прожиточного минимума, как уже отмечалось выше, может приводить и специфика расходов соответствующего домохозяйства.

Если посмотреть на ситуацию с бедностью в России с этой точки зрения, то прежде всего надо отметить: *у россиян есть очень устойчивое представление о том, что именно выступает признаками того, что человек живет бедно. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так как хочется свое свободное время, а детям – добиться того же, что и большинство их сверстников* (табл. 1.3).

Таблица 1.3

**Динамика представлений россиян в целом и бедных «по доходам» о том, чем жизнь бедных семей в России отличается от жизни всех остальных, 2003 и 2013 гг., % (допускалось до пяти ответов, отранжировано по ответам населения в 2013г.)**

Признаки бедности	По мас-сиву в целом, 2003	По мас-сиву в целом, 2013	Бедные по доходам, 2003	Бедные по доходам, 2013
Характер питания	<b>85</b>	<b>73</b>	<b>88</b>	<b>75</b>
Доступность приобретения или качество одежды и обуви	<b>55</b>	<b>58</b>	<b>52</b>	<b>62</b>
Возможность удовлетворения первоочередных нужд без долгов	38	<b>51</b>	37	<b>58</b>
Качество занимаемого жилья	<b>53</b>	47	<b>54</b>	49
Доступность и уровень медицинского обслуживания и лекарств	<b>52</b>	44	<b>52</b>	45
Возможность получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых	40	35	33	28
Возможность проведения досуга, отпуска	33	32	31	32
Возможность для детей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников	25	29	24	28
Доступность культурной жизни (посещение театров, кино, клубов, приобретение книг, журналов и т.п.)	16	16	16	14
Отношение к ним окружающих	10	<b>16</b>	11	12
Возможность иметь интересную работу	9	<b>15</b>	10	<b>21</b>
Большая незащищенность от физического насилия и посягательств на их собственность	17	<b>10</b>	20	9
Возможность активно участвовать в общественной и политической жизни	4	2	3	2

*Примечание.* **Жирным** шрифтом выделены позиции, выбранные как признаки бедности, более чем половиной членов соответствующей группы, серым фоном – признаки, изменения по которым в соответствующей группе за 10 лет составили 5% и более.

Картина признаков бедности достаточно устойчива, и резко изменились за последние 10 лет показатели лишь по такому признаку, как невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Менее заметно, но все же возросла в последние 10 лет, особенно с точки зрения самих бедных, и роль таких отличий их жизни от жизни остального населения, как доступность приобретения и качество одежды и обуви (что, видимо, отражает процесс дискриминации бедных из-за их внешнего вида, о чем уже упоминалось выше), невозможность иметь интересную работу, а для детей — добиться того же, чего удастся добиться большинству их сверстников. Следовательно, речь идет о *таких признаках бедности, которые говорят о превращении бедных в социально исключенных, а саму бедность постепенно переводят в эксклюзию.*

Именно обострение этих проблем в условиях ограниченного числа ответов, которые можно было выбрать в ходе опроса, привело, видимо, и к сокращению роли доступности медицинской помощи как признака бедности: на самом деле, как будет показано в главе 2, ситуация для бедных в данной области и объективно, и субъективно за последние 10 лет лет ухудшилась. Тем не менее, этот признак бедности, как и невозможность получения хорошего образования, включая дополнительные занятия для детей и взрослых, ограниченность возможностей проведения досуга, в частности недоступность посещения платных культурных мероприятий и т.д., заняли достаточно высокие места в общем рейтинге признаков бедности.

Наличие в общественном сознании довольно четкой картины жизни типичного бедного побудило нас выделить из всех опрошенных россиян тех, чей образ жизни соответствует существующему у населения страны представлению о бедности. После проведения предварительного анализа<sup>11</sup> и с учетом особенностей инструментария опросов в 2003, 2008 и 2013 гг., составлявших основную эмпирическую базу исследования, нами были выделены 11 лишений, за наличие каждого из которых присваивались баллы. В число этих лишений входили: самооценка своих возможностей питаться и одеваться как плохих; отсутствие какого-либо недвижимого имущества в собственности; общее количество товаров длительного пользования

---

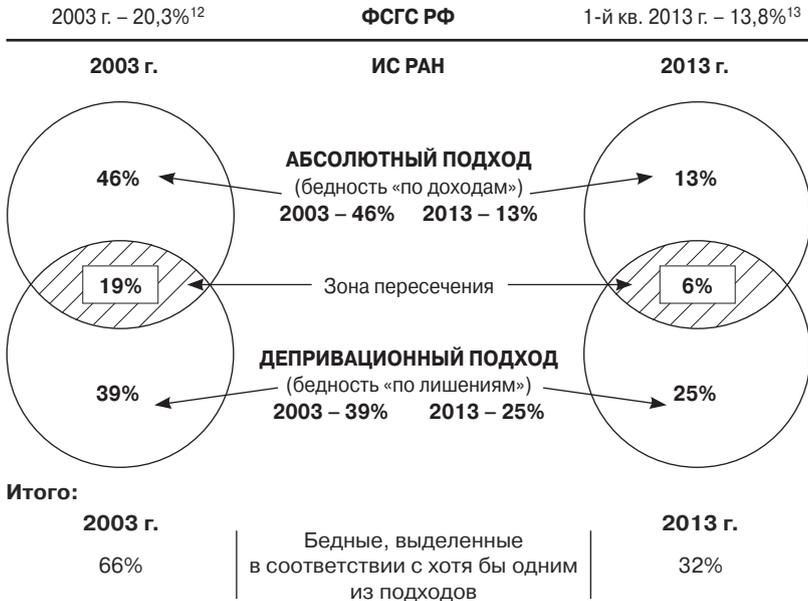
<sup>11</sup> В ходе выработки набора лишений, свидетельствующих о пребывании в бедности, учитывался и тот весьма ограниченный опыт использования депривационного подхода в России, который отражен в литературе (см. прежде всего: Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России.

в домохозяйствах ниже их медианного значения для россиян в целом; количество товаров длительного пользования не старше 7 лет в домохозяйствах ниже медианного значения для россиян в целом; наличие одновременно двух и более различных видов задолженностей; недостаточная обеспеченность жилплощадью; вынужденное проживание в общежитии, служебной квартире, части дома; отсутствие возможностей использования платных социальных (образовательных, медицинских и рекреационных) услуг для себя или детей за последние три года; отсутствие любых значимых улучшений в жизни в последние годы; отсутствие любых форм платного досуга вне дома (посещения спортклубов и секций; посещения театров, концертов, кино; посещения музеев, выставок и вернисажей; посещения кафе, баров и ресторанов; посещения дискотек, ночных клубов, других развлекательных мероприятий).

Все, набравшие согласно этой методике 4 балла или более, были отнесены в категорию бедных «по лишениям», поскольку, учитывая характер индикаторов, такой показатель свидетельствовал о многомерной депривации. Как показали расчеты, *к числу бедных «по лишениям» в 2003 г. относились 39% населения, в 2008 г. — 33% населения, а к 2013 г. их число сократилось до 25% населения.* Такое значительное сокращение числа бедных, выделенных в рамках депривационного подхода, обусловлено прежде всего, улучшением у части ранее бедного населения ситуации с питанием, одеждой и досугом, а также расширением имеющегося набора домашнего имущества.

Важно подчеркнуть, что *те, кто испытывает лишения, ассоциирующиеся у населения с бедностью, далеко не всегда бедны «по доходам», т.е. это не всегда те же люди, чей душевой доход ниже регионального прожиточного минимума для соответствующей категории населения.* При этом часть тех, кто имеет менее прожиточного минимума, т.е. является бедным «по доходам», не принадлежат к наиболее бедствующим слоям населения, судя по их уровню и образу жизни (рис. 1.4). В то же время четыре пятых тех, кто является бедным «по лишениям», имеют доходы выше прожиточного минимума.

При оценке приведенных на рис. 1.4 данных стоит обратить внимание также на то, что бедность «по доходам» сократилась за последние 10 лет гораздо больше, чем бедность «по лишениям»: с 46 до 13% против 39 и 25% соответственно. Уже одно это заставляет предполагать, что *проблема несовпадения этих групп не только в разнице подходов к пониманию такого феномена, как бедность, при их выделении,*



**Рис. 1.4. Численность бедных, выделенных в соответствии с абсолютным и депривационным подходами к бедности, 2003 и 2013 гг., %**

но и в заниженности показателей прожиточного минимума, используемого Росстатом, применительно к реалиям современной России. В итоге доля бедных также оказывается заниженной в разы.

Еще один важный вывод, следующий из приведенных выше данных, тот, что бедные «по доходам» и бедные «по лишениям» – это хотя отчасти и пересекающиеся, но все же скорее дополняющие, чем дублирующие друг друга, группы бедных. Следовательно, тем интереснее сравнить их между собой, что и будет сделано в этой и последующих главах.

Однако, прежде чем переходить к такого рода анализу, отметим еще один очень важный факт, относящийся к динамике численности бедных в России за последние 10 лет. Доля бедного населения сократилась за эти годы вдвое: с двух третей до трети населения страны. Причем такое сокращение произошло в основном за счет формального роста доходов населения и сокращения за этот счет доли тех, кто

<sup>12</sup> [http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/urov/urov\\_51g.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.htm)

<sup>13</sup> [http://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm)

попадает в число бедных «по доходу»: их стало за это время в 5 раз меньше. Одновременно в 5 раз сократилось и число тех, кто оказывался сразу и бедным «по доходу», и бедным «по лишениям». Что же касается бедных «по лишениям», то, как уже отмечалось выше, их число сократилось намного меньше — лишь с 39 до 25% от всех россиян. *В результате как в 2003 г., так и в 2013 г. 20% россиян вели образ жизни, который позволяет охарактеризовать их как бедных, хотя доходы их выше прожиточного минимума.* Таким образом, *эта группа бедных, при всех несомненных успехах борьбы с бедностью в рамках проводимой государством социально-экономической политики, остается неизменной по численности, а ее удельный вес в составе российской бедности в целом быстро нарастает.*

Но, несмотря на то что рост доли небедного населения с 34% в 2003 г. до 68% в 2013 г. — несомненный успех государственной политики борьбы с бедностью, для закрепления этого успеха на будущее необходимо понимать, что *бедных в России все-таки в разы больше, чем их насчитывает Росстат, хотя продолжительность, глубина и характер их бедности разные, т.е. российская бедность характеризуется очень высокой гетерогенностью.* При этом *чрезвычайно опасно, что минимум 4–5% населения, т.е. около 6–7 млн человек, образуют группу глубокой и застойной бедности, которая принципиально отличается от других типов бедности.* Так, если *ситуационная бедность* характеризует тех, кто зачастую в силу каких-то случайных причин попал в ситуацию нехватки текущих доходов на несколько месяцев, а «плавающая» бедность описывает тех, кто в течение нескольких лет то «сползает» за «черту бедности», то чуть поднимается над этой чертой, еще имея шансы выбраться из бедности, то *хроническая бедность* могла бы избрать своим девизом «Оставь надежду всяк сюда входящий»: ведь опасность хронической бедности заключается не только в том, что она генерирует межпоколенное воспроизводство бедности (к чему мы еще вернемся в главе 6 данной книги), или в том, что для нее характерно накопление дефицита доходов, затрудняющее выведение домохозяйства из бедности в силу чисто экономических причин и объективно способствующее консервации бедности, на чем мы подробнее остановимся в следующей главе.

По крайней мере не менее опасно и формирование у ее представителей специфического образа жизни с утратой надежды на изменение сложившейся ситуации, прекращением попыток что-то изменить в ней, ростом аномии и агрессивности, формированием новых идентичностей, иных моделей брачности и т.д. Длительное пребывание

в бедности изменяет и круг общения людей, заменяя прежний круг на «себе подобных» (среди хронических бедных, как показывает исследование, две трети говорят о том, что в их круге общения три бедных семьи и более, в то время как среди представителей ситуационной бедности таковых в два с лишним раза меньше). Это ведет и к усвоению новых идентичностей, и к формированию новых поведенческих паттернов<sup>14</sup>.

С этой точки зрения очень важно, что, как показало исследование, более 90% тех, чья бедность длится более трех лет, не только являются представителями хронической бедности<sup>15</sup>, но и относятся одновременно как к бедным «по доходам», так и к бедным «по лишениям». Более того, свыше 70% их при этом признают, что они живут ниже «черты бедности». *Таким образом, хроническая бедность – это своего рода «ядро» бедности в современной России. Именно хронические бедные имеют доходы ниже прожиточного минимума, являются носителями сформировавшихся идентичностей представителей бедных слоев населения, и к тому же их положение характеризуется многомерной депривацией.* С учетом этого, хотя мы выбрали в качестве основного объекта своего анализа группы бедных «по доходу» и бедных «по лишениям», мы проверяли также некоторые выделенные тенденции и по хроническим бедным как «ядру» российской бедности, позволяющему лучше понять перспективы ее дальнейшего развития и проблемы, которые ждут российское общество в будущем в этой области.

В заключение рассмотрения российской бедности через призму разных методологических подходов к ней упомянем и о том, что при анализе бедности часто выделяют также и категорию «субъективной» бедности (*бедность «по самооценке»*), под которой подразумевается принятие на себя людьми идентичности бедных, характеристику самих себя именно как представителей бедных слоев населения. Выше уже отмечалось, что принятие этих идентичностей характерно лишь для «ядра» бедности и в массе своей бедные не хотят принимать

---

<sup>14</sup> Слободенюк Е.Д., Тихонова Н.Е. Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33; Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5; Тихонова Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. № 10.

<sup>15</sup> В то же время три четверти тех, кто принял на себя идентичности бедных, по их словам, находились в бедности уже более трех лет, и лишь каждый двадцатый был в бедности менее года.

на себя соответствующие идентичности: всего 40% бедных (в том числе 19% тех, кто был беден по одному из подходов, и 72% бедных по двум подходам одновременно) можно рассматривать как бедных «по самооценке», причем и среди бедных «по доходу», и среди бедных «по лишениям» соответствующие идентичности распространены в равной степени. Таким образом, *объективно бедность распространена в России гораздо шире, чем субъективная бедность, характеризующая в основном представителей наиболее тяжелых ее форм, когда недостаток текущих доходов сопровождается множественной депривацией и/или когда пребывание в бедности длится в течение ряда лет.*

В то же время небедные россияне, в отличие от ситуации конца 1990-х — начала 2000-х гг., уже не стараются «прибедняться» и не принимают на себя идентичностей бедных: не случайно группа бедных «по самооценке» на 96% вошла в состав бедных «по доходам» или «по лишениям». Таким образом, если говорить о методологии выделения бедных, то сейчас наличие у респондентов соответствующих идентичностей, с одной стороны, более информативно, поскольку позволяет выделять именно бедных. С другой стороны, поскольку соответствующие вопросы в анкетах позволяют выделять лишь незначительную часть бедных, то использование их оправдано лишь в отдельных случаях, когда предметом анализа являются идентичности или ценности представителей бедных слоев населения.

Подведем итоги.

В современном российском обществе четко прослеживается ухудшение отношения к бедным, идут процессы их стигматизации, бедность чаще стала ассоциироваться с пьянством, а также другими асоциальными формами поведения. В то же время россияне в большинстве своем признают, что к бедности могут привести и не зависящие от людей обстоятельства: болезнь, смерть кормильца и т.д., которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль. Результатами такого видения причин бедности становятся индивидуализация отношения к бедным, исчезновение четко выраженного отношения к ним как к единой социальной группе, «дробление» проблемы бедности в сознании населения на отдельные случаи бедности. В условиях сокращения численности бедных в последние годы и резкого уменьшения доли россиян, имеющих бедных в своем ближайшем окружении (с 82% в 2003 г. до 67% в 2013 г.), это приводит к тому, что идеология усиления адресности социальной помощи с ее главным критерием «степени нуждаемости», активно пропагандируемая в последние годы, приходит во все

большее противоречие с жизненным опытом и видением приоритетов государственной поддержки населению со стороны рядовых граждан страны.

У россиян есть очень четкие представления о «черте бедности», т.е. о том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум. Если говорить о среднедушевых ежемесячных доходах, то в среднем по России «черта бедности» составляет сейчас, по мнению населения, немногим менее 9 тыс. руб., т.е. около 60% средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 3–5%, практически не попадающих в выборки массовых опросов). Это хорошо коррелируется с ситуацией в других странах, где нормальным считается именно такое соотношение. В то же время глубочайшая неравномерность распределения доходов в российском обществе, заниженность в нем уровня медианных доходов делает неприменимой в России монетарную версию относительного подхода к бедности или, по крайней мере, требует использования принципиально иной планки при ее использовании (70–75% медианы).

Официально установленная в России «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже представлений о ней россиян примерно в 1,25 раза. Однако этот разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них, не учитываемую пока официальной методикой выделения бедных.

У россиян есть также очень устойчивое представление о том, что именно, наряду с низкими доходами, выступает признаками бедности. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства населения выступают плохое питание, недоступность приобретения одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, свое свободное время, а детям – добиться того же, чего добивается большинство их сверстников. Эти представления практически не изменились за последние 10 лет, что позволяет применить для оценки бедности в России широко использующийся в мире депривационный подход, основанный на выделении бедных на основе испытываемых ими лишений. Применение этого подхода свидетельствует о том, что доля бедных «по лишениям» составляет в России около 25%.

Хотя использование критерия официально установленного для разных групп населения в регионах прожиточного минимума дает в социологических опросах практически ту же цифру бедных, что и по

данным Росстата (13 и 13,8% соответственно), однако далеко не все бедные, выделенные в рамках этой методики, характеризуются многомерной депривацией или считают себя бедными. Бедные «по доходам», «по лишениям» и «по самооценке» — лишь отчасти пересекающиеся группы, общая численность которых достигает в современном российском обществе трети всего населения. Таким образом, реально бедность распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать, хотя и намного меньше, чем это было в 2003 г. и даже в 2008 г.

Несоответствие полученных в исследовании ИС РАН 2013 г. данных об общей численности бедных данным Росстата при практически полном совпадении данных по доле бедных «по доходам» свидетельствует о необходимости продолжения постоянно осуществляемой статистической службой страны работы по совершенствованию методики выделения бедных, более полному учету в ней ряда обстоятельств: от разницы в стоимости жизни в разных населенных пунктах до особенностей потребительского поведения разных возрастных групп. Кроме того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов не совсем правильно, так как на реальном уровне жизни бедных очень заметно сказываются также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные формы кредитов или псевдокредитов (фактически маскирующих простую помощь им со стороны окружающих), санкции, которые следуют (или не следуют) за невозврат этих кредитов в зависимости от того, где они были взяты, особенности здоровья членов домохозяйств, размер оплаты за услуги ЖКХ, различающийся в разных регионах и даже отдельных управляющих компаниях, и т.д.

Бедные россияне стараются сейчас, скорее, приукрасить свое положение, чем преувеличить собственную бедность, и это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от ситуации 1990-х гг., когда бедность обуславливалась в основном структурной перестройкой экономики и была распространена очень широко. Отказ многих бедных признавать себя таковыми является своего рода асимметричным ответом на стигматизацию бедных и свидетельствует о том, что постепенно в России становится стыдно быть бедным. В итоге многие реально бедные не готовы принять на себя эту социальную роль, даже теряя право на разного рода льготы и выплаты, им полагающиеся.

Российская бедность очень многолика, неоднородна и чувствительна к инструментам ее измерения. Однако у нее есть свое «ядро» — это представители хронической бедности, характеризующиеся к тому

же наличием у них соответствующих идентичностей. Численность этого «ядра» достаточно велика: минимум 4–5% всех россиян и 15% всех бедных, т.е. около 6–7 млн человек (без учета бомжей и подобных им категорий населения, поскольку выборки использовавшихся опросов включали в себя только имеющее официальную регистрацию население).



## УРОВЕНЬ И ОБРАЗ ЖИЗНИ РАЗНЫХ ГРУПП БЕДНЫХ

*Н.Е. Тихонова*

Для того чтобы полнее понять, какой уровень и образ жизни в современных российских условиях означает бедность, рассмотрим, в чем специфика жизни тех групп бедных, о которых говорилось выше (бедность «по доходам», «по лишениям», «по самооценке» и хроническая бедность), по отношению как друг к другу, так и к небедному населению. Только такой анализ позволит решить, действительно ли во всех этих случаях мы имеем дело с бедными, хотя и бедными по разным критериям, и оценить масштабы реальной распространенности феномена бедности в российском обществе.

Первое, к чему стоит обратиться, — это показатель **дохода** представителей разных групп бедных. Как видно из данных табл. 2.1, *доходы представителей любой группы бедных значительно, в 2,5–3 раза, ниже, чем доходы остальных россиян.*

*Таблица 2.1*

**Ежемесячные доходы в различных группах бедных,  
а также среди небедных, 2013 г., руб.**

Доход ежемесячный среднедушевой	Бедные				Небедные
	по дохо- дам	по лише- ниям	по само- оценке	хрониче- ские	
Средний	5639	7056	7351	6133	16 046
Медианный	5500	6000	6000	5500	13 000

При оценке достаточности этих доходов для обеспечения даже того минимального стандарта жизни, который предусматривается официальным прожиточным минимумом, необходимо, впрочем, учитывать также упоминавшуюся выше разницу в стоимости жизни в разных типах населенных пунктов. Например, доход 9500 руб., обе-

спечаивающий в селах относительное благополучие, поскольку он оказывается выше медианных доходов в них, означает в крупных городах жизнь на уровне в разы худшем, чем у основной массы их жителей: ведь там уровень медианных доходов достигает 20 тыс. руб. В этой связи важно, что среди бедных «по лишениям» доля городских жителей заметно выше, чем среди бедных «по доходам». Так, доля жителей сел и поселков городского типа (ПГТ) составляет среди бедных «по доходам» 46%, в то время как среди бедных «по лишениям» она достигает лишь 37%, как и среди бедных «по самооценке».

Однако абсолютные показатели доходов с учетом разницы стоимости жизни в разных населенных пунктах страны сами по себе не так информативны, как конкретные особенности жизни бедных семей. Начнем их рассмотрение с анализа самооценки бедными различных сторон своей жизни, связанных с удовлетворением базовых физиологических потребностей: в еде, одежде, крыше над головой, нормальном физическом самочувствии (табл. 2.2).

Таблица 2.2

**Самооценка различными группами бедных, а также небедными, отдельных аспектов своей жизни, 2013 г., %**

Группы	Оценка	Материальная обеспеченность	Питание	Одежда	Жилищные условия	Здоровье
Бедные «по доходам»	Хорошо	3	11	6	13	17
	Плохо	55	26	40	25	26
	<b>Разница</b>	<b>-52</b>	<b>-15</b>	<b>-34</b>	<b>-12</b>	<b>-9</b>
Бедные «по лишениям»	Хорошо	5	13	8	15	15
	Плохо	54	30	45	29	30
	<b>Разница</b>	<b>-49</b>	<b>-17</b>	<b>-37</b>	<b>-14</b>	<b>, -15</b>
Бедные «по самооценке»	Хорошо	1	5	4	10	9
	Плохо	71	36	56	34	36
	<b>Разница</b>	<b>-70</b>	<b>-31</b>	<b>-52</b>	<b>-24</b>	<b>-27</b>
Хронические бедные	Хорошо	0	2	2	8	4
	Плохо	75	42	64	39	42
	<b>Разница</b>	<b>-75</b>	<b>-40</b>	<b>-62</b>	<b>-31</b>	<b>-38</b>
Небедные	Хорошо	27	50	38	42	42
	Плохо	10	0	0	6	7
	<b>Разница</b>	<b>+17</b>	<b>+50</b>	<b>+38</b>	<b>+36</b>	<b>+35</b>

Примечание. Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

Как видно из данных табл. 2.2, независимо от того, какую из групп бедных мы будем рассматривать, для всех них, в отличие от небедного населения, характерна невозможность нормального удовлетворения даже базовых физиологических потребностей. Депривированность в соответствующих сферах жизни отражает и их общая неудовлетворенность своим материальным положением. При этом можно предполагать, что на самом деле картина положения бедных еще хуже, чем она рисуется из приведенных в табл. 2.2 цифр. Ведь, как отмечалось в предыдущей главе, бедные в России склонны сейчас скорее приукрашивать свое положение, чем «прибедняться». Поэтому, учитывая, например, близость среднедушевых доходов групп бедных «по доходам» и хронически бедных, а также схожесть их пространственной локализации с вытекающей отсюда близостью стоимости жизни по их месту жительства, можно ожидать и близости распределения их ответов о возможностях удовлетворения ими базовых физических потребностей. Однако уже смирившиеся со своим положением и принявшие в массе своей соответствующие идентичности хронические бедные оценивают разные стороны своей жизни намного хуже, чем бедные «по доходу», которые стараются его скорее даже несколько приукрасить<sup>1</sup>.

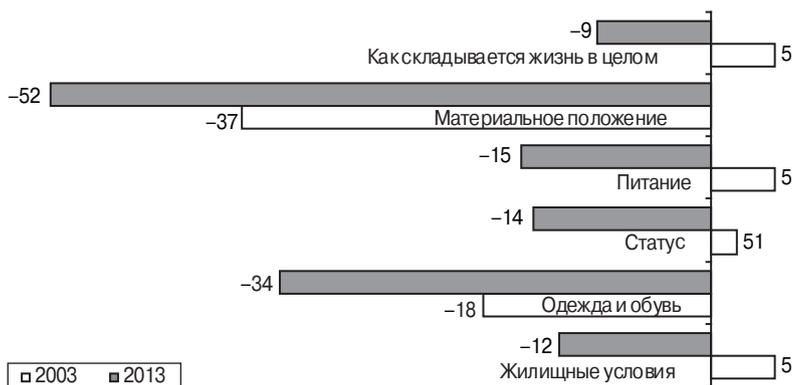
Если говорить о динамике положения бедных, то, как показывают результаты исследований 2003 и 2013 гг., даже несмотря на отсутствовавшее у бедных 10 лет назад стремление приукрасить свою ситуацию, последние годы привели к резкому ухудшению самооценок бедными практически всех аспектов их жизни. Так, за этот период произошел очень значительный и принципиальный сдвиг в оценке ими качества своего **питания**: доля тех, кто в настоящий момент оценивает его как хорошее, среди всех групп бедных меньше доли тех, кто оценивает его как плохое, хотя в 2003 г. ситуация была прямо противоположной. А ведь именно плохое питание выступает в восприятии россиян в целом и самих бедных основным признаком бедности. Эта тенденция, при некоторых количественных различиях, характеризует самоощущение всех групп бедных (рис. 2.1 и 2.2).

Как видно из рис. 2.1, даже у тех бедных, которые могут претендовать на помощь государства (бедные «по доходу»), ситуация не только с питанием, но и с другими сторонами их жизни за последние 10 лет заметно ухудшилась — по крайней мере в их собственном восприятии.

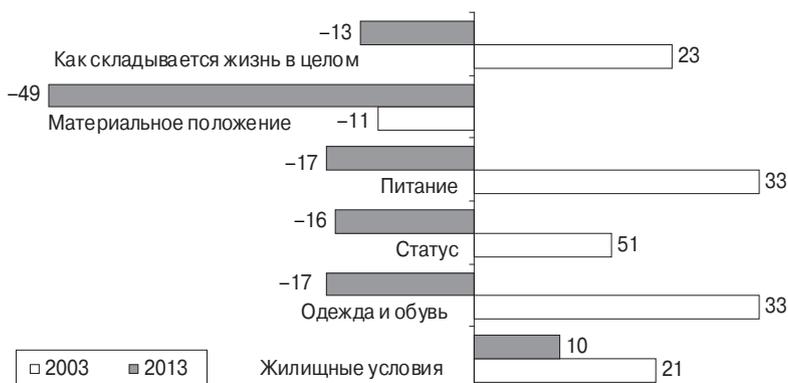
---

<sup>1</sup> Это обстоятельство можно, видимо, рассматривать как частичное объяснение того факта, что значительная часть бедных «по доходу» не попала в группу бедных «по лишениям».

Это, естественно, не могло не сказаться и на их оценках своей жизни в целом, баланс которых сместился из положительной области в отрицательную.



**Рис. 2.1. Динамика самооценок бедными «по доходу» ситуации с отдельными сторонами своей жизни, 2003 и 2013 гг., %<sup>2</sup>**



**Рис. 2.2. Динамика самооценок бедными «по лишениям» ситуации с отдельными сторонами своей жизни, 2003 и 2013 гг., %<sup>3</sup>**

<sup>2</sup> На рис. 2.1 показана разница между давшими соответствующей стороне своей жизни оценки «хорошо» и «плохо».

<sup>3</sup> На рис. 2.2 показана разница между давшими соответствующей стороне своей жизни оценки «хорошо» и «плохо».

Еще заметнее тенденция качественного ухудшения восприятия разных сторон своей жизни проявилась у бедных «по лишениям». Если в 2003 г. они оценивали разные стороны своей жизни гораздо позитивнее, чем бедные «по доходу», то в 2013 г. разрыв между ними резко сократился и среди бедных «по лишениям» также начали доминировать негативные оценки (рис. 2.2).

Однако действительно ли ухудшилось за эти годы объективное положение бедных, или же оно стало просто тяжелее ими восприниматься? Ведь к резкому ухудшению восприятия своего положения могут привести разные факторы: углубление видимых социальных неравенств, осознание невозможности «выбраться» из сложившегося положения, «вечности» своей тяжелой жизненной ситуации или внезапное осознание ограниченности своих возможностей в силу вновь возникших факторов (невозможность дать денег на завтраки пошедшему в школу ребенку или купить ему новую одежду, в результате чего он становится объектом насмешек, оплатить лечение тяжело заболевшему члену семьи и т.д.).

Для того чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли ухудшилось положение бедных в части удовлетворения их базовых потребностей, рассмотрим данные о трех аспектах жизни, депривация в которых выступает для россиян признаками бедности: плохие жилищные условия, невозможность получить необходимую медицинскую помощь и невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов. Начнем с **жилищных условий** (табл. 2.3).

Как видно из данных табл. 2.3, *бедность не случайно ассоциируется сегодня у россиян в целом и у самих бедных в частности с относительно худшими жилищными условиями. Даже если не учитывать тип дома, время его постройки и его состояние, то жилищная депривация бедных достаточно очевидна. У них в среднем почти втрое чаще отсутствует отдельное жилье, чем среди небедных: более четверти бедных вынуждены проживать в коммуналках, общежитиях, съемном жилье и т.п. Относительно хуже их жилищные условия, чем у небедных, и тогда, когда у них все-таки есть отдельное жилье. Так, среди живущих в отдельных квартирах бедных «по лишениям» 32% имеют менее 12 кв. м на человека (показатель, при котором оценки своих жилищных условий как плохих начинают доминировать над оценками их как хороших) при 9% — у небедных. Более того, лишь 73% бедных «по лишениям» при 86% небедных имеют дома все коммунальные удобства, а доля вообще их не имеющих среди бедных в разы выше, чем среди небедных. Отметим в этой связи, что доля проживающих в сель-*

Таблица 2.3

**Жилищные условия различных групп бедных, а также небедных,  
2013 г., %**

Жилищные условия	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
<b>Тип занимаемого жилья</b>					
Общежитие	4	7	4	6	2
Съемное жилье	6	9	6	4	5
Коммунальная квартира	7	8	8	9	1
Часть дома	11	11	11	13	3
<i>Итого отсутствие отдельного жилья</i>	28	35	30	32	11
Отдельная квартира	43	47	48	45	68
Отдельный дом	27	17	22	23	19
Другое	2	1	0	0	2
<b>Наличие коммунальных удобств</b>					
Есть все	62	66	60	54	85
Есть часть из них	35	29	34	39	14
Нет вообще	3	5	6	7	1
<b>Общая площадь на человека в домохозяйстве, кв. м</b>					
В среднем	18,75	17,7	17,6	17,1	24,9
По медиане	15	15	15	14	20

*Примечание.* Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

ской местности бедных «по лишениям» лишь на 1% превышает долю сельских жителей среди небедных, что делает сравнение их более корректным, чем сравнение жилищных условий небедных и бедных «по доходу», относительно чаще живущих в сельской местности, где распространен иной тип жилищ, чем в городах.

Как изменились жилищные условия бедных за 10 лет? Можно утверждать, что на общем фоне улучшения жилищных условий россиян в целом<sup>4</sup> жилищная депривация бедных даже несколько выросла. Так, среди бедных «по лишениям» отсутствие отдельного жилья в 2003 г. характеризовало 26%, а в 2013 г. — уже 35% группы. Что же

<sup>4</sup> Так, показатель общей площади, приходящейся на одного россиянина из массовых слоев населения, по нашим данным, за 2003–2013 гг. вырос с 16 до 23 кв. м.

касается бедных «по доходам», которые в отличие от бедных «по лишениям» вправе пользоваться поддержкой государства для улучшения своих жилищных условий, то и среди них ситуация ухудшилась, и даже еще более заметно. Так, в 2003 г. отсутствие отдельного жилья характеризовало 17% бедных «по доходам», а в 2013 г. — уже 28%. Десять лет назад 31% среди них имели менее 12 кв. м общей площади на человека в домохозяйстве, а в 2013 г. — 35% группы.

*Указанная динамика жилищного положения бедных позволяет сделать вывод о том, что качество жилья, которое россияне называют как отличительный признак бедности, действительно все чаще выступает таковым в современном российском обществе. И хотя жилищные условия бедных до сих пор остаются очень разными и среди них не так мало людей с вполне благополучной жилищной ситуацией, анализ данных свидетельствует: процессы ухудшения жилищных условий бедных и нарастания среди них жилищной депривации сопровождаются процессом геттоизации российских поселений. Во всяком случае, доля бедных в числе жителей общежитий, коммуналок и подобных типов жилищ, обычно имеющих тенденцию к пространственной локализации в определенных районах, за десятилетие выросла практически втрое и достигла к настоящему времени почти 30%.*

Рассмотрим теперь ситуацию с возможностями удовлетворения бедными другой витальной потребности — сохранения здоровья, а именно **доступности медицинской помощи**. Как было показано в табл. 2.2, бедные гораздо хуже остального населения оценивают свое здоровье, и проблема доступности необходимой медицинской помощи стоит для них особенно остро. Если среди небедных россиян необходимую им медицинскую помощь (от операций до покупки лекарств) смогли оплатить за последний год перед опросом более двух третей (69%), то в разных группах бедных соответствующий показатель не превышал 18% (табл. 2.4). Таким образом, *все группы бедных, по какому бы критерию мы их ни выделяли, характеризуются недоступностью требующихся им по состоянию здоровья лекарств и медицинских услуг, особенно стоматологических.*

Если говорить о динамике доступности медицинской помощи для бедных, то картина изменений в этой области также выглядит неблагоприятной. Причем этот аспект их повседневного бытия практически одинаково неблагоприятен у всех групп бедных. Рассмотрим для примера ситуацию у бедных «по доходу» (рис. 2.3) и бедных «по лишениям» (рис. 2.4) за последние 5 лет.

Таблица 2.4

**Недоступность необходимой медицинской помощи только из-за нехватки денег в разных группах бедных, а также среди небедных, 2013 г., %**

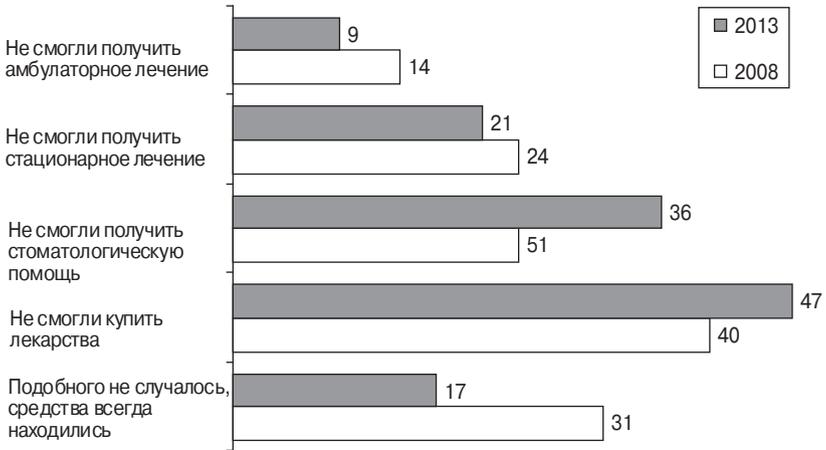
Показатели	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
<b>Не смогли получить медицинскую помощь, в том числе<sup>5</sup>:</b>	<b>41 (84)</b>	<b>37 (82)</b>	<b>50 (86)</b>	<b>52 (88)</b>	<b>14 (29)</b>
Амбулаторное, поликлиническое лечение	4	6	7	7	2
Стационарное лечение	11	9	14	14	5
Стоматологическую помощь	18	15	21	20	7
Не смогли купить лекарства	25	20	29	33	5
<b>Средств на это всегда хватало<sup>6</sup></b>	<b>8 (16)</b>	<b>8 (18)</b>	<b>8 (14)</b>	<b>7 (12)</b>	<b>34 (71)</b>
<b>Никто в платной медицинской помощи за последний год не нуждался</b>	<b>51</b>	<b>55</b>	<b>42</b>	<b>41</b>	<b>52</b>

Примечание. Был возможен также ответ «удовлетворительно», не представленный в таблице.

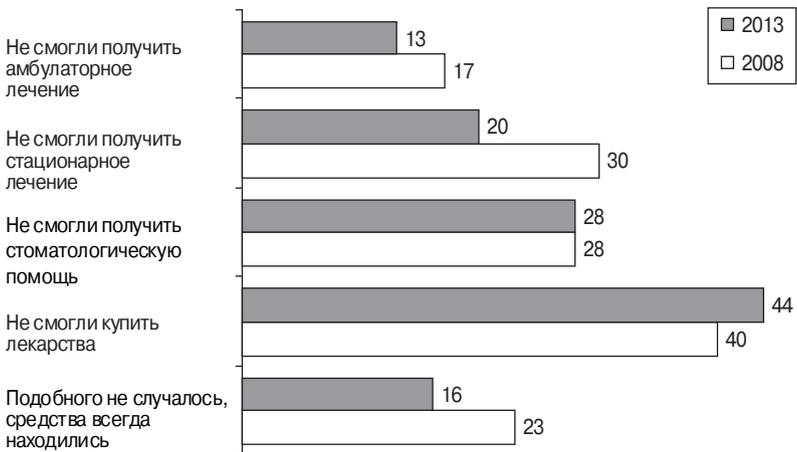
Как видно на рис. 2.3, за последние годы число бедных «по доходу», не получивших необходимую им медицинскую помощь только из-за нехватки денег, значительно выросло, а число способных оплатить необходимые им лекарства и медицинские услуги, напротив, сократилось, и весьма значительно — практически вдвое (с 31 до 17%). При этом, хотя по доступности поликлинической и стационарной помощи картина даже улучшилась, ситуация с доступностью необходимых лекарств и стоматологической помощью настолько ухудшилась, что полностью свела «на нет» улучшения в других областях.

<sup>5</sup> В связи с тем что респонденты подчас не могли получить сразу несколько видов необходимой медицинской помощи, сумма по столбцам больше, чем число не получивших необходимую помощь по группе в целом. В скобках по данной строке указан процент от нуждавшихся в медицинской помощи.

<sup>6</sup> В скобках по данной строке указан процент от нуждавшихся в медицинской помощи.



**Рис. 2.3.** Динамика самооценок бедными «по доходам» ситуации с доступностью для них медицинской помощи и лекарств, 2008 и 2013 гг., % от нуждавшихся в какой-либо медицинской помощи



**Рис. 2.4.** Динамика самооценок бедными «по лишениям» ситуации с доступностью для них медицинской помощи и лекарств, 2008 и 2013 гг., % от нуждавшихся в какой-либо медицинской помощи

Похоже выглядит картина доступности необходимой медицинской помощи и у бедных «по лишениям» (рис. 2.4). Среди них также за последние 5 лет резко уменьшилось число тех, кто всегда мог найти средства для оплаты расходов «на здоровье», и выросла доля тех, кто не смог купить необходимые лекарства. Так, 84% нуждавшихся в медицинской помощи бедных «по лишениям» в 2013 г. сказали, что они не смогли получить ее только из-за нехватки денег. И в этом плане ситуация с доступностью необходимой медицинской помощи бедным «по лишениям» тождественна ситуации у бедных «по доходам».

Посмотрим теперь, как обстоит дело с таким признаком жизни бедных, как **невозможность удовлетворить первоочередные нужды без долгов**, и с их финансовой ситуацией в целом (табл. 2.5).

Как видно из данных табл. 2.5, *долги действительно являются характерной особенностью жизни бедных*: если у небедных их имеет всего треть, то *среди бедных, которым их доходов и на текущие расходы не хватает, долги имеют более половины* во всех группах, за исключением бедных «по лишениям», которые были по среднему возрасту старше как небедных, так и бедных «по доходам» и характеризовались в целом более пассивным финансовым поведением. Кроме того, *кредитная нагрузка бедных и небедных качественно различается не только самим фактом наличия или отсутствия у них долгов, но и их характером*. Долговая нагрузка небедных — это на три четверти кредиты в банках, в то время как среди бедных такой тип кредитной нагрузки составляет около трети во всех группах. Зато доля имеющих мелкие долги и долги по квартплате среди небедных в разы меньше, чем среди бедных (10% против 35–43% в разных группах бедных), как и доля получивших кредиты от частных лиц.

Наконец, отдельного внимания заслуживает вопрос о сбережениях бедных. Интересно, что среди имеющих сбережения бедных отчетливо доминируют лица старше 50 лет. Они составляют две трети имеющих сбережения среди бедных «по лишениям» и «по самооценке», более половины хронических бедных и половину бедных «по доходам». В то же время среди небедных наличие сбережений примерно в равной степени характеризует все возрастные группы. Таким образом, *сбережения бедных — это в основном либо сбережения «под пенсию», либо «гробовые», в то время как у небедных спектр целевого назначения сбережений гораздо шире*.

Если говорить о динамике финансового положения бедных, то *накапливающие долги именно за прошедшее десятилетие действительно стали характерной особенностью их жизни*. При этом поистине уди-

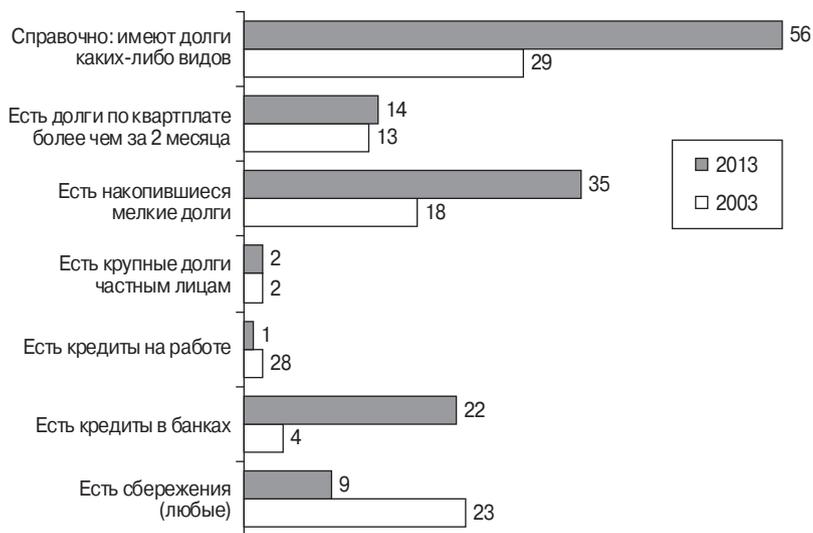
Таблица 2.5

**Наличие долгов и финансовое положение у разных групп бедных,  
а также среди небедных, 2013 г., %**

Показатели	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
<b>Есть долговая нагрузка, в том числе:</b>	<b>56</b>	<b>45</b>	<b>50</b>	<b>53</b>	<b>35</b>
Кредиты в банках	22	17	19	16	26
Кредиты на работе	1	1	1	0	2
Крупные кредиты от частных лиц	2	2	3	4	1
Накопившиеся мелкие долги	35	29	35	38	9
Долги по квартплате более чем за 2 месяца	14	12	16	16	2
<i>Доля имеющих мелкие долги и/или долги по квартплате</i>	<i>41</i>	<i>35</i>	<i>41</i>	<i>43</i>	<i>10</i>
<i>Доля имеющих два и более вида кредитной нагрузки</i>	<i>18</i>	<i>15</i>	<i>19</i>	<i>19</i>	<i>5</i>
<b>В целом имеют сбережения, в том числе:</b>	<b>9</b>	<b>9</b>	<b>11</b>	<b>9</b>	<b>38</b>
Есть сбережения, достаточные, чтобы прожить на них не менее года	2	2	1	0	11
Есть более мелкие сбережения	8	7	10	8	28
<b>Пассивное финансовое поведение – ни долгов, ни сбережений</b>	<b>39</b>	<b>47</b>	<b>37</b>	<b>38</b>	<b>35</b>

вительно, как банки выдают кредиты людям, доходы которых ниже прожиточного минимума. А ведь доля имеющих банковские кредиты выросла за последнее десятилетие среди бедных «по доходам» в 5,5 раза (!), и сейчас их имеет каждый пятый в их среде (рис. 2.5). Подобное поведение банков не только безответственно по отношению к другим заемщикам, поскольку именно на них в конечном счете

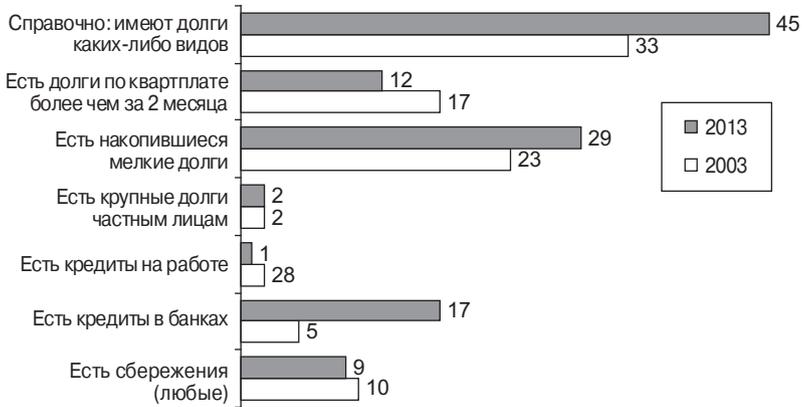
перекладываются риски невозврата таких кредитов, но и негуманно по отношению к самим бедным. Живя в постоянной нужде, они достаточно легко поддаются на зазывные рекламы «легкодоступных» кредитов и попадают в тяжелейшую долговую кабалу, из которой в массе своей уже не имеют возможности выбраться. При этом катастрофически падает их уровень жизни, так как никакие расчеты прожиточного минимума не учитывают платежи банкам за взятые кредиты.



**Рис. 2.5. Динамика наличия долгов и сбережений у бедных «по доходам», 2003 и 2013 гг., %**

Похоже складывается ситуация и в других группах бедных, хотя в них эти тенденции могут проявляться чуть иначе. Так, например, среди наиболее осторожно относящихся к долгам бедных «по лишениям» доля имеющих задолженность выросла за последние 10 лет менее значительно, чем среди бедных «по доходу». Однако и у них доля «должников» выросла на треть, при этом в 3,5 раза выросла доля имеющих банковские кредиты. Все больше накапливаются в их среде и мелкие долги (рис. 2.6).

На что же в последние годы брали кредиты бедные? Прежде всего, на приобретение домашнего имущества — **товаров длительного пользования** (ТДП). В результате последние сейчас представлены в домохозяйствах российских бедных достаточно широко (табл. 2.6).



**Рис. 2.6. Динамика наличия долгов и сбережений у бедных «по лишениям», 2003 и 2013 гг., %**

Как видим, домашнее имущество россиян сегодня достаточно разнообразно, в том числе и имущество бедных. Из 16 видов ТДП, наличие которых проверялось в ходе опроса, в семьях небедных россиян присутствуют, как правило, более половины из них. Фактически стандартный набор имущества в домохозяйстве небедного россиянина включает сегодня цветной телевизор (причем не только обычный, но и жидкокристаллический или плазменный), холодильник, пылесос, мобильный телефон, стиральную машину, разнообразную мелкую кухонную технику, компьютер, цифровую видеокамеру и/или фотоаппарат, а также автомобиль. При этом наличие автомобиля уже стало в России нормой жизни: в тех массовых слоях, которые попадают в выборку общенациональных опросов, его имеют 7 из 10 домохозяйств, а каждая десятая семья имеет 2 автомобиля. Отметим также, что большую часть автопарка россиян составляют сейчас иномарки, в том числе и российской сборки.

Конечно, по бедным слоям населения картина домашнего имущества, находящегося в их распоряжении, не столь радужна. Стандартом жизни бедных семей в России с точки зрения имеющихся у них ТДП является наличие только телевизора, холодильника, пылесоса, мобильного телефона и стиральной машины – эти ТДП есть у большинства бедных, по какому бы критерию они ни выделялись. Среди них, в отличие от остальных россиян, не стали нормой жизни ни автомобили, ни домашние компьютеры, ни цифровая видеотехника,

Таблица 2.6

**Наличие товаров длительного пользования  
у представителей разных групп бедных, 2013 г., %**  
(отранжировано по небедным)

Товары длительного пользования	Бедные				Небед- ные
	по доходу	по лише- ниям	по само- оценке	хрониче- ские	
Холодильник	97	97	96	96	99
Пылесос	82	81	77	75	96
Мобильный телефон	86	84	83	78	93
Стиральная машина-автомат	65	65	57	50	91
Микроволновая печь, кухонный комбайн, гриль, тостер и т.п.	51	47	42	33	86
Телевизор цветной обычный	86	84	87	88	82
Компьютер, в том числе ноутбук	42	37	32	26	77
Телевизор жидкокристаллический или плазменный	35	31	25	18	74
Видеокамера, цифровой фотоаппарат	27	19	17	14	60
Автомобиль-иномарка (в том числе собранный в России)	9	9	7	3	41
Отечественный автомобиль	27	23	22	21	37
Антенна спутникового телевидения	19	12	12	8	36
Айфон, смартфон	7	5	6	3	29
Планшет, айпад	6	5	6	2	27
Кондиционер	7	5	7	5	21
Посудомоечная машина	3	2	3	1	14

*Примечание.* В таблице серым фоном обозначено наличие соответствующего ТДП в товарном наборе более чем 50% представителей данной группы, т.е. характерные для стандартного товарного набора в группе в целом виды имущества.

да и среднее число ТДП в их домохозяйствах примерно в 1,5–2 раза меньше, чем у небедных. В то же время спектр имущества многих бедных семей с бедностью ассоциируется слабо. Так, в заметных масшта-

бах (15–32% в разных группах) в домохозяйствах бедных представлены автомобили. И хотя автомобили эти в массе своей – продукция отечественного автопрома возрастом старше 7 лет, приобрести которые на автомобильном рынке можно начиная от 10 тыс. руб., но все же тот факт, что они есть у каждого седьмого даже среди являющихся бедными по всем трем подходам к бедности сразу («по доходам», «по лишениям» и «по самооценке»), удивляет в такой же степени, как наличие в отдельных семьях бедных смартфонов, айпадов, цифровых видеокамер, кондиционеров и посудомоечных машин.

Почему же, живя в целом все хуже и хуже и оценивая свою жизнь все более негативно, российские бедные активно залезают в долги, чтобы покупать все новые виды домашнего имущества? Объяснить этот феномен можно двумя причинами. Во-первых, это давно известная маркетологам закономерность опережающего стремления именно низших слоев общества к престижному потреблению в ущерб многим другим, казалось бы, более значимым своим потребностям. В основе этого стремления – неудовлетворенность своим социальным статусом, ярко выраженная и у российских бедных, их *попытка повысить самооценку через приобретение не соответствующего их структурной позиции в обществе имущества*. Словом, это так называемое *«компенсаторное потребление»*. Соответственно, чем больше будет нарастать неудовлетворенность своим социальным статусом, тем все более неадекватного поведения в этой области следует ожидать со стороны бедных, особенно со стороны молодежи из бедных слоев. И осуждать их за это нельзя: такова нормальная реакция психики на приниженное социальное положение, характерная отнюдь не только для россиян. Однако, если во многих других странах на пути такого рода компенсаторного потребления стоит жесткий отбор клиентов для кредитования со стороны банков или институциональные ограничения со стороны социальных служб<sup>7</sup>, то в России эти факторы рационализации поведения бедных извне практически отсутствуют.

Во-вторых, это *особая роль имущественного набора в сохранении социального капитала человека в российском обществе*. Данный фактор, в отличие от компенсаторного характера *демонстративного потребле-*

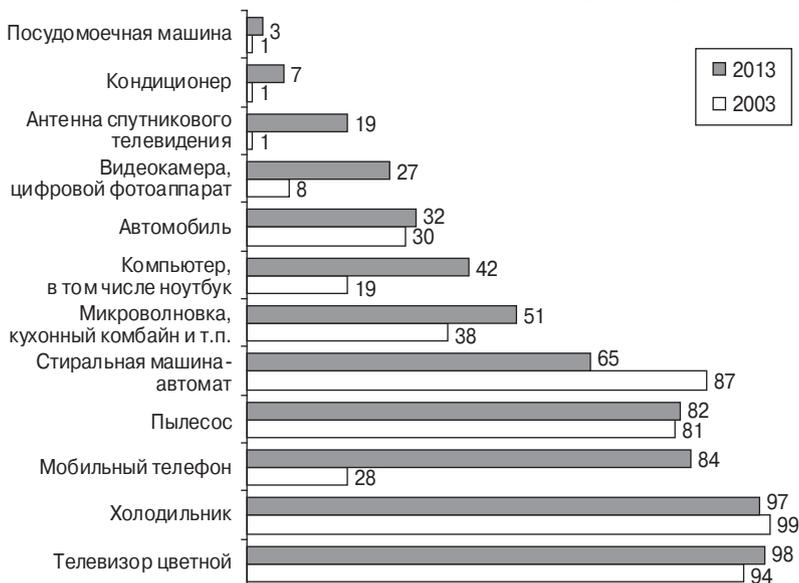
---

<sup>7</sup> При весомости материальной поддержки бедных в развитых странах, например, бедные не станут покупать автомобиль с риском лишиться этой поддержки, поскольку владение автомобилем лишает их права на ее получение. В то же время в России такая поддержка, во-первых, очень незначительна и не играет в жизни бедных сколько-нибудь заметной роли, а во-вторых, наличие в семье дорогостоящего движимого имущества не является основанием для отказа в получении большинства видов социальной помощи.

ния, вполне рационален, хотя рациональность эта далеко не всегда осознается самими бедными. Скорее, они осознают свой страх стать «не такими, как все», а следовательно, превратиться в своего рода «парией». Выбрасывание из сетей социальной поддержки, играющей гораздо большую роль в России, чем поддержка со стороны государства, чревато для многих домохозяйств тяжелыми последствиями: не случайно в качестве причины бедности их личных знакомых отсутствие такой поддержки назвал каждый пятый россиянин. Поэтому покупка дорогостоящего имущества типа смартфона, айпада и т.д., не входящих ни в какие прожиточные минимумы, играет роль своего рода маркера, свидетельствующего о том, что человек еще не «за чертой», и поддерживает его статус в локальном сообществе.

Если учитывать эту демонстративную роль приобретаемого имущества, т.е. демонстрацию с его помощью окружающим, что у тебя все благополучно, то понятнее становится и внутренняя логика изменения в домохозяйствах бедных имеющегося в них набора ТДП. Как видно на рис. 2.7 и 2.8, за последние 10 лет в домохозяйствах бедных заметно реже стала встречаться, например, «малоинтересная» с точки зрения ее демонстративной роли стиральная машина. При этом заметно выросла распространенность таких ТДП, как компьютер или цифровая видеотехника. Рекордсменом же прироста распространенности выступил мобильный телефон, который стал сегодня нормой жизни даже в самых бедных слоях россиян. *Таким образом, прирост своих доходов в последнее десятилетие и вновь открывшиеся возможности получения «легких» в плане их доступности потребительских кредитов все группы российских бедных направили на расширение своего домашнего имущества, и прежде всего в той его части, которая позволяла им продемонстрировать как себе, так и окружающим, что они еще не «конченые люди». И в условиях начавшейся в российском обществе стигматизации бедных такого рода мотивация вполне ожидаема.*

Процесс наращивания своего домашнего имущества сопровождался у бедных противоположной тенденцией в отношении объема их недвижимого имущества. Так, например, среди бедных «по доходу» доля имеющих дачу или садово-огородный участок с домом, а также гараж сократилась за 2003–2013 г. втрое, имеющих второе жилье – вчетверо и т.д. Однако наиболее симптоматичным с точки зрения реальной обеспеченности группы бедных таким стратегически значимым ресурсом, как недвижимость, выступает сокращение даже среди бедных «по доходу», относительно чаще других групп бедных проживающих в сельской местности, доли имеющих в собственности



**Рис. 2.7. Динамика наличия товаров длительного пользования у бедных «по доходам», 2003 и 2013 гг., % (отранжировано по числу не имеющих соответствующих ТДП в 2013 г.)**



**Рис. 2.8. Динамика наличия товаров длительного пользования у бедных «по лишениям», 2003 и 2013 гг., % (отранжировано по числу не имеющих соответствующих ТДП в 2013 г.)**

землю в форме земельного пая, отдельного участка земли или просто приусадебного участка. Если в 2003 г. имели в собственности землю 28% бедных «по доходу», то спустя 10 лет – уже лишь 20%, и при этом среди них практически полностью исчезли имеющие ее в какой бы то ни было форме, кроме приусадебного или садово-огородного участка (табл. 2.7).

Таблица 2.7

**Наличие недвижимости в собственности у представителей разных групп бедных, а также среди небедных, 2013 г., %**

Недвижимость в собственности	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
Квартира, дом	76	60	70	69	90
Второе жилье (квартира, зимний дом и т.п.)	1	1	1	0	9
Дача, садово-огородный участок с домом	13	10	9	9	33
Гараж или место на коллективной стоянке	10	7	5	4	30
Земля	1	1	1	1	4
Садово-огородный участок без дома, в том числе приусадебный участок	19	15	14	15	18
Ничего из вышеперечисленного не имеют	19	35	25	26	2

Следовательно, можно говорить о том, что *обезземеливание низов российской деревни уже завершилось*. Более того, динамика имущества сельских бедных свидетельствует о том, что эти слои сегодня вообще утрачивают традиционный для российского села образ жизни и люмпенизируются, поскольку скот в них также имеет в настоящее время лишь каждый двадцатый, а доля держащих скот сократилась за 10 лет в полтора раза. Учитывая фактическое отсутствие земли и у городской бедноты, стоит отметить, что *существующий в массовом сознании миф о том, что беднейшая часть населения России выживает в основном за счет подсобной сельскохозяйственной деятельности, уже давно не соответствует реальности: такого рода деятельность, возможно, служит подспорьем для среднеобеспеченных слоев населения, но бедные слои*

*в массе своей лишены доступа к этому ресурсу улучшения собственного положения.*

Те же самые тенденции сокращения за последние 10 лет числа имеющих недвижимость в собственности и обезземеливания сельских бедных характеризуют и другие группы российских бедных, в частности бедных «по лишениям». Только среди них, в отличие от бедных «по доходам», еще в меньшей степени представлено не только характерное для сельской местности, но и для городов имущество. И, если доля не имеющих в собственности вообще никакой недвижимости в группе бедных «по доходу» выросла за период 2003–2013 гг. с 12 до 20%, то в группе бедных «по лишениям» эта доля была изначально еще больше (26%); поэтому теперь в ней не имеют никакой недвижимости уже более трети.

По всей вероятности, на такой динамике сказались два фактора. Во-первых, из состава бедных вышла за эти годы в процессе сокращения доли неблагополучного населения наиболее ресурсобеспеченная ее часть, что сказалось и на ее общем портрете. А во-вторых, бедные россияне постепенно распродавали в этот период имевшееся у них ранее недвижимое имущество – дачи, участки, гаражи. Это значит, что их тяжелое материальное положение усугубляется сегодня еще и тем, что у них имеется гораздо меньше возможностей задействовать по мере необходимости в будущем определенные типы стратегически значимого имущества для поддержания уровня своего материального благосостояния просто потому, что этими типами собственности они обычно уже не располагают. Так, у них в 3–4 раза реже, чем у среднестатистического россиянина, имеются дача, садово-огородный участок с домом, гараж (от их качества и рыночной стоимости мы, естественно, отвлекаемся). Кроме того, гораздо менее выгодным, чем у представителей более благополучных слоев населения, оказывается положение бедных с точки зрения их возможностей использовать землю для самообеспечения продуктами питания.

Суммируя все вышеизложенное, можно утверждать, что *динамика обеспеченности бедных россиян недвижимым имуществом, как и динамика во всех остальных, характеризующих их материальное положение, сферах их жизни, кроме наличия в домохозяйствах определенного набора ТДП, свидетельствует о том, что в последние 10 лет произошло ухудшение их положения. Фактически в 2003–2013 гг. бедных стало, с одной стороны, меньше, а с другой – они стали еще беднее, чем были 10 лет назад, хотя количество ТДП в их домохозяйствах и возросло.*

Этот вывод подтверждается и ситуацией с **доступностью для бедных платных социальных услуг**, т.е. таких услуг, которые влияют на качество их человеческого капитала (образовательных, медицинских и рекреационных) (табл. 2.8).

Таблица 2.8

**Использование платных социальных услуг представителями разных групп бедных, а также небедными, 2013 г., %**

Услуги	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
Платные образовательные услуги для взрослых (вуз, курсы повышения квалификации или переквалификации, частные уроки)	9	2	5	2	21
Платные медицинские услуги	31	18	28	25	56
Платные оздоровительные услуги для взрослых (санатории, дома отдыха, клубы здоровья, спортивные и оздоровительные секции и др.)	3	1	2	1	16
Платные оздоровительные учреждения для детей (в том числе спортивные школы и пионерлагеря) <sup>8</sup>	6	6	5	5	20
Платные образовательные учреждения или услуги для детей (кружки, музыкальная школа, частные уроки, частные школы или детские сады и др.) <sup>9</sup>	14	11	12	13	33
Туристические или образовательные поездки за рубеж для кого-то из членов семьи	2	1	1	0	23
Не пользовались ничем из вышеперечисленного	60	77	67	72	23

Как видно из данных табл. 2.8, *бедные в России сегодня принципиально отличаются от остального населения невозможностью использования платных социальных услуг*. Если среди небедного населения их использовали в течение последних трех лет три четверти группы, то среди бедных – от 23 до 40% в разных группах. Единственная разновидность платных социальных услуг, которую бедные используют сегодня в России сколько-нибудь широко, – это оплата медицинской

<sup>8</sup> От имеющих детей до 16 лет включительно.

<sup>9</sup> От имеющих детей до 16 лет включительно.

помощи. Однако и по ней их показатели в 2–3 раза уступают использованию этого типа услуг небедным населением, которое при этом, как отмечалось выше, отличается относительно лучшим состоянием здоровья.

Особенно тревожно выглядят очень низкие показатели использования бедными платных социальных услуг для детей. Возможностью направить детей в оздоровительные учреждения, несмотря на все полагающиеся льготы для малоимущих, среди них пользуются считанные единицы из тех, кто имеет детей до 16 лет. В среднем дети из бедных семей имеют возможность пользоваться услугами этих учреждений в 3–4 раза реже, чем дети из небедных семей. Так же примерно выглядит и картина по ситуации с доступностью для них платных образовательных услуг (кружки, музыкальная школа, частные уроки и т.п.). Если в небедных семьях этими услугами пользуется каждый третий ребенок (что, впрочем, тоже очень мало), то среди бедных – в среднем лишь каждый десятый. Это означает, что *дети из бедных семей вырастают с заведомо худшим человеческим капиталом, который сочетается у них с практически нулевым экономическим ресурсом семьи. Так бедность не только начинает воспроизводиться от поколения к поколению, но и в подрастающем поколении бедных уже с детства формируется чувство глубокой несправедливости сложившегося общественного устройства.*

В заключение рассмотрения ситуации с бедностью относительно удовлетворения базовых потребностей человека нельзя не затронуть еще один сюжет – о ситуации с **расходами на питание и услуги ЖКХ** в домохозяйствах бедных и остальных россиян (табл. 2.9).

Как видно из данных табл. 2.9, ситуация с высокими и все растущими платежами за ЖКХ, сэкономить на которых бедные практически не могут, сказывается на них очень тяжело, поскольку около 40% их тратит на оплату услуг ЖКХ свыше четверти своего и без того скромного семейного бюджета, в то время как небедные в таком положении находятся вдвое реже. При этом особого внимания заслуживает то, что даже среди бедных «по доходу», т.е. тех, кто в первую очередь должен получать субсидии на оплату услуг ЖКХ в случае превышения последними определенной доли совокупного семейного дохода<sup>10</sup>, многие их не получают: во всяком случае, расходы на эти

---

<sup>10</sup> Уровень расходов на услуги ЖКХ, дающий право на получение субсидий, различается в разных регионах, однако он в любом случае не должен превышать планки в 22% от совокупных доходов домохозяйства. Тем не менее, забюрократизированность

Таблица 2.9

**Самооценка бедными и небедными размера той части семейного дохода, которая тратится ими на коммунальные услуги и питание, 2013 г., %**

Величина расходов	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
<b>Расходы на коммунальные услуги</b>					
До 25%	57	59	54	53	77
От 25 до 50%	30	29	32	32	19
Более 50%	11	10	12	12	3
Затруднились ответить	2	2	2	3	1
<b>Расходы на питание</b>					
До 25%	27	28	26	25	41
От 25 до 50%	43	41	34	34	45
Более 50%	28	30	39	39	14
Затруднились ответить	2	1	1	2	0
<b>Справочно: размер дохода в группах в руб.</b>					
Среднедушевого	5639	7056	7351	6133	16 046
Медианного	5500	6000	6000	5500	13 000

услуги в половине бедных семей превышают законодательно установленную планку.

Уже одним этим задаются и ограничения по качеству питания бедных. Напомним – Росстат закладывает на эти цели менее 40% прожиточного минимума<sup>11</sup>. Однако около 30% бедных «по доходам»

---

процедуры получения субсидий, организационные сложности их получения, особенно для сельских жителей, которым для этого надо неоднократно съездить в райцентр в рабочее время, необходимость частого их переоформления приводят к тому, что жилищные субсидии на частичную оплату коммунальных услуг получают далеко не все имеющие на них право.

<sup>11</sup> [http://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/142.htm)

и 30% бедных «по лишениям» тратят на питание более половины своих доходов. Особенно же высока эта доля у хронических бедных. Впрочем, учитывая их уровень доходов, это означает, что на питание ими расходуется в среднем около 2,5 тыс. руб. в месяц на человека. Понятно, какого качества питание, особенно с учетом необходимости питаться на работе, можно себе позволить в современной России менее чем на 100 руб. в день.

Стоит отметить также, что питание вообще является очень важной статьёй расходов россиян. В целом по стране *тратят на питание свыше 50% своего совокупного семейного дохода 17% населения*. Важно подчеркнуть, что выделение бедных по доле расходов домохозяйств на питание — еще одна достаточно широко распространенная методика выделения бедных<sup>12</sup>. И если ориентироваться на нее, то доля бедных в России составляет не менее 17%. Однако это именно минимальный показатель, так как 5% россиян расходуют свыше половины своих доходов на услуги ЖКХ, что уже заведомо исключает для них возможность тратить половину имеющихся средств на питание, и еще 22% тратят на ЖКХ более четверти своих доходов. При слабой эластичности транспортных и ряда других расходов (зимняя одежда, обувь и т.д.) это делает для них невозможными расходы на питание в размере, превышающем 50% семейного бюджета.

Таким образом, *если ввести показатель доли расходов на питание в размере не менее 50% семейного бюджета как еще одно основание выделения бедных и приплюсовать к 32% бедных (показателю, полученному при совмещении абсолютного и депривационного подходов к бедности) также тех россиян, кто не попал в эту группу, но тратит на питание свыше 50% своих доходов, то доля бедных резко возрастет и достигнет в совокупности 40% населения*.

Рассмотрим теперь те характеристики жизни российских бедных, которые не связаны с базовыми физиологическими потребностями человека, а обуславливаются так называемыми «социальными потребностями», связанными с отношениями людей между собой: на работе, дома, в досуговой активности, с друзьями и т.п.<sup>13</sup> Конечно, они также во многом замыкаются на финансовые возможности семьи, однако

---

<sup>12</sup> Эта методика, разработанная Экономической комиссией ООН по Латинской Америке и Карибам, используется обычно в бедных развивающихся странах.

<sup>13</sup> До сих пор из числа этих потребностей в связи с проблемой компенсаторного потребления была упомянута только потребность в занятии определенного положения в группе, интегральных самооценок своего статуса и жизни в целом.

суть их все-таки во взаимоотношениях человека не с материальными предметами, а с другими людьми. Как показывает исследование, в этих областях картина жизни бедных выглядит по отношению к ситуации у небедных в целом едва ли не хуже, чем в отношении их материальных потребностей (табл. 2.10).

Таблица 2.10

**Самооценка различными группами бедных и небедными отдельными аспектов своей жизни, 2013 г., %**

Группы	Оценка	Возможность проведения досуга	Отдых в период отпуска	Общение с друзьями	Доступность образования	Статус, место в обществе	Жизнь в целом
Бедные «по доходам»	Хорошо	8	6	31	9	10	10
	Плохо	41	50	14	41	24	19
	<b>Разница</b>	<b>-33</b>	<b>-44</b>	<b>+17</b>	<b>-37</b>	<b>-14</b>	<b>-9</b>
Бедные «по лишениям»	Хорошо	10	6	31	8	9	8
	Плохо	42	48	14	40	25	21
	<b>Разница</b>	<b>-32</b>	<b>-42</b>	<b>+17</b>	<b>-32</b>	<b>-16</b>	<b>-13</b>
Бедные «по самооценке»	Хорошо	7	2	27	5	5	4
	Плохо	50	61	18	50	36	30
	<b>Разница</b>	<b>-43</b>	<b>-59</b>	<b>+9</b>	<b>-45</b>	<b>-31</b>	<b>-26</b>
Хронические бедные	Хорошо	4	2	25	3	3	2
	Плохо	50	63	19	56	41	34
	<b>Разница</b>	<b>-46</b>	<b>-61</b>	<b>+6</b>	<b>-53</b>	<b>-38</b>	<b>-32</b>
Небедные	Хорошо	37	30	58	32	35	41
	Плохо	12	17	3	11	5	3
	<b>Разница</b>	<b>+25</b>	<b>+13</b>	<b>+55</b>	<b>+21</b>	<b>+30</b>	<b>+38</b>

Примечание. Были возможны также ответы «удовлетворительно» и «затрудняюсь с ответом», не представленные в таблице.

Как видно из данных табл. 2.10, по всем рассматриваемым социальным потребностям ситуация у бедных характеризуется глубокой неудовлетворенностью их соответствующими сторонами своей жизни и качественно отлична в этом отношении от ситуации у небедных россиян. Даже по такому, казалось бы, не требующему специальных расходов аспекту жизни, как отношения с друзьями, ситуация у бедных,

хотя и характеризуется скорее удовлетворенностью этой стороной жизни, все же заметно хуже, чем у небедных: хорошие оценки ее превышают плохие в разных группах бедных на 6–17%, в то время как среди небедных россиян большинство (58%) оценивает их как хорошие и лишь 3% – как плохие.

Пессимизм бедных в оценке своей жизни не случаен и отражает еще одну очень важную черту, отличающую их от остального населения: *принципиальную невозможность добиться значимых улучшений в своей жизни*. У подавляющего большинства из них в последние три года вообще не было ни одного из таких сдвигов в жизни, как рост благосостояния, улучшение жилищных условий, повышение на работе, рост уровня образования, наличие дорогостоящих приобретений, зарубежные поездки (табл. 2.11), в то время как две трети небедных россиян ощущают, что в их жизни есть такого рода **позитивные сдвиги**.

Таблица 2.11

**Значимые улучшения в жизни представителей различных групп бедных, а также среди небедных, 2013 г., %**

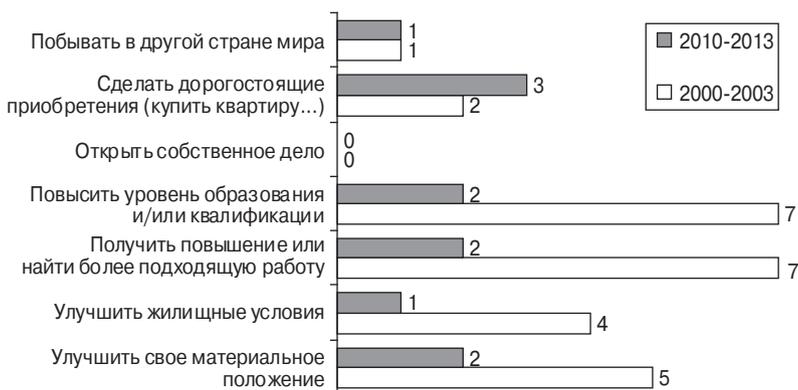
Чего удалось добиться за последние три года	Бедные				Небедные
	по доходу	по лишениям	по самооценке	хронические	
Улучшить свое материальное положение	6	2	3	0	25
Улучшить жилищные условия	9	1	5	3	16
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу	5	2	3	2	15
Повысить уровень образования и/или квалификации	5	2	2	0	15
Открыть собственное дело	0	0	1	0	3
Сделать дорогостоящие приобретения (купить квартиру, автомобиль, мебельный гарнитур и т.п.)	7	3	5	2	24
Побывать в другой стране мира	2	1	1	0	20
Ничего из вышеперечисленного за последние три года добиться не удалось	79	92	86	93	38

Обращаясь к динамике изменения положения бедных в этом вопросе в последние 10 лет, мы вновь видим ту же картину, что и по всем другим аспектам их жизни (за исключением ситуации с ТДП):

положение бедных ухудшается как относительно небедных, так и относительно ситуации, характеризовавшей беднейшую часть россиян всего 10 лет назад. Причем тенденция эта опять-таки присуща всем группам бедных, но в большей степени характерна для бедных «по лишениям» (рис. 2.9 и 2.10).



**Рис. 2.9.** Доля не имевших значимых улучшений в жизни за период 2000–2003 гг. и 2010–2013 гг. у бедных «по доходам», %



**Рис. 2.10.** Доля не имевших значимых улучшений в жизни за период 2000–2003 гг. и 2010–2013 гг. у бедных «по лишениям», %

Как видно на рис. 2.9 и 2.10, и среди бедных «по доходам», и среди бедных «по лишениям» практически по всем видам значимых улучшений их

*жизни доля тех, кто смог обеспечить себе соответствующие позитивные сдвиги в жизни, за последние 10 лет заметно сократилась. И наоборот, невозможность обеспечить себе хотя бы какие-то позитивные сдвиги стала характеризовать гораздо большую часть бедных. Так, в 2003 г. лишь чуть более половины (52%) бедных «по доходам» и 81% бедных «по лишениям» не имели никаких значимых улучшений в жизни за предшествующие три года. В то же время в 2013 г. таковых стало уже 79% среди бедных «по доходам» и 92% — среди бедных «по лишениям». Как видим, и в этом вопросе бедные «по лишениям», значительная часть которых формально вообще не может рассматриваться в качестве бедных в соответствии с официально принятой в России логикой выделения бедных, вновь оказываются даже в худшем положении, чем бедные «по доходам», выступающие в роли таковых вполне официально.*

Подведем итоги.

Анализ доходов и уровня жизни представителей бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» убеждает, что все они находятся практически в одинаково тяжелом положении, хотя ситуация в каждой из этих групп имеет свои нюансы, отражающие разную концептуализацию применительно к ним феномена бедности. Это значит, что реально бедность в ее социологической трактовке, т.е. как невозможность поддерживать образ жизни, считающийся в определенном сообществе минимально «нормальным» («жить как все»), распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать. Фактически доля бедных составляет не менее 30% населения страны.

Несоответствие этой цифры данным Росстата отражает недоучет им в его расчетах прожиточного минимума ряда обстоятельств — от разницы в стоимости жизни в разных населенных пунктах до особенностей потребительского поведения различных возрастных групп. Кроме того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов вообще не совсем правильно, поскольку на реальном уровне жизни бедных очень заметно сказываются также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные формы кредитов или псевдокредитов (фактически маскирующих простую помощь им со стороны окружающих и часто стоящих за понятием «мелкие долги»), санкции, которые следуют (или не следуют) за невозврат этих кредитов в зависимости от того, где они были взяты, особенности здоровья членов домохозяйств, различающийся размер оплаты за услуги ЖКХ и т.д.

Реальный уровень жизни бедных, несмотря на формальный рост в последнее десятилетие их доходов, понизился, хотя, как это ни

парадоксально на первый взгляд, обеспеченность их домашним имуществом выросла. Диктуемое желанием «быть как все» и неготовностью принять на себя роль «живущего за чертой бедности» в условиях начавшейся в российском обществе стигматизации бедных все больше подталкивает бедное население страны к компенсаторному и демонстративному потреблению. В российских условиях оно выражается, прежде всего, в активной покупке товаров длительного пользования. Ради покупки престижных ТДП — маркеров благополучия их владельца — многие бедные отвлекают деньги от других важнейших статей семейных расходов, включая питание, а также залезают в долги. В итоге кредитная нагрузка на бедные домохозяйства, в том числе и за счет дорогостоящих банковских кредитов, не просто очень велика: распространенность разного рода задолженностей, особенно кредитов банкам, в среде бедных за последние годы выросла в разы, что позволяет прогнозировать неизбежность дальнейшего ухудшения их положения.

Причины ухудшения положения бедных связаны не только с ростом долговой нагрузки за счет покупки товаров длительного пользования. Учитывая характер этих товаров, такая модель потребительского поведения характерна скорее для молодежи из бедных семей, хотя последствия ее отражаются на домохозяйствах в целом. Для домохозяйств же с теми, кому «за 50», и домохозяйств с хронически больными людьми относительно большую роль в ухудшении их положения играют расходы на медицинские цели. Хотя при необходимости средства «на здоровье» расходуются ими в первую очередь, получить полный объем необходимой медицинской помощи такие бедные все равно не могут. Более того, ситуация в этой области ухудшилась, и большинство нуждающихся в медицинской помощи бедных россиян не могут получить ее сегодня в полном объеме только из-за недостатка денег.

Ресурсообеспеченность бедных в последнее десятилетие заметно уменьшилась. Это касается и их финансовых ресурсов, и находящейся у них в собственности недвижимости, и их человеческого капитала. При этом, судя по разрывам в инвестировании в человеческий капитал своих детей со стороны бедных и небедных россиян, уже в ближайшие годы можно ожидать дальнейшего углубления социальных неравенств в российском обществе и межпоколенческого воспроизводства бедности, а не просто ее консервации. Это неизбежно будет способствовать падению качества человеческого потенциала страны и росту в ней социальной напряженности.

Жизненные шансы во всех областях, в том числе и в возможности изменить что-то к лучшему в своей жизни, кардинально различаются сегодня у бедного и небедного населения. Фактически жизнь бедных характеризуется не просто нехваткой текущих доходов, но и «беспросветностью». В особенно тяжелом положении в этом отношении, как и в материальных условиях их жизни, находятся хронические бедные, бедность которых длится свыше трех лет и чьи ресурсы, если они и были, за это время уже иссякли.



## СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКОВ ДОХОДОВ И СТРАТЕГИЙ ВЫЖИВАНИЯ БЕДНЫХ

*Е.И. Пахомова*

При анализе особенностей экономического поведения домохозяйств бедных и используемых ими стратегий выживания феномен бедности рассматривается обычно не только с позиций измерения количественных ее параметров, но и как особый образ и стиль жизни, выраженный в специфических способах жизнеобеспечения: за счет натурального хозяйства, помощи со стороны ближайшего окружения и т.п. Теоретико-методологической основой такого анализа выступает депривационный подход, предложенный П. Таунсендом<sup>1</sup>, при котором феномен бедности предстает одновременно и как процесс, и как результат.

Стратегии социально-экономического поведения, даже если говорить только об экономических их факторах, помимо уровня доходов, определяются и структурой последних. В связи с этим анализ следует начать с рассмотрения структуры источников доходов бедных. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что структура источников доходов домохозяйств бедных и небедных россиян имеет много общего. Так, для подавляющего большинства россиян, в том числе и для бедных, основным источником доходов домохозяйств является заработная плата по основному месту работы. Значительна также доля тех, для кого основным источником дохода выступают пособия, пенсии и прочие социальные выплаты: таковых в настоящее время среди населения более трети (37%) и несколько больше их среди бедных – 45%. Обращает на себя внимание и то, что среди как бедных, так и небедных слоев населения практически равны доли тех, кто в качестве основных источников доходов называет доходы, получаемые от подсобного хозяйства, дачи, приусадебного

---

<sup>1</sup> Townsend P. Deprivation // Journal of Social Policy. 1987. Vol. 16. Part 2.

участка (по 20% в каждой группе), помощь от родственников, друзей, соседей и т.п. (10% – среди бедных и 9% – среди небедных групп населения). В то же время несколько чаще представители группы бедных в качестве основных источников дохода называют разовые приработки, заработки от случая к случаю (21% против 18% в целом по населению), тогда как среди небедных групп несколько чаще представлены такие источники, как собственный бизнес и доходы, получаемые от собственности (рис. 3.1).



**Рис. 3.1. Структура основных источников дохода бедных и небедных домохозяйств, 2013 г., %**

Более отчетливые различия в структуре основных источников семейного дохода бедного и небедного населения выявляются при анализе ее динамики. Обращает на себя внимание определенная «подвижность», изменчивость данной структуры прежде всего среди группы бедных. Так, у небедного населения структура источников доходов семьи за последние годы практически не изменилась: и в 2013 г., и в 2008 г. в качестве основного источника дохода семьи большинство россиян называли зарплату по основному месту работы. Далее по значимости с заметным отрывом следуют социальные выплаты, получаемые от государства и общественных организаций, – 37%, доходы, получаемые от подсобного хозяйства, дачи, приусадебного

## 3. Специфика источников доходов и стратегий выживания бедных

участка, – 20%, и доходы, получаемые от разовых приработков, – 19% (табл. 3.1). Как видим, различия в структуре источников доходов бедных и небедных за последние годы уменьшились, хотя для небедных доходы от систематической занятости и сейчас важнее, чем для бедных. При этом во всех группах бедных больше доля получающих пенсии и пособия.

Таблица 3.1

**Динамика структуры основных источников доходов бедных и небедных домохозяйств, 2008 и 2013 гг., %**

Источники дохода	Бедные		Небедные	
	2008	2013	2008	2013
Зарплата по основному месту работы	74	75	88	83
Пенсии, стипендии и другие виды пособий, получаемые от государства и общественных организаций	42	41	30	37
Разовые приработки, заработки от случая к случаю	15	18	20	19
Подсобное хозяйство, дача, приусадебный участок	17	20	17	20
Совместительство, в том числе разовые приработки	5	3	10	9
Помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей	6	8	6	9
Доходы от собственности, сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам	2	2	4	6
Собственный бизнес	1	1	3	7

Факторный анализ переменных, характеризующих источники дохода населения, проведенный по результатам исследования 2013 г. (метод Варимакс), также показал, что модели формирования основных источников доходов домохозяйств за последние 5 лет не претерпели существенных изменений. По-прежнему можно говорить о четырех основных типах источников доходов домохозяйств<sup>2</sup> (табл. 3.2).

Первый фактор включает такие источники дохода, как зарплата или социальные выплаты в виде пенсий, стипендий, пособий.

<sup>2</sup> Подробно основные модели формирования источников доходов домохозяйств см. в главе: «Запас прочности» россиян и изменение стратегий их экономического поведения в кризисных условиях // Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. С. 178–180.

Таблица 3.2

## Матрица факторных нагрузок после вращения, 2013 г.

Переменные	Факторные нагрузки			
	фактор 1	фактор 2	фактор 3	фактор 4
Зарплата по основному месту работы	-0,773			
Пенсия, стипендия и другие виды пособий	0,830			
Собственный бизнес			0,788	
Совместительство		0,438		
Разовые приработки, заработки от случая к случаю		0,702		
Доход от собственности			0,685	
Помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей и т.п.				0,889
Подсобное хозяйство, дача, приусадебный участок		0,688		

Данный фактор характерен для подавляющего большинства россиян (более 80% опрошенных) как из небедных, так и из бедных слоев населения. Следует отметить лишь то, что среди группы «хронические бедные» заметно выше, по сравнению с другими группами населения, доля тех, кто в качестве основного источника дохода семьи назвал социальные выплаты (пенсии, стипендии и другие виды пособий), а именно 54%. Второй фактор предполагает доходы от разовых приработков, совместительства и подсобного хозяйства. Третий фактор формирования доходов включает в себя получение доходов от собственного бизнеса, а также доходы от собственности. И наконец, четвертый фактор формирования доходов домохозяйства включает помощь от родственников, друзей, соседей.

Таким образом, *существующая сегодня структура основных источников доходов большинства российских семей, не претерпев за последние пять лет принципиальных изменений, представляет собой достаточно бедную ресурсную базу*, в основе которой у многих лежит лишь зарплата или пенсия. Это свидетельствует о существовании высокого уровня рисков для большинства российских семей, в случае потери работы хотя бы одним членом семьи, войти в группу бедных. Гораздо реже российские домохозяйства основывают свои бюджеты на других источниках доходов, таких как доходы от дополнительной трудовой активно-

сти или доходы от собственности. Причем за последние 5 лет структура доходов бедных и небедных групп отчасти нивелировалась.

Следует обратить внимание и еще на один момент, важный для анализа экономических стратегий бедных. В рамках настоящего исследования, как было показано выше, группы бедности выделялись на основе разных подходов. Первый подход, так называемый «абсолютный», основывается на сравнении среднедушевых доходов респондентов с показателями регионального прожиточного минимума и официально используется в нашей стране для количественного измерения масштабов бедности. Второй подход – депривационный – исходит из того, что бедность – это не просто отсутствие денег, а, в первую очередь, невозможность поддерживать приемлемый и понимаемый как «нормальный» в данном сообществе образ жизни.

Группы бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» несколько различаются в оценке перспектив улучшения своего материального положения. Так, бедные «по лишениям» чаще (25%) склонны ожидать скорее ухудшения своего материального положения, чем его улучшения (21%). Это отличает их не только от небедных, для которых эти показатели составляют соответственно 11 и 41%, но и от бедных «по доходам», у которых доля тех, кто предполагает улучшение своего положения в ближайшей перспективе, заметно выше доли тех, кто ожидает негативных перемен: 29% против 23% (табл. 3.3).

Таблица 3.3

**Динамика представлений бедного и небедного населения о том, как изменится их материальное положение в ближайший год, 2008 и 2013 гг., %**

Варианты ответа	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2008	2013
	2008	2013	2008	2013		
Должно улучшиться	31	29	27	21	50	41
Скорее ухудшится, чем улучшится	20	23	25	25	9	11
Останется без изменений	49	48	48	54	41	48

Еще более пессимистичны оценки перспектив изменений собственного материального положения среди хронических бедных, у которых лишь 14% ожидают позитивных изменений, тогда как более

трети (37%) уверены, что материальное положение их семьи в ближайший год только ухудшится.

Безусловно, оценка перспектив изменения своего материального положения во многом определяется имеющимся у представителей разных групп спектром возможностей и стратегий социально-экономического поведения. Существуют различные классификации социально-экономических стратегий домохозяйств в повседневной жизни. Основанием для такой классификации может быть степень легальности экономической деятельности, источники получения дохода или формы экономической деятельности (индивидуальное предпринимательство) и т.п.<sup>3</sup> С целью оценки степени распространенности различных стратегий социально-экономического поведения, характеризующих состояние бедности как особый образ жизни, представляется важным рассмотреть их с точки зрения возможностей использования ресурсного и инвестиционного потенциала домохозяйства, позволяющего включиться в рыночные отношения, с одной стороны, или же доминирования традиционалистской стратегии, направленной на ограничение потребления, – с другой.

Для оценки распространенности различных стратегий социально-экономического поведения в ходе исследования респондентам был задан вопрос: «Что Вы предпринимаете для того, чтобы изменить свое материальное положение к лучшему?» Среди вариантов ответов были предложены действия, соответствующие трем типам стратегий поведения:

- Различные стратегии, направленные на активизацию деятельности по улучшению материального положения в системе рыночных отношений.
- Стратегии компенсационного характера, направленные на сокращение потребления и переход на самообеспечение и получение помощи со стороны.
- Самая простая стратегия – «стратегия ничегонеделания», пассивная позиция, которая диктуется различными мотивами: как неверием в возможность улучшения своего положения собственными силами, так и отсутствием чувства необходимости его улучшать.

---

<sup>3</sup> См.: *Радаев В.* Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 38; *Поланы К.* Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 57 и др.

Безусловно, в чистом виде реализация той или иной стратегии поведения встречается редко. В повседневной жизни можно наблюдать обычно совмещение нескольких стратегий: невозможность поддержать стандартный уровень жизни за счет привычных практик заставляет прибегать к другим.

Следует отметить, что за последние 10 лет не только среди бедных, но и среди россиян в целом возросла доля тех, кто считает, что он не может ничего сделать для улучшения своего материального положения: с 10% в 2003 г. до 16% в 2013 г. Одновременно с 2003 г. заметно возросла среди населения, не относящегося к бедным, и доля тех, кто ничего не предпринимает для улучшения своего положения, поскольку в этом нет необходимости: с 11% в 2003 г. до 19% в 2013 г. (табл. 3.4). Таким образом, *прослеживается тенденция углубления социального расслоения небедных россиян, ориентирующихся на пассивные стратегии выживания, с ростом в их составе социально уязвимых групп, которые по своему положению и особенностям социально-экономического поведения приближаются к ситуации бедности, с одной стороны, и благополучных групп, не нуждающихся в улучшении своего положения, – с другой.*

Особо следует обратить внимание также на то, что *среди населения в целом и особенно среди разных групп бедных с годами нарастает ощущение безысходности, невозможности улучшения своего положения.* Так, среди бедных «по лишениям» более трети (36%) в 2013 г. указали, что ничего не могут предпринять для улучшения своего положения, в то время как 10 лет назад таковых среди них было около четверти. Почти вдвое вырос данный показатель и у бедных «по доходам», достигнув 27%. В группе хронических бедных доля таковых достигает своего максимального значения и составляет 40%.

К наиболее распространенным действиям по улучшению своего материального положения среди бедных относятся:

- самообеспечение некоторыми продуктами питания (26% среди бедных «по доходу» и по 20% среди бедных «по лишениям» и хронических бедных);
- разовые и временные приработки (24%, 21% и 19% соответственно);
- заем денег (19%, 15% и 20% соответственно);
- сверхурочная работа или совместительство по основному месту работы (16%, 14% и 10%);
- работа по совместительству в нескольких местах на постоянной основе (13%, 12% и 10%).

Таблица 3.4

**Динамика распространенности различных действий по улучшению материального положения семьи у разных групп бедных и среди небедного населения, 2003 и 2013 гг, %**

Действия	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2003	2013
	2003	2013	2003	2013		
Используют любую возможность разовых и временных приработков	32	24	32	21	37	24
Занимают деньги	16	19	22	15	9	4
Получают помощь со стороны	8	8	6	5	8	5
Обеспечивают себя сами некоторыми продуктами питания	46	26	45	20	44	24
Торгуют продуктами, выращенными ими самими	9	8	12	7	10	5
Работают по совместительству в нескольких местах на постоянной основе	16	12	13	12	17	18
Сверхурочная работа или совместительство по основному месту работы	25	16	18	14	27	19
Переквалифицируются, чтобы сменить работу	5	4	6	3	7	4
Сдают в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и/или используют проценты от сбережений	5	1	2	1	6	6
Распродают кое-что из накопленного имущества	2	2	3	2	1	1
Ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости	9	4	4	6	11	19
Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать для улучшения своего положения	15	27	24	36	10	16

При этом надо еще раз подчеркнуть, что *одновременно с ростом числа бедных, занимающих пассивную позицию, среди них сократилась доля предпринимающих какие-то усилия для улучшения своего положения*. Особенно сильным это сокращение было по таким действиям, как самообеспечение продуктами питания (что, видимо, отчасти связано с «обезземеливанием» бедных, о чем упоминалось в главе 2) и различные виды дополнительной занятости. Наиболее масштабным

сокращение дополнительной занятости стало у бедных «по доходу», среди которых доля прибегающих к сверхурочной работе и совместительству по основному месту работы уменьшилась с 25% в 2003 г. до 16% в 2013 г. Бедные «по лишениям» существенно реже стали использовать возможности разовых и временных приработков (32% в 2003 г. и 21% в 2013 г.). Что же касается самообеспечения продуктами питания, то в 2003 г. 45% бедных «по лишениям» хотя бы частично сами обеспечивали себя продуктами питания, в 2008 г. их было уже 23%, а в 2013 г. доля использующих эту возможность улучшить свое положение составила среди них всего 20%. Близки к этим цифрам и показатели у бедных «по доходу». В целом сократилось в данных группах и количество тех, кто для улучшения своего материального положения продавал продукты, выращенные самостоятельно: в группе бедных «по доходу» – с 9% до 7%, в группе бедных «по лишениям» – с 12% до 7%.

Факторный анализ переменных, характеризующих различные действия по улучшению социально-экономического положения домохозяйств (метод Варимакс), позволил выявить шесть моделей социально-экономических стратегий домохозяйств (табл. 3.5).

При этом половина бедных демонстрируют скорее «уход» от рыночной экономики и возвращение к привычным, более традиционным стратегиям. К ним относятся стратегия кризисных действий, распродажа имущества и пассивная стратегия. Распространенность этих стратегий, особенно среди бедных, обуславливается их реакцией на нестабильность своих доходов и занятости, возможности повлиять на которые у них ограничены. Это соответствует веберовской характеристике «традиционалистского» типа поведения, когда в ситуации ухудшения материального положения традиционалист сокращает свои потребности. Стратегии элементарного выживания, важнейшими действиями в которых являются самообеспечение продуктами питания и обращение к помощи родных и близких, по своей мотивации и значимости для домохозяйств являются определенным «откатом» в традиционное общество. Эти стратегии могут подчас даже не приносить экономической выгоды, главная их функция – защита от угроз нестабильности, которую в себе несет рынок.

Еще две социально-экономические стратегии по изменению материального положения семьи в большей степени соответствуют включенности в рыночные механизмы, когда позитивные изменения материального положения домохозяйства чаще связываются с активными действиями на различных рынках (рынке труда, недвижимости,

Таблица 3.5

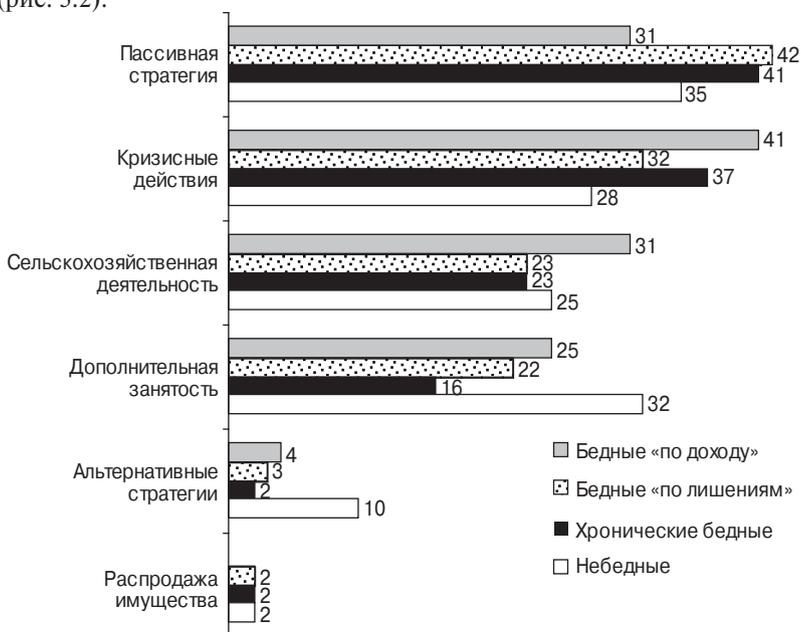
## Матрица факторных нагрузок после вращения, 2013 г.

Переменные	Факторные нагрузки					
	фактор 1 (кризисные действия)	фактор 2 (сельскохозяйственная деятельность)	фактор 3 (дополнительная занятость)	фактор 4 (альтернативные стратегии)	фактор 5 (распродажа имущества)	фактор 6 (пассивная стратегия)
Работа по совместительству в нескольких местах на постоянной основе			0,753			
Сверхурочная работа или совместительство по основному месту работы			0,665			
Самообеспечение некоторыми продуктами питания		0,777				
Переквалифицируются, чтобы сменить работу				0,589		
Разовые и временные приработки	0,478					
Торгуют продуктами, выращенными ими самими		0,715				
Сдают в наем жилье, гараж, дачу, автомобиль и т.п. и/или используют проценты от сбережений				0,619		
Занимают деньги	0,589					
Распродают кое-что из накопленного имущества					0,8575	
Готовятся уехать за рубеж				0,617		
Получают помощь со стороны	0,694					
Ничего не предпринимают, так как в этом нет необходимости						-0,867
Ничего не предпринимают, так как ничего не могут сделать						0,668

финансовом рынке и т.п.). Прежде всего, это стратегия дополнительной занятости, которая включает работу по совместительству и сверхурочную работу по основному месту работы, а также стратегия альтернативных действий, включающая готовность переквалифицироваться для смены работы, использование доходов от собственности и сбережений и подготовку к отъезду за рубеж, т.е. своего рода «асимметричные ответы» на возникающие перед домохозяйством вызовы.

Наконец, пассивная стратегия основана на неверии в возможность улучшения ситуации или отсутствии необходимости предпринимать какие-либо усилия для изменения своего материального положения.

При этом, как свидетельствуют результаты исследования, среди разных групп бедных наблюдаются определенные различия в степени распространенности отдельных социально-экономических стратегий (рис. 3.2).



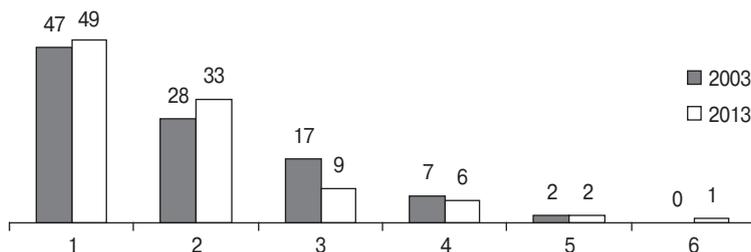
**Рис. 3.2. Распространенность различных стратегий изменения материального положения семьи среди разных групп бедных и среди небедного населения, 2013 г., %<sup>4</sup>**

<sup>4</sup> Для каждой социальной группы, представленной на рис. 3.2, приведена доля домохозяйств, использовавших одно и более из предложенных действий в рамках выделенных моделей.

Как видно из данных, представленных на рис. 3.2, пребывание в ситуации бедности достаточно длительное время обуславливает преобладание в целом традиционалистских стратегий, включающих в большей степени самообеспечение продуктами питания и использование действий, направленных скорее на то, чтобы «не ухудшить» ситуацию. Данные стратегии несколько чаще представлены среди бедных «по доходу» и хронических бедных. Обращает на себя внимание и то, что более активную позицию по изменению своего материального положения демонстрируют представители бедных «по доходу». Иными словами, *среди представителей этой группы бедных востребованы любые дополнительные возможности улучшения своего положения: в рамках трудовой деятельности, самообеспечения себя продуктами питания, займа денег среди ближайшего окружения, что не позволяет говорить об их пассивности, хотя сами они все чаще не верят, что их усилия принесут какие-то результаты.*

*В целом, однако, следует отметить, что выявленные различия социально-экономических стратегий бедного и небедного населения не носят радикальный характер, тем более что из-за усиления ощущения безысходности и невозможности как-либо улучшить положение семьи число предпринимающих какие-либо конкретные действия для улучшения своего материального положения среди как бедного, так и небедного населения за эти годы снизилось.*

Еще одним важным аспектом, характеризующим поведение различных групп населения по улучшению своего материального положения, является широта имеющихся у них для этого возможностей. Представление о ней косвенно дает общее число используемых человеком способов улучшения сложившейся у него ситуации (рис. 3.3).



**Рис. 3.3. Динамика числа используемых россиянами возможностей для улучшения материального положения семьи, 2003 и 2013 гг., %**

Как видно из данных, представленных на рис. 3.3, практически половина опрошенных (49%) использовала в 2013 г. лишь один вид действий для улучшения своего материального положения. Два таких способа использовали 33%, три и более – 19% россиян. *Результаты исследования не фиксируют каких-либо значимых различий в активности как между разными группами бедных, так и между бедными и небедными. Это позволяет утверждать, что не только и не столько патерналистские ожидания бедных или отсутствие у них активности консервируют в России состояние бедности. Скорее, речь идет о том, что в России в настоящее время существуют значительные институциональные ограничения и даже барьеры, не позволяющие формировать на микроуровне эффективные стратегии выхода из бедности и поддержания приемлемого для себя уровня и качества жизни.*

При этом возможности получения бедными поддержки со стороны ближайшего окружения очень ограничены: более трети бедных «по доходу» (37%) и почти половина бедных «по лишениям» (44%) ее вообще не получают (табл. 3.6).

Как видно из данных, представленных в табл. 3.6, чаще всего опрошенные во всех группах отмечают, что вообще не получают помощь со стороны. Так, среди небедных доля таковых составляет 43%. Впрочем, это вполне понятно, поскольку большинство из них, скорее всего, и не нуждаются в такого рода помощи. Однако обращает на себя внимание тот факт, что даже среди хронических бедных доля таковых также достаточно велика – более 40%, т.е. ресурс поддержки их со стороны сетей практически отсутствует. При этом шире всего в их среде, как и среди бедных в целом, распространена помощь продуктами.

Среди других наиболее распространенных видов помощи, которую получают представители различных групп бедных, – помощь в решении материальных проблем (20% среди бедных «по доходу» и 16% среди бедных «по лишениям») и оказание психологической поддержки, помощь советом (19% среди бедных «по доходу», 17% среди бедных «по лишениям»).

В целом же *бедные, как, впрочем, и следовало ожидать, являются на сегодняшний день в России скорее реципиентами помощи, чем «донорами».* Так, хотя они получают помощь со стороны своего ближайшего окружения по крайней мере не реже, чем небедные россияне, но помощь другим они оказывают гораздо реже, чем небедные (табл. 3.7). Если среди последних доля тех, кто не оказывает помощь и поддержку другим, составляет чуть более трети (36%), то среди бедных

Таблица 3.6

**Динамика получения помощи от соседей, родственников, друзей и знакомых у разных групп бедных и среди небедного населения, 2008 и 2013 гг., %**

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2008	2013
	2008	2013	2008	2013		
Помощь по хозяйству (покупка продуктов, стирка, уборка, приготовление еды и т.п.)	17	14	17	14	9	13
Помощь продуктами	23	30	20	23	11	14
Уход за ребенком, включая присмотр, прогулки	12	18	9	13	10	12
Помощь на садово-огородном участке	19	12	15	14	14	12
Помощь в решении материальных проблем	21	20	18	16	15	14
Помощь в организации празднеств или ритуальных обрядов	8	4	6	5	8	6
Пошив одежды, стрижка, ремонт электрики, сантехники и т.п.	10	9	8	8	11	8
Помощь в ремонте или строительстве дачи, дома, квартиры, машины и т.д.	19	11	13	10	16	15
Уход за больными и престарелыми членами семьи	6	4	6	6	4	4
Принятие кого-то, включая детей, на отдых	6	5	4	6	4	6
Помощь транспортом	17	14	12	12	15	10
Оказание профессиональных консультаций и услуг, включая лечение или обучение на дому	3	4	2	3	3	4
Содействие в доступе к должностным лицам, органам власти, от которых зависит решение соответствующих проблем	3	3	1	2	4	4
Помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы	7	8	5	6	9	6
Оказание психологической поддержки, помощь советом	26	19	23	17	27	21
Помощь не оказывается	35	37	40	44	41	43

Таблица 3.7

**Динамика оказания помощи у бедных и небедных, 2008 и 2013 гг., %**

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2008	2013
	2008	2013	2008	2013		
Помощь по хозяйству (покупка продуктов, стирка, уборка, приготовление еды и т.п.)	15	13	12	9	14	16
Помощь продуктами	16	9	12	10	15	17
Уход за ребенком, включая присмотр, прогулки	15	14	11	13	13	14
Помощь на садово-огородном участке	19	15	13	13	18	17
Помощь в решении материальных проблем	9	6	10	5	19	16
Помощь в организации празднеств или ритуальных обрядов	10	4	5	3	11	7
Пошив одежды, стрижка, ремонт электрики, сантехники и т.п.	9	5	7	5	9	9
Помощь в ремонте или строительстве дачи, дома, квартиры, машины и т.д.	15	9	10	8	17	15
Уход за больными и престарелыми членами семьи	11	8	8	6	14	12
Принятие кого-то, включая детей, на отдых	9	5	6	6	6	9
Помощь транспортом	11	9	7	8	23	19
Оказание профессиональных консультаций и услуг, включая лечение или обучение на дому	4	2	3	2	5	5
Содействие в доступе к должностным лицам, органам власти, от которых зависит решение соответствующих проблем	1	1	1	0	2	2
Помощь в трудоустройстве, поиске дополнительной работы	3	3	2	3	6	5
Оказание психологической поддержки, помощь советом	23	18	16	17	31	24
Помощь не оказывается	41	45	49	50	32	36

«по доходу» доля таких уже равна 45%, а среди бедных «по лишениям» она достигает даже 50%. При этом за последние 5 лет число таких во всех исследуемых социальных группах возросло, и, соответственно, снизилось число тех, кто оказывал другим различного вида помощь.

Среди наиболее распространенных видов помощи, которую оказывают представители бедных другим, следует отметить, прежде всего, оказание психологической поддержки, помощи советом (18% среди бедных «по доходу» и 17% среди бедных «по лишениям»), помощь на садово-огородном участке (15% и 13% соответственно) и помощь по хозяйству (13% и 9%).

Впрочем, несмотря на значительную часть бедных, которые получают помощь со стороны ближайшего окружения, качество этой помощи, видимо, не очень высоко и социальный капитал бедных относительно низок. Во всяком случае, они в массе своей не видят возможности позитивного решения большинства собственных повседневных проблем при обращении к своему ближайшему окружению, причем это касается практически всех сторон жизни (табл. 3.8).

Таблица 3.8

**Динамика оценок бедными и небедными россиянами возможности получить в случае необходимости помощь от своего ближайшего окружения, 2008 и 2013 гг., %**

Виды помощи	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2008	2013
	2008	2013	2008	2013		
Устройство на хорошую работу	11	10	9	7	24	17
Поступление в хороший вуз	3	3	2	1	8	8
Продвижение по карьерной лестнице	3	3	1	1	6	4
Устройство детей в хорошую школу	6	5	5	3	9	8
Решение жилищной проблемы	3	7	2	6	6	7
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	21	12	18	11	30	28
Возможность взять в долг достаточно крупную сумму денег	30	25	28	25	42	37

Только 25% в каждой группе бедных указали, что могут рассчитывать на реальную помощь в случае необходимости взять в долг крупную сумму денег. И это, пожалуй, единственная позиция, в отношении которой наблюдается достаточно высокий уровень оценок. В отношении позитивного решения большинства других своих важных проблем число тех, кто может рассчитывать на реальную помощь и поддержку со стороны своего ближайшего окружения, существенно меньше. Так, лишь 12% в группе бедных «по доходам» и 11% в группе бедных «по лишениям» могут рассчитывать на реальную помощь своего ближайшего окружения в случае необходимости обращения к хорошим врачам или устройства в хорошую больницу, 10 и 7% соответственно – при необходимости устроиться на хорошую работу, 5 и 3% соответственно – в случае необходимости устроить ребенка в хорошую школу (табл. 3.8). При этом *за последние 5 лет социальный капитал бедных, как, впрочем, и небедных, сократился.*

Итак, существующая сегодня структура основных источников доходов большинства российских семей не претерпела в последние годы принципиальных изменений. В качестве основного источника семейных доходов подавляющее большинство практически во всех группах (и бедных, и небедных) называет зарплату по основному месту работы или пенсию.

В целом россияне демонстрируют достаточно сдержанные оценки возможности в ближайшее время улучшить материальное положение своей семьи. На общем фоне выделяются оценки представителей бедных «по лишениям» и хронических бедных, среди которых в большей степени распространены пессимистические ожидания. В значительной степени это связано с нарастанием ощущения безысходности, невозможности улучшения своего положения за счет собственной активности, так как опыт мобилизации собственных возможностей бедных на микроуровне не привел в последние годы к сколько-нибудь заметному улучшению их материального положения. Для значительной части домохозяйств бедных групп населения (прежде всего, хронических бедных) более привычными становятся стратегии, предполагающие определенную консервацию, «неухудшение» своего положения, и не имеющие ничего общего с достигнутыми мотивациями, предполагающими стратегии выхода из состояния бедности и кардинального изменения материального положения семьи. Как следствие, сокращается доля тех, кто прибегает к каким-либо конкретным действиям для улучшения своего материального положения. Это позволяет говорить о существовании в российском

обществе системных ограничений и барьеров, препятствующих формированию эффективных стратегий выхода из бедности и поддержания приемлемого для себя уровня жизни.

Отчасти на нарастании пессимизма как бедных, так и небедных россиян сказалось, впрочем, также сокращение ресурса социальной поддержки в последние годы, затронувшее не столько количественные характеристики социального капитала россиян (частота оказания различных видов помощи), сколько качество такого капитала (какие серьезные жизненные проблемы можно решить с его помощью). Это может способствовать формированию такой черты субкультуры бедности, как замкнутость и социальный изоляционизм.

## О БЕДНЫХ НА РЫНКЕ ТРУДА

*И.О. Тюрина*

*Как и в любом другом обществе, бедность в современной России не гомогенна. Разграничивая формы и типы бедности, эксперты подчеркивают: при всей важности выделения абсолютных и относительных разновидностей данного явления их недостаточно для передачи своеобразия его структуры в пореформенном российском обществе. Как следствие, применительно к практическим нуждам социальной политики решающее значение имеет еще одно различие — бедности «слабых» и бедности «сильных». «На Западе к категории бедных традиционно относят три группы населения: во-первых, молодежь; во-вторых, стариков; в-третьих, нетрудоспособных (инвалидов), умственно неполноценных, наркоманов, алкоголиков и просто нежелающих работать»<sup>1</sup>. Очевидно, что речь в этом случае идет о бедности «слабых».*

Как с этой точки зрения выглядит профиль российской бедности? Эмпирические данные показывают, что в современном российском обществе *помимо традиционной бедности «слабых» существует и бедность «сильных», жертвами которой становятся работоспособные граждане, не имеющие возможности обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния*<sup>2</sup>. Иначе говоря, сегодня нали-

---

<sup>1</sup> *Полобина И.Б.* Проблема бедности в современных условиях: специфика России // Электронная библиотека образовательных ресурсов Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова. URL: [http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/rv2005\\_01/pdf/013Polubina.pdf](http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/rv2005_01/pdf/013Polubina.pdf)

<sup>2</sup> Подробнее о причинах, особенностях и характеристиках российской бедности см., например: *Разумов А.А., Ягодкина М.А.* Бедность в современной России. М.: Форум-права, 2007; *Тихонова Н.Е.* Малообеспеченность в современной России. Причины и перспективы // Социологические исследования. 2010. № 1; *Ситнова И.* Причины российской бедности: структурный и ментальный уровни // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2; *Ржаницына Л.С.* Бедность в России: причины, особенности, пути уменьшения // Экономист. 2001. № 4; *Овчарова Л.Н.* Теоретические

чие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности. При этом бедность работающего населения порождается действующей в нашей стране системой экономических отношений и текущими экономическими реалиями, предопределяется местом работы и профессией, а также местонахождением предприятия: «Сложившаяся в России модель бедности — результат низких доходов от занятости вследствие низкого качества роста экономики. Существующая модель экономического роста не устраняет бедности работающего населения России»<sup>3</sup>.

Из процитированного выше очевидно, что *причины российской бедности во многом уходят своими корнями в сферу рынка труда и занятости*. Что представляет собой последняя?

Совершенный Россией переход к рыночным отношениям, связанная с ним структурная перестройка экономики привели к возникновению принципиально новой картины социально-трудовых отношений в стране. Существенно трансформировался и национальный рынок труда, сумевший продемонстрировать немалый и крайне значимый в социальном плане адаптивный потенциал. Из данных официальной статистики следует, что даже на фоне разразившегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса и неизбежно сопутствующего ему сокращения рабочих мест отечественный рынок труда оставался и остается достаточно «энергичным»<sup>4</sup>. По итогам обследования населения по проблемам занятости, в августе 2013 г. численность экономически активных россиян в возрасте 15–72 лет составила 76,4 млн человек (или около 53% общей численности населения страны). В численности экономически активного населения 72,4 млн человек (94,8%) были заняты в экономике и 4 млн человек (5,2%) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией МОТ они классифицируются как безработные). При этом общая численность безработных, классифицируемых в качестве таковых в соответствии с критериями МОТ, в 4,3 раза превышала число безработных, зарегистрированных в государственных учрежде-

---

и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009; Овчарова Л.Н., Шишкин С.В., Александрова А. Бедность и льготы: мифы и реальность. М.: СПРОС-КонфОП, 2003; Мисихина С.Г. Бедность в Российской Федерации и странах ОЭСР: основные тренды в 2000-е годы // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10–11 и др.

<sup>3</sup> Горюнова Н.Н. Профиль российской бедности: факторы и риски для работающего населения // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6.

<sup>4</sup> См., например: Труд и занятость в России. 2011: Стат. сборник. М.: Росстат, 2011. С. 31.

ниях службы занятости населения<sup>5</sup>. Уровень безработицы в указанный период составил 5,2%, а уровень занятости – 65,7%. По сравнению с июлем 2013 г. численность занятого населения увеличилась на 583 тыс. человек (или на 0,8%), а численность безработных уменьшилась на 52 тыс. человек (или на 1,3%).

Исходя из приведенных данных, *ситуацию, сложившуюся в настоящее время на российском рынке труда, можно охарактеризовать как стабильную*. Между тем эксперты Всемирного банка склонны считать ее напряженной, ссылаясь на превышение спроса над предложением – «трудоемкий» тип конъюнктуры, порожденный рекордно низкими за последние 20 лет показателями безработицы, тенденция сокращения которой заметна среди разных групп населения и фиксируется во всех федеральных округах страны<sup>6</sup>.

По наблюдениям исследовательского портала *Superjob.ru*, специалисты которого подвели итоги развития рынка труда Российской Федерации в 2012 г., высокий уровень спроса на персонал со стороны работодателей и умеренная активность соискателей в поиске работы прослеживались на протяжении всего указанного периода. Так, к декабрю 2012 г. число опубликованных вакансий выросло по сравнению с январем на 52%, а количество активных резюме – всего на 20%. Летом того же года, когда на рынке труда царил традиционный затишье, конкурс на место находился вблизи отметки 3 резюме на вакансию<sup>7</sup>. Таким образом, можно утверждать, что *после нескольких кризисных лет российский рынок труда снова стал рынком работника, а не работодателя*.

Такова объективная картина состояния рынка труда в пореформенной России. Но какой она представляется нашим согражданам?

Для начала обратимся к оценкам изменений, произошедших за последнее «путинское десятилетие» (2003–2013 гг.) в отдельных сфе-

<sup>5</sup> По данным Росстата, в конце августа 2013 г. в государственных учреждениях Службы занятости населения РФ на учете в качестве безработных состояло 925 тыс. человек, что на 2,1% меньше по сравнению с июлем 2013 г. и на 13,4% – по сравнению с августом 2012 г. // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ ([http://www.gks.ru/bgd/free/b04\\_03/IssWWW.exe/Stg/d02/197.htm](http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/197.htm)).

<sup>6</sup> Подробнее см.: Доклад об экономике России. Восстановление и перспективы дальнейшего развития экономики. Всемирный банк в России. № 29 (весна 2013 г.). (<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/RER29-RUS.pdf>).

<sup>7</sup> *Кавестникова А.* Россияне выходят на охоту за суперзарплатами // Ежедневная электронная газета «Утро.ру». 26 декабря 2012 г. (<http://www.utro.ru/articles/2012/12/26/1092001.shtml>).

рах жизни российского общества, так или иначе связанных с рынком труда и системой социально-трудовых отношений (табл. 4.1).

Таблица 4.1

**Динамика оценок россиянами изменений положения дел в отдельных сферах жизни российского общества за время пребывания у власти В.Путина, 2003 и 2013 гг., %**

Сферы жизни	По массиву в целом		Бедные				Небедные	
			По доходам		По лишениям			
	2003	2013	2003	2013	2003	2013	2003	2013
<b>1. Положение с безработицей</b>								
Улучшилось	19	29	18	16	16	18	20	33
Осталось таким же	49	53	47	59	46	59	53	51
Ухудшилось	19	18	21	25	24	23	15	16
<b>2. Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий</b>								
Улучшилась	64	56	65	49	60	47	67	59
Осталась такой же	26	38	24	43	29	44	24	37
Ухудшилась	6	5	6	8	7	9	5	4
<b>3. Возможность устроиться на хорошую работу</b>								
Улучшилась	–	12	–	6	–	5	–	15
Осталась такой же	–	60	–	53	–	59	–	61
Ухудшилась	–	27	–	41	–	36	–	24

*Примечание.* В 2003 г. позиция «возможность устроиться на хорошую работу» в данном вопросе отсутствовала. В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

Данные, представленные в табл. 4.1, свидетельствуют о неоднозначном, но в целом «умеренно позитивном» характере восприятия россиянами процессов, происходящих на отечественном рынке труда. В настоящее время, как и 10 лет назад, подавляющее большинство наших сограждан полагает, что отдельные аспекты функционирования последнего, если и не эволюционируют в лучшую сторону, то по крайней мере не претерпевают существенных изменений. При этом выявленные за десятилетие «разночтения» в долях опрошенных, заявляющих об ухудшении положения дел, минимальны и не превышают 1%. Следствием фиксируемой общественным мнением своеобразной «стабильности без развития» становится неравномерное распределение голосов россиян, главным образом между двумя вариантами ответа: положение «улучшилось» и «осталось без изменений».

Подмеченная неоднозначность становится тем более очевидной при сопоставлении состояния выделенных показателей в динами-

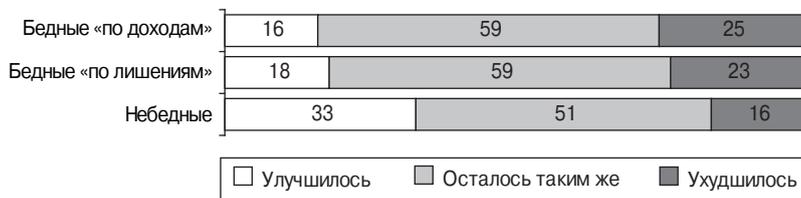
ке. С одной стороны, на 10% увеличилась доля российских граждан, полагающих, что результатом минувшего десятилетия стало улучшение положения дел с безработицей. С другой – на 8% сократилась доля тех, кто придерживается аналогичной точки зрения, обращаясь к проблеме своевременности выплат зарплат, пенсий и социальных пособий. Однако именно эта позиция – единственная из трех, где доля настаивающих на том, что стало лучше, чем было (причем во всех выделенных группах), превышает долю тех, кто не видит никаких изменений, а доля отмечающих ухудшение оказывается минимальной. Одновременно в обоих случаях фиксируется большее или меньшее (от 4 до 12%) увеличение числа россиян, отдавших предпочтение ответу «осталось таким же».

Сравнение приведенных в табл. 4.1 данных позволяет утверждать, что *вектор восприятия процессов, происходящих на рынке труда России, достаточно четко опосредуется принадлежностью к бедным либо небедным слоям россиян*. При этом в обеих временных точках самоощущения вторых в части, касающейся выделенных нами аспектов, куда более оптимистичны и, если и отличаются незначительно от показателей по населению в целом, то, как правило, в лучшую сторону. Если говорить о группах бедных россиян (практически независимо от используемых критериев их выделения), то текущее состояние и динамика изменений национального рынка труда оцениваются ими с большим пессимизмом.

Об этом свидетельствуют, в частности, оценки положения дел с безработицей, полученные в 2013 г. Из данных, представленных на рис. 4.1, видно, что доля бедных, считающих, что ситуация в этой сфере улучшилась, практически вдвое меньше аналогичной доли в группе небедных. Куда больше среди них и тех, кто не видит здесь никаких существенных изменений или полагает, что положение с безработицей ухудшилось.

Сопоставительный анализ данных 2003 и 2013 гг. демонстрирует и происходящее на фоне заметного роста доли небедных, подмечающих успехи в деле урегулирования данной проблемы, снижение (пусть и незначительное) числа уверенных в том же бедных. Причем особенно пессимистичными выглядят оценки ситуации, выставляемые бедными «по доходам» (20% против 33% и 18% против 16% в группах небедных и бедных «по доходам» соответственно).

Примерно аналогичная (хотя, разумеется, и несколько иная) картина наблюдается и при обращении к показателю своевременности выплат зарплат, пенсий и т.п. (рис. 4.2).



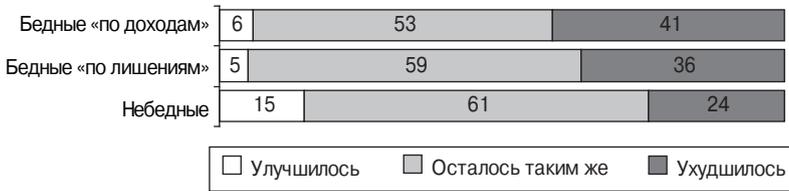
**Рис. 4.1.** Представления разных групп бедных и небедного населения о положении с безработицей, 2013 г., %



**Рис. 4.2.** Представления разных групп бедных и небедного населения о своевременности выплат зарплат, пенсий и социальных пособий, 2013 г., %

Известно, что к разряду надежных и действенных стратегий решения проблемы бедности относятся не только мероприятия финансового характера (нацеленные, например, на повышение минимальных заработных плат), но и практика создания достойных, в том числе хорошо оплачиваемых, рабочих мест. Разумеется, представления о том, какую работу можно считать хорошей, сильно различаются, будучи опосредованы совокупностью факторов микро- и макроуровня. Однако, абстрагируясь от конкретики, попробуем понять, как, по мнению россиян, обстоят дела с возможностью устроиться на такую работу.

Отсутствие данных десятилетней давности не позволяет нам сопоставить возможности трудоустройства на хорошую работу, имеющиеся у россиян сегодня и те, что были доступны им в 2003 г. Однако картина, характеризующая сегодняшнее положение дел, не внушает оптимизма: более четверти (27%) российских граждан полагают, что за время пребывания у власти В. Путина возможности хорошего трудоустройства ухудшились. При этом доля заявляющих об их улучшении составляет всего 12%, наиболее популярным вариантом ответа является «остались такими же», а самыми пессимистично настроенными в этом вопросе оказываются бедные «по доходам» (рис. 4.3).



**Рис. 4.3. Представления разных групп бедных и небедного населения о возможности устроиться на хорошую работу, 2013 г., %**

Многочисленные стратификационные исследования, в том числе проводимые в последние годы, подтверждают успевший стать классическим тезис, согласно которому нахождение в состоянии бедности опосредуется, прежде всего, низкой квалификацией работников и их занятостью преимущественно физическим трудом. Так ли это в современной России? Какие профессионально-должностные позиции занимают и где работают бедные и небедные россияне?

Для начала следует отметить, что профессиональный портрет работающих россиян отличается ярко выраженной «пестротой». Сказанное верно и в отношении бедных и небедных слоев российского населения, работающих представителей которых можно обнаружить на всех профессионально-должностных позициях, правда, в разных пропорциях. Так, среди вовлеченных в систему социально-трудовых отношений бедных гораздо реже, нежели среди небедных, встречаются работники, занятые нефизическим трудом (сегодня их совокупные доли не превышают 40 и 47% работающих бедных «по лишениям» и «по доходам» соответственно). И это неудивительно, поскольку в условиях современного российского общества, как, впрочем, и десятилетие тому назад, большинство всех бедных (55%) — это рабочие разного, преимущественно среднего и низкого (42%) уровней квалификации.

Картина не меняется и при использовании дифференцированного подхода, позволяющего сравнить профессиональные статусы занятых в экономике бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» (табл. 4.2). В обоих случаях лидирующей по частоте выбора оказывается позиция «рабочий 1–2 разрядов и без разряда».

Вместе с тем профессиональные портреты представителей двух выделенных групп российских бедных нельзя считать полностью идентичными. Так, среди бедных «по доходам» оказывается несколько больше (нежели среди бедных «по лишениям») тех, кто занимает

Таблица 4.2

**Профессионально-должностные позиции и типы предприятий,  
на которых работают разные группы бедных и небедное население,  
2013 г., % от их работающих представителей**

Характеристика	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
<b>1. Профессионально-должностная позиция</b>			
Предприниматели, имеющие наемных работников	1	1	1
Руководители разного уровня	2	1	7
Специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, в том числе офицеры	12	9	30
«Самозанятые» (индивидуальная трудовая деятельность, частная практика и т.п.) или имеющие бизнес, где работают только члены их семьи	2	1	2
Служащие (включая неофицерский состав силовых ведомств), офисные работники, работники из числа технического персонала (секретарь, лаборант, библиотекарь, охранник)	19	17	13
Рядовые работники торговли или сферы бытовых услуг (продавец, парикмахер и т.д.)	11	11	12
Рабочие, в том числе операторы станков, механизаторы, водители и т.д. от 5 разряда	9	13	19
Рабочие 3–4 разрядов	17	21	11
Рабочие 1–2 разрядов и без разряда	27	26	5
<b>2. Тип предприятия</b>			
Государственное	43	38	46
Приватизированное	23	28	22
Вновь созданное частное (включая фермеров)	15	17	15
Коллективное, в том числе кооперативное	3	5	5
Индивидуальная трудовая деятельность	12	9	9
Инофирма, в том числе СП	1	1	1
Иное (в том числе общественные организации)	3	2	2

не слишком статусные и, увы, отнюдь не высокооплачиваемые, но все же связанные с интеллектуальной деятельностью позиции «конторского пролетариата» — служащих, офисных работников, техниче-

ского персонала (19% против 17% соответственно). В результате эти должностные позиции выходят на второе (по числу упоминающих их представителей указанной группы бедных) место, тогда как среди бедных «по лишениям» его занимает позиция «рабочий 3–4 разрядов» (21% против 17% в группе бедных «по доходам» соответственно). Если говорить о позициях высококвалифицированного физического труда (рабочие от 5 разряда и выше), то среди занимающих их оказывается несколько больше (примерно на 4%) представителей бедных «по лишениям». В то же время среди бедных «по доходам» чуть больше тех, кто так или иначе занят в сфере услуг, в том числе бытовых, и в торговле. Однако, как видно из приведенных в табл. 4.2 данных, расхождения между профессиональными статусами тех и других весьма незначительны, тогда как их «профессионально-портретное сходство» достаточно высоко.

При этом в сравнении с небедными и бедные «по доходам», и «бедные по лишениям» слабо представлены в группах предпринимателей, имеющих наемных работников, руководителей и особенно специалистов на должностях, предполагающих высшее образование, – 15% среди бедных («по доходам» и «по лишениям») против 38% небедных. И это вполне объяснимо, если принять в расчет специфику и уровень имеющегося у них образования (рис. 4.4).



**Рис. 4.4. Уровень образования разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., % от их работающих представителей**

Разумеется, причины попадания занимающих те или иные профессиональные позиции работников в категорию бедных или небедных россиян далеко не всегда связаны с уровнем образования. Однако факт остается фактом: *в условиях пореформенного российского общества доли обладающих высшим образованием оказываются значительно более высокими у тех, кто относится к благополучным (хотя бы по россий-*

*ским меркам) слоям населения, тогда как среди бедных преобладают те, кто его наличием похвастаться не может.*

Обращение к небедным работающим россиянам показывает, что большую их часть (более 60%) составляют «белые воротнички» — работники, занятые преимущественно нефизическим трудом. При этом примерно в половине случаев речь идет о занятости в сферах высококвалифицированной умственной и управленческой деятельности (табл. 4.2). Следует обратить внимание и на то, что представители относительно благополучных (небедных) слоев российского населения гораздо чаще, нежели те, кто относится к российской бедноте, работают в госсекторе экономики. В то же время среди бедных оказывается несколько больше тех, кто заявляет, что трудится на приватизированных и вновь созданных частных предприятиях.

Отдельно надо подчеркнуть и тот факт, что *модели занятости бедных слоев населения в современной России в значительной своей части олицетворяют практики классического вторичного рынка труда со свойственными ему большей текучестью кадров и нестабильностью рабочих мест, низким уровнем заработной платы, дефицитом (или даже отсутствием) возможностей карьерного роста и профессионального продвижения работников, повышения ими уровня квалификации и т.п.*

Согласно концепции двойственного рынка труда, основой которой выступает выделение первичного и вторичного сегментов последнего, группы работников, занятых в первичных секторах рынка, имеют немало преимуществ. К таковым относятся, в частности: разнообразные премии, доплаты и формы участия в прибылях; установленные предприятием внепроизводственные льготы (предоставление жилья, продуктов и услуг); удобные часы и дни работы; стопроцентная оплата больничных листов и отпусков; гарантированное пенсионное обеспечение; обучение и переквалификация за счет предприятия; членство в профессиональных союзах и т.п. Непривилегированные же группы, попадающие во вторичный сегмент рынка труда, находятся в совершенно ином положении, зачастую лишаясь многих (а то и всех) перечисленных выше прав. Исходя из всего этого, следует определить те возможности, которыми обладают на своих рабочих местах занятые в экономике бедные и небедные россияне (рис. 4.5).



**Рис. 4.5. Доли разных групп бедных и небедного населения, которым работодатели обеспечивают различные социальные гарантии, 2013 г., % от их работающих представителей**

Как следует из данных, представленных на рис. 4.5, ни одну из выделенных групп работников нельзя назвать полностью лишенной тех прав, которые гарантирует занятым в экономике современный цивилизованный рынок труда. Вместе с тем положение работающих небедных выглядит куда более благополучным вследствие того, что доли их представителей, заявляющих о соблюдении данных прав, превосходят (и в ряде случаев весьма существенно) аналогичные доли работающих бедных по всем позициям без исключения.

Факт концентрации значительного числа работающих бедных преимущественно во вторичном сегменте рынка труда (с присущим ему невысоким уровнем социальной защищенности работников) подтверждается и при рассмотрении величины собственных доходов работающих бедных. Весной 2013 г. собственный доход как занятых, так и незанятых в экономике россиян составлял в среднем 18,5 тыс. руб. Обращение к работающим их представителям дает несколько иную, но в целом весьма похожую на приведенную выше картину: в данном случае средняя величина интересующего нас показателя составляет 19,6 тыс. руб. (при медианном его значении 16 тыс. руб.).

Совсем иная ситуация обнаруживается при использовании дифференцированного подхода к анализу индивидуальных доходов бедных и небедных слоев работающего населения РФ (табл. 4.3).

Таблица 4.3

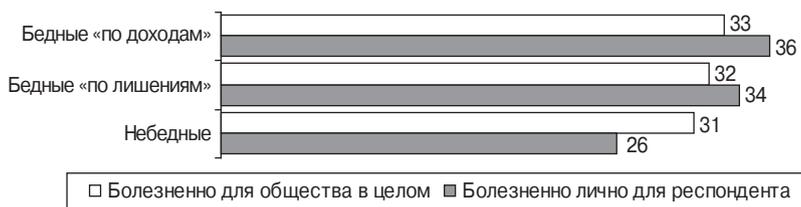
**Ежемесячный собственный доход бедных и небедных работающих россиян, 2013 г., руб.**

Ежемесячный собственный доход	Бедные	Небедные
Средний	13 476	23 416
Медианный	11 000	20 000

Как видно из данных табл. 4.3, собственные доходы работающих российских бедных существенно отстают от доходов работающих небедных. При этом доходы пятой части занятых в экономике бедных россиян ненамного превышают 7 тыс. руб., что фактически свидетельствует о неизбежном нахождении их в бедности, в случае если им не помогут другие члены семьи.

Поэтому неудивительно, что, по мнению россиян, насущной проблемой пореформенной России является *неравенство в доступе к хорошим рабочим местам, уверенно входящее в пятерку самых болезненных для граждан страны типов социальных неравенств*, несомненным лидером среди которых считается опосредованное им неравенство доходов. Причем осознание остроты проблемы практически не зависит от того, оценивается ли она применительно к обществу в целом или «примеряется» лично на себя. Можно ли утверждать, что отнесение данного неравенства к категории острых предопределяется фактом нахождения в состоянии бедности?

Отчасти да. На это указывают различия в оценках, которые выставляют ему бедные и небедные, рассуждая о его болезненности для себя лично. Из данных, представленных на рис. 4.6, видно, что болезненным для общества в целом данный вид неравенства считает



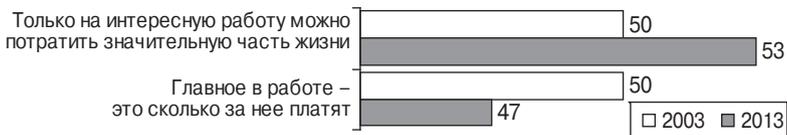
**Рис. 4.6. Мнения разных групп бедных и небедного населения о болезненности неравенства в доступе к хорошим рабочим местам для общества в целом и лично для них в современной России, 2013 г., %**

около трети российских граждан, независимо от того, к какой группе – бедных либо небедных – они принадлежат. Вместе с тем сужение контекста оценки до сферы собственного бытия приводит к некоторому изменению картины происходящего, в результате чего доля бедных, ощущающих болезненность неравного доступа к хорошим рабочим местам, примерно на 10% превышает долю таковых среди небедных.

Выше уже отмечалась неоднозначность критериев, используемых людьми при определении понятия «хорошее рабочее место». Так, согласно стереотипным представлениям, последнее должно не только обеспечивать работнику (и его семье) безбедное существование, но и давать возможность самореализоваться. Иными словами, идеал хорошей работы – иметь своего рода «рабочее хобби», которое приносит не только моральное удовлетворение, но и достойный заработок. Однако желаемое и действительное нередко расходятся, а реальные жизненные практики заставляют людей делать выбор между работой, сулящей хороший заработок, но не приносящей удовлетворения (а иногда и морально подавляющей), и деятельностью интересной, разноплановой, дающей возможность развиваться и т.п., но низкооплачиваемой.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что вопреки кризисным явлениям в экономике и провоцируемой ими неуверенности в завтрашнем дне в настоящее время *большинство работающих российских граждан хотя бы на нормативном уровне ориентировано, главным образом, на обретение интересной работы, дающей человеку шанс реализовать и применить на практике имеющиеся у него способности.* Свидетельством тому может служить, в частности, выбор работающими россиянами одного из пары ценностных суждений, касающихся критериев предпочтения труда (рис. 4.7).

Из данных, представленных на рис. 4.7, видно: в настоящее время большинство опрошенных заявляет, что, с их точки зрения, жизнь



**Рис. 4.7. Динамика отношения россиян к критериям оценки работы, 2003 и 2013 гг., % от их работающих представителей**

можно потратить только на интересную работу. Более того, за последнее десятилетие доля таковых выросла, а численность сторонников противоположной установки сократилась на 3%. В связи с этим можно утверждать, что *работа воспринимается россиянами главным образом как способ самореализации личности, возможность следовать своим «я хочу» вместо «я должен», как средство получения удовлетворения зачастую без жесткой «привязки» к уровню материального вознаграждения.*

Вместе с тем надо помнить, что речь в данном случае идет о некоей норме, идеальной модели жизни, а не о том, как выглядит соответствующая сторона их жизни в реальности. В пореформенной России роскошь иметь интересную работу доступна далеко не всем, и фактором, опосредующим доступность такого рода возможности, выступает, в большей или меньшей степени, нахождение в состоянии бедности, о чем свидетельствуют и уже упоминавшаяся разница профессиональных позиций бедных и небедных российских граждан, и степень их удовлетворенности своей работой (это будет рассматриваться ниже).

Проведенное исследование подтвердило и результаты десятилетней давности: *основным «мотором» продвижения вверх значительного большинства небедных чаще всего являются высокие достижительные установки в профессиональной сфере.* А «двигателем» этого «мотора» оказывается несколько бóльшая (нежели у бедных) увлеченность своей работой, ее содержанием. Уделом же бедных остается постоянная «борьба за выживание», вынуждающая их куда чаще обращать внимание на материально-финансовую сторону вопроса – размер оплаты труда и приносимый им доход (табл. 4.4).

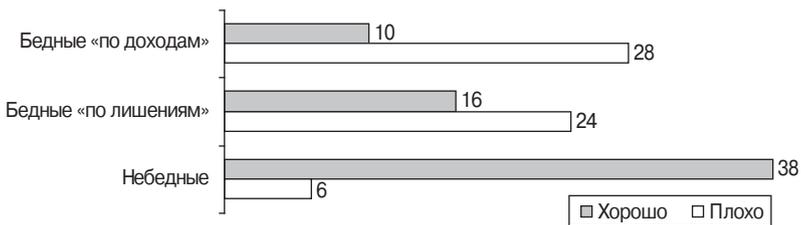
Таблица 4.4

**Динамика отношения разных групп бедных и небедного населения к критериям оценки работы, 2003 и 2013 гг., % от их работающих представителей**

Альтернативные ответы	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2003	2013
	2003	2013	2003	2013		
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	55	42	45	45	53	57
Главное в работе – это сколько за нее платят	45	58	55	55	47	43

Минувшее десятилетие практически не изменило оценок, выставляемых россиянами ситуации, складывающейся у них на работе. В настоящее время, как и в 2003 г., более половины работающих российских граждан (57 и 59% соответственно) склонны характеризовать ее как «удовлетворительную». При этом за рассматриваемый период незначительно увеличилась доля тех, кто ставит ей оценку «хорошо» (с 27 до 33%), и сократилась численность тех, кто полагает ее «плохой» (с 14 до 9% в 2003 и 2013 гг. соответственно). Таким образом, данные исследования свидетельствуют о тенденции отсутствия качественных изменений в социально-профессиональной сфере и видимости стабильности ситуации на российском рынке труда, равно как и указывают на потребность в создании привлекательных рабочих мест для различных категорий работников, а также адекватной системы оплаты труда.

Как же оценивает ситуацию у себя на работе бедная часть работающего населения России (рис. 4.8)?



**Рис. 4.8. Оценка разными группами бедных и небедным населением ситуации у себя на работе, 2013 г., % от их работающих представителей<sup>8</sup>**

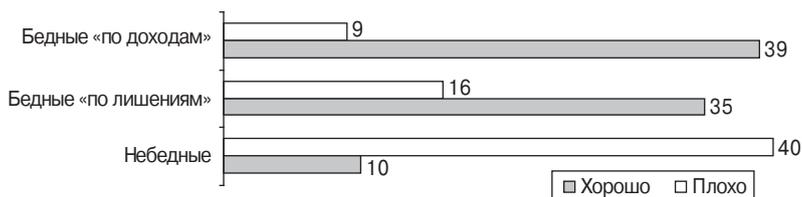
Несмотря на тот факт, что большинство бедных (как, впрочем, и небедных) россиян склоняется при оценке своей работы к позиции «удовлетворительно», остальные оценки, даваемые ими ситуации, складывающейся у них на рабочих местах, полярны и отличаются у бедных заметно большим пессимизмом. Это проявляется как в существенно меньшей (на фоне небедных) доле их представителей, оценивающих ситуацию у себя на работе как «хорошую», так и в значительно большей доле среди них тех, кто говорит о ней как о «плохой». Анализ же данных в динамике позволяет утверждать, что

<sup>8</sup> В вопросе допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

минувшее десятилетие лишь ухудшило общую картину происходящего. Так, в 2003 г. доля работающих бедных «по доходам», полагающих, что дела на работе у них обстоят хорошо, составляла 29% (против 10% в 2013 г.), а численность тех из них, кто расценивал ситуацию как плохую, находилась на уровне 15% (против 28% в 2013 г.).

Ситуация на работе тесно связана с возможностями профессиональной самореализации работающих россиян. Тенденции, наблюдаемые здесь, вполне соответствуют тем, что были описаны выше. В нынешний период, как и 10 лет назад, половина занятых в экономике расценивает указанные возможности как «удовлетворительные». Причем последнее десятилетие ознаменовалось увеличением доли работающих российских граждан, оценивающих эти возможности как «хорошие» (28 и 35%), и сокращением доли тех, кто считает их плохими (22 и 15% в 2003 и 2013 гг. соответственно).

При этом нет оснований констатировать определенное улучшение в данной области, поскольку сегодня «похвастаться» хорошими возможностями самореализации в профессиональной сфере может позволить себе лишь треть россиян. Заметим также, что указанная неоднозначность лишь усиливается при дифференцированном подходе, позволяющем сравнить оценки бедных и небедных работающих российских граждан (рис. 4.9).



**Рис. 4.9. Оценка разными группами бедных и небедным населением возможности реализовать себя в профессии, 2013 г., % от их работающих представителей<sup>9</sup>**

Выявленная за десятилетие динамика оценок работающими бедными возможностей самореализации в профессиональной сфере также не внушает оптимизма. Так, 10 лет назад доля расценивающих их как «хорошие» составляла в группе бедных «по доходам» 29% (против 9% в 2013 г.), тогда как тех, кто считал их «плохими», не превышала 21% (против 39% в 2013 г.).

<sup>9</sup> В вопросе допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в условиях современной России возможности бедных в социально-профессиональной сфере оказываются гораздо более скромными, чем у небедных. Добавим к этому, что, по данным исследования 2013 г., лишь 6% работающих бедных сумели за последние три года получить повышение на работе или найти новую (более подходящую им) работу (против 18% работающих небедных). И совсем мизерное (менее 1%) их число смогло открыть собственное дело (против 3% небедных).

Отсутствие сколько-нибудь значимых успехов на рынке труда, помноженное на очевидную ограниченность возможностей в сфере профессионально-трудовой деятельности так или иначе опосредует характер страхов и опасений, испытываемых бедными россиянами. Так, отвечая на вопрос о страхе перед будущим из-за ситуации, складывающейся у них на работе, 24% работающих бедных заявили, что испытывают его «часто», 52% выбрали вариант «иногда», а еще менее четверти — «практически никогда». Для сравнения: в группе небедного работающего населения аналогичные доли составили 9%, 45% и 46% соответственно. Сопоставление приведенных данных позволяет утверждать, что при не слишком существенных расхождениях в долях бедных и небедных работающих россиян, испытывающих указанный страх время от времени, доля первых, тревожимых им часто, превышает долю вторых без малого в 3 раза. Указанные соотношения нестабильны во времени. Однако как на сегодняшний день, так и 10 лет назад численность работающих бедных, испытывающих данный страх часто, оказывается больше аналогичной доли среди занятых небедных, а доля последних, не испытывающих его практически никогда, устойчиво превышает показатели, фиксируемые по бедным (табл. 4.5).

Таблица 4.5

**Динамика страхов, испытываемых разными группами бедных и небедным населением перед будущим из-за ситуации у них на работе, 2003 и 2013 гг., % от их работающих представителей**

Варианты ответов	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2003	2013
	2003	2013	2003	2013		
Часто	19	27	30	27	12	9
Иногда	48	54	42	51	45	45
Практически никогда	33	19	28	22	43	46

*Аналогичная картина наблюдается и в том случае, когда речь заходит об опасениях, связанных с утратой работы.* По данным 2013 г., подобного развития событий опасаются порядка 34% всех работающих россиян (в том числе 41% бедных и 31% небедных).

Имеют ли данные опасения реальные основания – вопрос дискуссионный. И, прежде всего, потому, что около 80% выделяемых по разным критериям работающих бедных заявляют, что за последний год не оказывались в ситуации отсутствия работы, длившейся более трех месяцев подряд. В то же время лишь 11% (против 20% в среднем по массиву) из их числа полностью исключают возможность утраты работы в ближайшем будущем, тогда как большинство считает это мало или даже весьма вероятным (48 и 40% соответственно).

Распространенный в современной России страх потери работы остается достаточно сильным и явно несоответствующим уровню фактической безработицы (о котором уже упоминалось при характеристике российского рынка труда в начале данной главы). Однако при всей иррациональности подобного страха он имеет под собой вполне объективные и веские основания, к числу которых, несомненно, относятся социальная незащищенность россиян и низкая эффективность системы государственной социальной защиты от безработицы.

Нетрудно предположить, что более всего утрата работы бьет по социально незащищенным и, в первую очередь, бедным слоям российского населения. Неудивительно, что почти пятая часть (18%) бедных «по доходам», считающих себя живущими в состоянии бедности или нищеты, обвиняет в своем положении длительную безработицу. Для сравнения: доля тех из них, кто винит в происходящем нерегулярную выплату зарплат на предприятиях, равно как и задержку пенсий, не превышает 8%.

Вместе с тем опасения остаться без работы тревожат россиян и по причинам иного характера. Во-первых, данные исследований разных лет демонстрируют, что для подавляющего большинства работающих, представляющих как бедные, так и небедные слои населения, главным источником дохода была и остается заработная плата, получаемая по основному месту работы, лишение которого чуть ли не автоматически оставляет их без средств существования.

Во-вторых, в условиях недостаточной развитости инфраструктуры отечественного рынка труда, явно не соответствующей требованиям современности, существенным фактором, способствующим эскалации подобных опасений, оказывается дефицит располагаемого россиянами социального капитала, который так или иначе мог бы

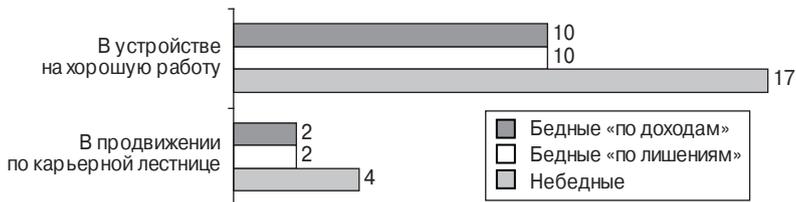
быть использован ими для решения проблем, возникающих на рынке труда. Вопреки заверениям официальной статистики, согласно которым наиболее популярным в России способом поиска работы было и остается обращение к помощи друзей, родственников и знакомых, доля респондентов, упомянувших возможность устроиться не просто на какую-нибудь, а на хорошую работу с помощью родных и знакомых, составила в 2013 г. всего 6%. При этом доля опрошенных, указавших, что они сами (или члены их семей) оказывают кому-либо помощь в трудоустройстве и поиске дополнительной работы, не превысила 5%. Примерно аналогичная ситуация обнаруживается и в том случае, если мы дифференцируем бедные и небедные категории россиян (табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Доля разных групп бедных и небедного населения, получающих помощь и оказывающих ее в деле трудоустройства и поиска дополнительной работы, 2013 г., % от их работающих представителей**

Включенность в оказание помощи	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
Кто-то помогает их семье	9	8	6
Члены их семьи помогают кому-либо	2	3	5

На недостаточность социального капитала, который мог бы быть использован россиянами и особенно российскими бедными для преодоления трудностей и решения проблем, возникающих в сфере занятости, указывает и характер распределения ответов респондентов, оценивающих принципиальную возможность получения реальной помощи по ряду вопросов, имеющих отношение к рынку труда (рис. 4.10).



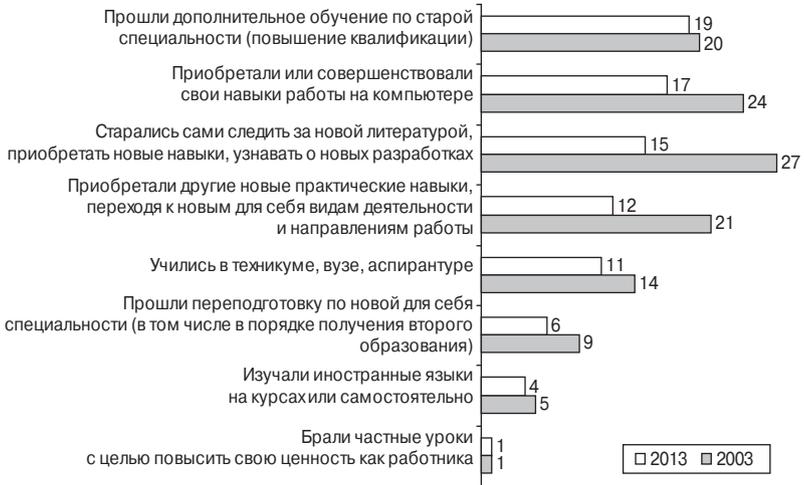
**Рис. 4.10. Возможности разных групп бедных и небедного населения в получении от ближайшего окружения реальной поддержки в вопросах улучшения ситуации со своей занятостью, 2013 г., % от их работающих представителей**

Исследования последних лет позволяют выявить и другие «нематериальные» составляющие, предопределяющие возможности россиян на рынке труда и способствующие занятию ими более или менее выгодных социально-профессиональных позиций. *Существенными факторами при этом выступают активность и инициативность работников в развитии и наращивании индивидуального человеческого капитала и, прежде всего, собственных профессиональных ресурсов.* Они же опосредуют характер восприятия российскими гражданами происходящего в сфере социально-трудовых отношений, становятся причинами эскалации или уменьшения ощущаемых ими опасений и тревог.

Анализ данных проведенного исследования позволяет утверждать, что далеко не все россияне вовлечены в процесс непрерывного образования в равной степени. Более того, активность наших сограждан в этой сфере может быть охарактеризована как не слишком высокая. Причем за минувшее десятилетие ситуация скорее ухудшилась, спровоцировав пусть и не очень значительное, но все-таки заметное снижение этой активности. Так, за последние три года более половины россиян не прибегали ни к одному способу пополнения собственных знаний (для сравнения: в 2003 г. доля таковых фиксировалась на уровне 47%). Еще меньшее число (16%) обращалось в этих целях к платным образовательным услугам для взрослых (в 2003 г. — 23%). Весьма незначительна (8 и 13% в 2013 и 2003 гг. соответственно) и доля россиян, использующих для получения образования и повышения квалификации свободное время. В рейтинге досуговых предпочтений российских граждан данная позиция занимает 15-е место, оставляя за собой лишь еще более скромные по числу приверженцев посещение музеев и выставок, участие в работе общественных организаций (собраний, ассоциаций), занятия в различных кружках и клубах по интересам, а также посещение политических организаций, собраний и митингов.

Как же выглядит рейтинг наиболее предпочитаемых россиянами способов наращивания знаний, навыков и умений? К каким практикам они прибегали и прибегают в этих целях сегодня (рис. 4.11)?

Из данных рис. 4.11 видно, что минувшее десятилетие ознаменовалось не только количественными (выразившимися в сокращении числа россиян, которые практикуют непрерывное образование), но и качественными изменениями, существенно трансформировавшими рейтинг наиболее популярных видов образовательной активности. Так, на 12% сократилась доля пополняющих профессиональные знания самостоятельно, на 7% — совершенствующих имеющиеся



**Рис. 4.11. Динамика использования россиянами различных способов получения собственных знаний, 2003 и 2013 гг., % от их работающих представителей** (данные отранжированы по частоте упоминаний в 2013 г.)

у них навыки работы на компьютере, примерно столько же «потеряла в весе» группа приобретающих те или иные новые для себя практические навыки, дающие возможность перейти к новым видам деятельности и направлениям работы. В целом можно констатировать либо отсутствие динамики по выделенным в качестве вариантов ответа показателям, либо наличие по ним отрицательной динамики. Как следствие, сегодня лидерами в данном вопросе оказываются способы пополнения знаний, несомненно, актуальные и значимые (а также, возможно, эффективные), но не требующие от практикующих их того объема самостоятельного участия и собственных усилий, которыми отличались способы-лидеры в 2003 г. (табл. 4.7).

Анализ данных табл. 4.7 позволяет сделать вывод об отчетливо выраженной пассивности работающих граждан России в пополнении имеющихся у них профессиональных знаний. Наиболее часто выбираемым ими вариантом ответа (49% в среднем по массиву) оказывается позиция «никак». При этом доля ответивших подобным образом резко (более чем в 1,5 раза) возрастает в группах работающих бедных и несколько (на 6%) снижается в группе занятых небедных. В целом небедные более активны при использовании всех без исключения способов пополнения профессиональных знаний и навыков. Замет-

Таблица 4.7

**Способы пополнения собственных знаний, используемые разными группами бедных и небедным населением, 2013 г., % от их работающих представителей**

Способы пополнения знаний	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
Учились в техникуме, вузе, аспирантуре	6	5	13
Прошли переподготовку по новой для себя специальности (в том числе в порядке получения второго образования)	4	3	7
Прошли дополнительное обучение по старой специальности (повышение квалификации)	9	6	23
Старались сами следить за новой литературой, приобретать новые навыки, узнавать о новых разработках	11	5	18
Приобретали или совершенствовали свои навыки работы на компьютере	11	7	20
Изучали иностранные языки на курсах или самостоятельно	2	1	5
Приобретали другие новые практические навыки, переходя к новым для себя видам деятельности и направлениям работы	7	4	15
Брали частные уроки с целью повысить свою ценность как работника	0,7	0,5	1
<b>Никак</b>	<b>67</b>	<b>77</b>	<b>43</b>

но шире распространены в этой группе и ориентации на самостоятельность, большую роль собственных усилий в профессиональном совершенствовании.

Возвращаясь к работающим бедным, следует отметить, что, в сравнении с небедными, они существенно (в разы) отстают по всем выделенным нами позициям. Так, для них менее типично обращение к практикам самостоятельного пополнения профессиональных знаний (8% против 18% среди работающих небедных). В данной группе в 1,8 раза реже, чем в группе работающих небедных, и в 1,5 раза — чем по работающему населению в целом, проходят переподготовку по новой специальности и получают второе образование; куда менее активно прибегают к приобретению новых практических навыков, переходят к новым видам деятельности и направлениям работы; примерно в 3 раза реже повышают уже имеющуюся квалификацию и т.п.

К отмеченному выше можно добавить и то, что, согласно данным 2013 г., российские бедные значительно отстают от небедных россиян по использованию платных образовательных услуг для взрослых, а доля тех из них, кто посвящает свой досуг дополнительным занятиям, нацеленным на получение образования и повышение квалификации, составляет 3% у бедных «по лишениям» и 11% у бедных «по доходам» при 20% у небедных.

Пожалуй, единственным способом пополнения знаний, по частоте использования которого бедные «по доходам» работающие россияне хотя бы отчасти приближаются к показателю по массиву работающих в целом, является приобретение или совершенствование навыков работы на компьютере. Однако владение ими вряд ли можно назвать «коньком» бедных слоев занятого в экономике населения России (табл. 4.8).

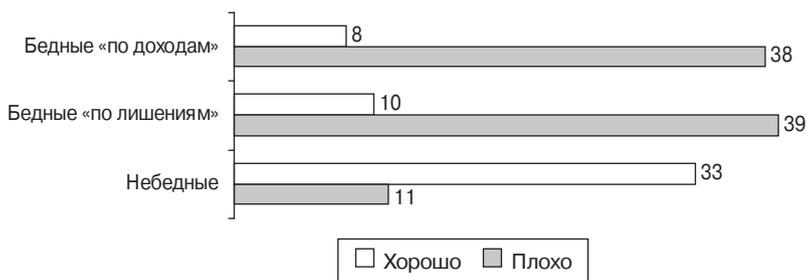
Таблица 4.8

**Распространенность владения определенными навыками среди  
разных групп бедных и небедного населения, 2013 г.,  
% от их работающих представителей**

Имеющиеся навыки	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
<b>1. Работы на компьютере</b>			
Да	48	44	77
Нет	46	52	20
Учусь	6	4	3
<b>2. Работы с применением иностранного языка</b>			
Да	7	5	15
Нет	92	94	80
Учусь	1	1	5
<b>3. Вожения автомобиля</b>			
Да	32	32	57
Нет	64	65	40
Учусь	4	3	3

Как видно из данных табл. 4.8, навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности, распространены сегодня главным образом в группе небедных россиян. Добавим, что, по их собственному признанию, лишь от 2 до 5% выделенных по различным критериям бедных сумели за последние три года повысить уровень образования и (или) квалификацию (для сравнения: в группе небед-

ных доля таковых составила 15%). Показательны и оценки, выставляемые российскими бедными тем возможностям, которые имеются у них при получении необходимого образования и знаний (рис. 4.12).



**Рис. 4.12. Оценка разными группами бедных и небедным населением возможности получения образования и знаний, которые им необходимы, 2013 г., % от их работающих представителей<sup>10</sup>**

Нетрудно заметить, что в группе бедных «по доходам» доля оценивающих их на «хорошо» составляет всего 8% и оказывается в 4 раза меньше доли таковых среди небедных россиян. При обращении к тем, кто оценивает их как «плохие», наблюдается прямо противоположная картина. Неудивительно, что опасения, связанные с невозможностью получить самим или дать детям желаемое образование, испытываются ими чаще (16%), чем небедными россиянами (13%). При этом картина у бедных «по лишениям» вновь очень близка к распределению ответов у бедных «по доходам», но качественно отличается от ситуации у небедных.

Таким образом, пессимистичные оценки, даваемые бедными россиянами ситуации, складывающейся в сфере их социально-профессиональной деятельности, характер типичных для них жизненных ценностей и установок в отношении работы, особенности испытываемых ими страхов и опасений и даже восприятие ими своих потенциальных возможностей на рынке труда опосредуются не только весьма скромными объемами их собственных профессиональных ресурсов или свойственной им меньшей активностью в развитии и наращивании последних. Огромное значение здесь имеют и те незначительные

<sup>10</sup> В вопросе допускался также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке.

шансы повысить ценность своего индивидуального человеческого капитала, которые дает этим группам населения современное российское общество.

Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время наиболее популярной (упоминаемой 37% россиян) стратегией *продуманных* действий в случае потенциального значительного ухудшения их жизни становится поиск дополнительных источников заработка, в десятки раз «обгоняющий» другие способы реагирования на происходящее. Данный подход к решению возникших жизненных трудностей оказывается востребованным и среди российских бедных (в среднем 30% в группах бедных, выделенных по обоим используемым нами подходам).

Нет сомнений, что обращение к практикам распространенной в пореформенной России вторичной занятости разумно и эффективно, да и более доступно для различных категорий населения, нежели, скажем, переезд в другой регион и тем более выезд из страны. Как уже отмечалось в главе 3, «разовые приработки, заработки от случая к случаю» уверенно входят в пятерку наиболее распространенных источников доходов наших соотечественников и живущих с ними членов их семей, уступая лишь зарплате по основному месту работы, пенсиям, а также доходам от подсобного хозяйства. Однако возникает вопрос: смогут ли обделенные качественным человеческим капиталом российские бедные «продать» себя на рынке труда? И если смогут, то сумеют ли сделать это выгодно? Думается, однозначного ответа на эти вопросы нет, хотя приведенные выше данные свидетельствуют скорее в пользу отрицательных ответов на них.



## СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*Ю.П. Лежнина*

Активный интерес как представителей органов власти, так и общества и научного сообщества вызывают сегодня возможности сокращения бедности мерами социальной политики, а следовательно, и ее особенности, включая масштабы и профиль<sup>1</sup>. Не последнее место в спектре актуальных проблем при изучении бедности занимает и анализ причин этого состояния.

Причины современной российской бедности достаточно разнообразны. Наряду с так называемыми «классовыми характеристиками», определяющими место человека в социальной структуре через его позиции на рынке труда (социально-профессиональный статус, уровень образования и т.д.), которые рассматривались в предыдущей главе данной книги, на риск попадания в бедность влияют и внеклассовые, в первую очередь, социально-демографические его особенности<sup>2</sup>. Последние, с одной стороны, отражаются на характере и масштабе расходов семьи (например, иждивенческая нагрузка или плохое здоровье кого-то из ее членов резко ухудшают ее положение и сокращают возможности в сфере потребления). С другой — они влияют на доступность эффективной занятости, положение на рынке труда (так, предпенсионный возраст, проживание в малых городах и селах или

---

<sup>1</sup> *Овчарова Л.Н.* Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009; *Бобков В.* Российская бедность: измерение и пути преодоления // Общество и экономика. 2005. № 3; Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004; Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? М.: Институт социологии РАН, 2008; *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; *Карабчук Т.С., Соболева Н.Э., Пашинова Т.Р.* Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1 и др.

<sup>2</sup> Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся?

наличие в семье требующего ухода инвалида или маленького ребенка заметно снижают шансы занятия привлекательных социально-профессиональных позиций). В ряде случаев эти эффекты накладываются друг на друга, формируя своего рода синергетическую реакцию. Вот почему при анализе риска бедности исследователи традиционно уделяют внимание таким социально-демографическим факторам, как гендер<sup>3</sup>, возраст как таковой и пенсионный возраст в особенности<sup>4</sup>, здоровье<sup>5</sup>, состав домохозяйства, включая наличие и характер иждивенческой нагрузки<sup>6</sup>, тип населенного пункта<sup>7</sup>, проживание в городе или селе<sup>8</sup>, регион проживания<sup>9</sup>.

Так какие же они, современные российские бедные, с точки зрения их социально-демографических особенностей? И какие социально-демографические характеристики генерируют сегодня в России риски бедности?

Рассмотрим сначала **гендерный состав** российских бедных. При анализе российской бедности «по доходам» становится заметным ее «женское лицо»: практически две трети как этой группы бедных, так и хронических бедных, т.е. тех, кто, по их собственным оценкам, более трех лет находится в состоянии бедности, — это женщины (при 52% по населению в целом). Причем *увеличение риска бедности «по доходам» для женщин по сравнению с мужчинами произошло именно в последние годы*. Так, в 2003 г. вероятность попадания в бедность «по доходу» для мужчин и женщин была одинаковой (46–47%), к 2008 г. наметилась тенденция смещения бедности в сторону женщин, а сегодня эта диспропорция носит уже гораздо более явный характер, и среди женщин бедность «по доходам» встречается в полтора раза чаще, чем среди мужчин.

---

<sup>3</sup> Ярошенко С. Новая бедность в России после социализма // *Laboratorium*. 2010. № 2.

<sup>4</sup> Карабчук Т.С., Соболева Н.Э., Пашинова Т.Р. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ; Овчарова Л.Н. Бедность и экономический рост в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. № 4.

<sup>5</sup> Бобков В. Российская бедность: измерение и пути преодоления.

<sup>6</sup> Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Моск. центр Карнеги, 1998; Овчарова Л., Прокофьева Л. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // *Мониторинг общественного мнения*. 2000. № 4 (48).

<sup>7</sup> Карабчук Т.С., Соболева Н.Э., Пашинова Т.Р. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ; Овчарова Л.Н. Бедность и экономический рост в России.

<sup>8</sup> Родионова Г.А. Сельская бедность в России // *Мир России*. 2000. № 3.

<sup>9</sup> Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1.

Если же рассмотреть гендерный состав бедных «по лишениям», то соотношение мужчин и женщин в их составе приближается к общероссийскому гендерному распределению: 45 и 55% соответственно. При этом риски бедности «по лишениям» как для мужчин, так и для женщин оказываются практически одинаковыми. Более того, бедных «по лишениям» в последние 10 лет характеризует обратная по сравнению с ситуацией у бедных «по доходам» динамика – выравнивание вероятности попадания в бедность у мужчин и женщин: если в 2003 г. в число бедных «по лишениям» попали 36% мужчин и 42% женщин, то в 2008 г. эти показатели, сблизившись, составили 32 и 34% соответственно, а в 2013 г. они сравнялись на уровне 25%.

*Это означает, что, хотя с точки зрения их среднедушевых доходов женщины в современной России находятся в относительно худшем положении, чем мужчины, однако они успешнее адаптируются к неблагоприятным экономическим условиям, лучше находят возможности избегания реальных лишений, которые объективно снижают уровень жизни, и характеризуются более рациональной структурой трат.* Им удается лучше справляться с возникающими сложностями, даже несмотря на то что в силу сложившихся в России традиций именно женщины обычно принимают на себя уход за стариками и больными членами домохозяйства, воспитание детей, в том числе и после развода<sup>10</sup>.

При этом надо подчеркнуть, что особенности домохозяйств, которые определяются **брачным статусом**, наличием и количеством детей и иных иждивенцев и т.д., выступают в современной России крайне важными факторами бедности. Среди бедных более половины (59%) состоят в браке, еще 5% – в так называемом «гражданском браке», т.е. их брак не зарегистрирован официально (так называемое «сожитительство»). Для небедного населения эти показатели равны 62 и 3% соответственно при заметно меньшей доле никогда не состоявших в браке среди бедных по сравнению с небедными (14 и 22% соответственно), доля вдов среди них в 1,5 раза (9 и 6%), а разведенных – практически в 2 раза (12 и 7%) выше. Однако, несмотря на то что наиболее уязвимыми являются женщины, которые, по сравнению с мужчинами, реже вступают в повторные браки, они, как уже отмечалось выше, лучше адаптируются к рискам бедности. Поэтому среди разведенных женщин бедны 37%, в то время как среди мужчин этот

---

<sup>10</sup> Солодухина Д.П., Черных Л.Л. Роль родственников в уходе за хроническими больными // Социологические исследования. 2010. № 7; Прокофьева Л.М., Валетас М.Ф. Отцы и их дети после развода // Социологические исследования. 2006. № 2.

показатель равен 47%. Таким образом, для мужчин *распад официального брака приводит к более неблагоприятным последствиям, чем для женщин (хотя среди разведенных женщин доля бедных также заметно выше, чем в среднем по стране), и оказывается значимым фактором бедности*. Отчасти это связано, видимо, с тем, что развод влечет за собой изменение привычного образа жизни, системы доходов и расходов, доступности тех или иных материальных и нематериальных ресурсов и т.д., однако для какой-то части разведенных мужчин причиной развода могло стать злоупотребление алкоголем, что также впоследствии увеличивает для них риски бедности. С учетом роли развода в повышении рисков бедности и перехода ее в хроническое состояние вызывает тревогу тот факт, что только 46% состоящих в браке бедных говорят сегодня о своих отношениях в семье как о хороших. И хотя в большинстве случаев (47%) они оценивают их как удовлетворительные, все же 7% этой группы считают отношения в своей семье плохими (для хронических бедных эти показатели составляют 34, 56 и 10% соответственно). При этом у состоящего в браке небедного населения семейные отношения оцениваются значительно лучше: существенно выше доля оценок «хорошо» (69%), ниже – «удовлетворительно» (30%), а оценок «плохо» (1%) в 7 раз меньше. В целом это ожидаемо: ведь, как показывают наши предыдущие исследования<sup>11</sup>, в семьях россиян с низким уровнем жизни материальные проблемы являются одной из ключевых причин конфликтов, отражающихся на семейных отношениях.

Отдельно надо отметить и такой фактор бедности, как **иждивенческая нагрузка**. И хотя высокая иждивенческая нагрузка воспринимается населением как фактор бедности далеко не в первую очередь (в 2013 г. она была 10-й из 15 причин бедности, которые называли россияне, имевшие бедных в своем окружении, а в 2003 г. – только 13-й), реально роль ее достаточно велика, особенно для бедных «по доходу». Кроме того, сами бедные, отмечая причины бедности в своем окружении, чаще остального населения упоминали ее как 10 лет назад, так и сейчас (27 и 19% соответственно). Правда, рассуждая о своей собственной бедности, в качестве ее причины большое количество иждивенцев называют только 7% бедных и 16% хронических бедных, хотя **размеры доходов** в разных группах бедных различаются довольно заметно (рис. 5.1).

---

<sup>11</sup> Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.

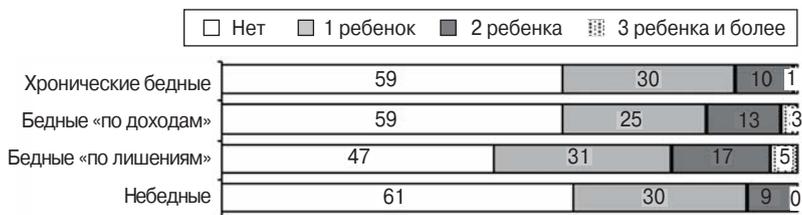


**Рис. 5.1. Размер домохозяйств в разных группах бедных и среди небедного населения, 2013 г., %**

Как видно на рис. 5.1, бедные «по доходу» гораздо чаще проживают в более крупных домохозяйствах, чем остальное население: если среди них 42% имеют семьи, состоящие не менее чем из четырех человек, то для остального населения этот показатель составляет менее трети. Домохозяйства хронических бедных, наоборот, отличаются небольшим количеством членов семьи, практически половина из них состоит из одного-двух человек. И в этом отношении они очень похожи на бедных, выделенных по депривационному подходу, которые также имеют относительно небольшие семьи. Средний размер домохозяйств хронических бедных равен 2,95, бедных «по доходам» — 3,25, «по лишениям» — 2,92, а небедных россиян — 3,05 человека.

Разница в размере домохозяйств бедных и небедных в основном объясняется наличием и количеством в их составе несовершеннолетних детей (рис. 5.2.). **Количество детей** в семьях бедных «по доходу» максимально и в среднем равно 0,82, в то время как у бедных «по лишениям» оно составляет 0,62, у хронических бедных — 0,72, а у небедного населения — 0,49. Доля несовершеннолетних детей в составе домохозяйств в среднем по стране составляет 0,136. При этом для бедных россиян она равна 0,148 и особенно высока у бедных «по доходам» — 0,193.

Ожидаемо, что чем больше в домохозяйстве несовершеннолетних детей, которые создают иждивенческую нагрузку, тем выше вероятность его попадания в бедность: среди россиян, не имеющих детей или имеющих одного несовершеннолетнего ребенка в составе своих домохозяйств, только 31 и 29% соответственно вошли в 2013 г. в число бедных, а для семей с двумя детьми и более этот показатель составлял уже 43%. Для бедности «по доходам» эти показатели были 10, 14 и 25% соответственно. В 2003 г. наличие несовершеннолетних детей в принципе мало сказывалось на риске попадания населения в число бедных



**Рис. 5.2. Количество несовершеннолетних детей в домохозяйствах разных групп бедных и среди небедного населения, 2013 г., %**

«по доходам» (в их состав входили 45% домохозяйств с детьми и 47% — без детей). В 2008 г. их наличие уже заметно повышало риск бедности (40 и 34% соответственно), и в последующие годы, как было показано выше, развитие этой тенденции продолжилось.

*Таким образом, при общем улучшении ситуации с абсолютной бедностью за последние 10 лет вопросам детской бедности и поддержке семей с несовершеннолетними детьми уделялось в этот период явно недостаточное внимание. В итоге наличие детей превратилось в важный фактор бедности «по доходам».*

Если же рассматривать ситуацию с детьми как фактор риска бедности применительно к бедным «по лишениям», то, как и с гендером, роль этого фактора резко ослабевает. Домохозяйства с разным количеством детей примерно в равной степени рискуют попасть в их число: если семьи без детей являются бедными в 26% случаев, то для имеющих детей данный показатель варьируется от 21 до 29% в зависимости от числа детей. *Это свидетельствует о том, что нагрузка детьми компенсируется в ряде случаев за счет иных характеристик домохозяйств. И хотя денег в их семьях меньше, чем предполагается прожиточным минимумом, но рациональность их расходования и отсутствие или минимальность некоторых видов трат позволяют им избежать множественной депривации.* Если учесть жизненный цикл семьи, в которой обычно проживают несовершеннолетние дети, а также российские традиции, то можно предположить, что такими «буферами» выступают накопленные семьей имущественные и финансовые ресурсы, меньшая вероятность наличия в семье других членов семьи, требующих сверхнормативных расходов (инвалиды и т.п.), помощь родственников и т.д.

Возможность использования дополнительных ресурсов тем более важна, что домохозяйства бедных имеют относительно более высокую, чем у небедных, нагрузку не только несовершеннолетними деть-

ми, но и иждивенческую нагрузку<sup>12</sup> в принципе. Соотношение работающих и неработающих членов семьи для бедных, в том числе и для хронических бедных, равно 1:1, в то время как для небедных россиян оно составляет 2:1. Абсолютно критичным при этом является уровень иждивенческой нагрузки, когда на троих иждивенцев приходится один работающий. Именно тогда вероятность попасть в число бедных начинает превышать вероятность избежать бедности и увеличивается по отношению к среднему ее показателю в 1,7 раза. Причем для бедных «по доходам» такой скачок составляет 2,5 раза, более чем в 2 раза увеличивается в этом случае вероятность попадания в состав хронических бедных и в 1,5 раза – в состав бедных «по лишениям».

Важно, впрочем, не только наличие или отсутствие иждивенцев, но и то, кто они. Так, около половины (56%) небедных россиян говорят об отсутствии в составе их домохозяйств неработающих взрослых, в том числе студентов и пенсионеров, инвалидов 1–2-й групп или хронически бо-

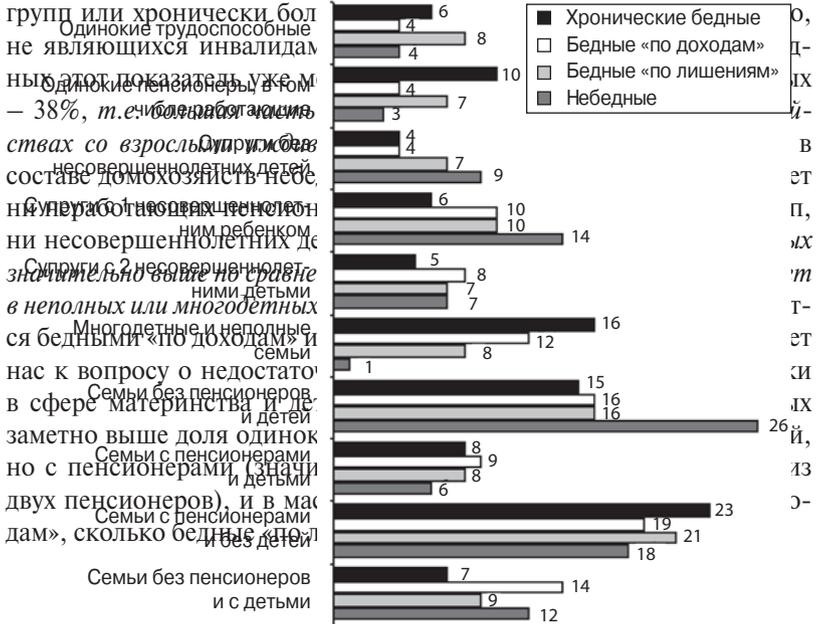


Рис. 5.3. Типы домохозяйств различных групп бедных и среди

<sup>12</sup> Показатель иждивенческой нагрузки рассчитывался как отношение количества работающих членов домохозяйства к общему количеству его членов. Высокая нагрузка объединяет диапазон значений от 0 до 0,33, скорее высокая – от 0,34 до 0,5, скорее низкая – от 0,5 до 0,75, низкая – от 0,76 до 1.

### небедного населения, 2013 г., %

В целом же, как видно на рис. 5.3, типы домохозяйств бедных достаточно разнообразны. Около трети (30%) их не имеют ни пожилых людей, ни несовершеннолетних детей в своем составе, около трети (37%) имеют одного-двух несовершеннолетних детей. Очень важно при этом, что в домохозяйствах бедных «по доходам» чаще, чем в домохозяйствах остального населения, есть безработные (их доля в 4 раза выше, чем у небедных) и инвалиды 1-й и 2-й групп (в 2,4 раза). При этом влияние наличия безработных на вероятность попадания в бедность «по доходам» носит прямой характер, так как они не имеют или имеют очень низкие доходы (пособие по безработице). Наличие же инвалидов 1-й и 2-й групп как фактор бедности носит опосредованный характер: иждивенцы такого типа зачастую оказывают влияние на возможности в сфере занятости и заработка для остальных членов домохозяйства, а также на расходы домохозяйства. Именно этот тип иждивенческой нагрузки характерен и для хронической бедности. Недаром среди домохозяйств с инвалидами 32% имеют очень высокую и еще 45% высокую иждивенческую нагрузку. Зато нагрузка студентами в большей степени характерна, напротив, для небедного населения (табл. 5.1).

Таблица 5.1

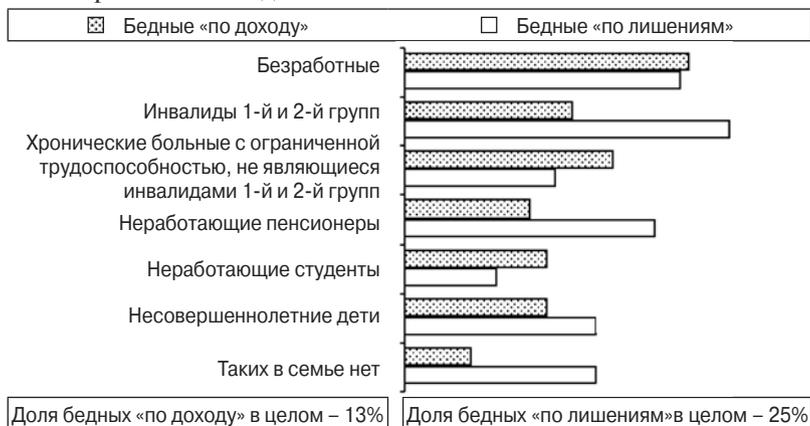
#### Типы иждивенческой нагрузки в домохозяйствах разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., %

Типы иждивенцев	Бедные			Небедные
	по лишениям	по доходам	хронические бедные	
Безработные или испытывающие трудности с постоянной работой	17	24	23	6
Инвалиды 1-й и 2-й групп инвалидности	12	12	21	5
Хронически больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами 1-й и 2-й групп	3	5	5	2
Неработающие пенсионеры	27	24	26	24
Неработающие студенты	6	11	7	14
Таких членов семьи нет	47	40	38	56

Примечание. В одном домохозяйстве могли совмещаться разные типы иждивенческой нагрузки, поэтому сумма по столбцам в таблице составляет более 100%.

Итак, наличие безработных и инвалидов в составе домохозяйств значительно повышает для россиян вероятность попадания в число бедных, особенно хронических бедных. При этом риск бедности «по лишениям» вдвое выше, чем риск бедности «по доходам» для тех семей, в составе которых есть неработающие пенсионеры и инвалиды (рис. 5.4). Это свидетельствует о том, что для уровня жизни данных групп населения относительно важнее оказываются различные виды дополнительных расходов на медицинское обслуживание и лекарства, не учитываемые в России при расчете прожиточного минимума и пенсии по инвалидности, но существенно влияющие на реальный уровень жизни.

Напомним также, что среди хронических бедных относительно высока доля тех, в чьих домохозяйствах есть инвалиды, хронически больные без инвалидности и неработающие пенсионеры (табл. 5.1). Можно ли все это назвать свидетельством того, что плохое состояние здоровья и пенсионный возраст, зачастую связанные друг с другом, являются сегодня в России важнейшими факторами бедности, особенно хронической бедности?



**Рис. 5.4. Вероятность<sup>13</sup> попадания в число бедных при наличии разной иждивенческой нагрузки в домохозяйстве, 2013 г., %**

<sup>13</sup> В качестве индикатора этой вероятности используется доля тех, кто входит в число бедных по тому или иному подходу.

Отвечая на этот вопрос, прежде всего, отметим, что доля пенсионеров в составе бедных «по доходам» за последние годы изменялась: так, в 2008 г. она достигала 43%, но после ряда индексаций пенсий составила в 2013 г. уже лишь 25%. Тем не менее, этот показатель все же в полтора раза больше, чем доля пенсионеров в массиве данных 2013 г. в целом. Сократился с 50–55% в 2003–2008 гг. до 15% в 2013 г. и риск для пенсионеров попасть в число бедных «по доходам», хотя и он продолжает оставаться все же выше, чем в среднем для россиян (13%). Таким образом, статус пенсионера, который еще 5 лет назад с очень высокой вероятностью предопределял попадание в бедность и неслабую угрозу уровню жизни всего домохозяйства, где были пенсионеры<sup>14</sup>, сегодня, после проведения активной политики по индексированию пенсий, не является настолько критичным для бедности «по доходам». Однако это не значит, что ситуация с пенсионерами стала благополучной даже в отношении бедных «по доходам».

Еще сильнее статус пенсионера влияет на риск оказаться в ситуации многомерной депривации: среди пенсионеров 36% входят в состав бедных «по лишениям», и это заметно больше, чем среди россиян в целом (25%). Более того, половина хронических бедных являются пенсионерами, и 14% пенсионеров говорят, что находятся в состоянии бедности не менее трех лет. Это означает, что неработающие пенсионеры (и домохозяйства, имеющие их в своем составе) даже после всех индексаций пенсий характеризуются повышенными рисками бедности и помощь им сокращать нельзя.

Хотя возрастная структура бедности претерпела за последние 10 лет не очень выраженные изменения (табл. 5.2), в целом можно отметить, что российская бедность «по доходам» молодеет и в ее составе увеличивается доля трудоспособного населения до 40 лет. Средний **возраст** бедных в 2013 г. составил 45,15 лет, хронических бедных – 53,1 года, а для небедного населения этот показатель был равен 41,24 года.

<sup>14</sup> Подробнее см.: Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой.

Таблица 5.2

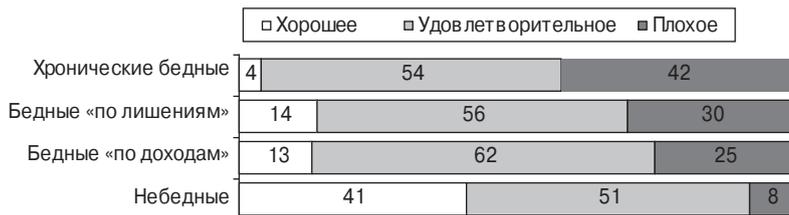
**Динамика возрастной структуры разных групп бедных и небедного населения, 2003 и 2013 гг., %**

Возраст, лет	Бедные					Небедные	
	по доходам		по лишениям		хронические	2003	2013
	2003	2013	2003	2013			
18–30	25	27	31	23	16	30	30
31–40	22	24	24	21	21	25	23
41–50	23	21	22	19	23	23	19
51–60	16	14	12	16	17	13	16
Старше 60	15	14	11	21	23	9	12

Кроме того, при частичном улучшении в последние годы положения пенсионеров пока не произошло компенсирования мерами социальной политики рисков, связанных с состоянием **здоровья**. Не случайно потеря здоровья, в том числе и близкими, является самым распространенным опасением как бедных (51%), так и небедных (57%) россиян, обгоняя такие фобии, как страх остаться без средств к существованию и без работы: ведь именно болезнь и инвалидность называются ими в качестве основной причины бедности (об этом говорят 40% тех, кто имеет бедных в своем окружении). Правда, стоит отметить, что среди самих бедных болезни и инвалидность, хотя и входят в число самых распространенных причин бедности, но следуют за недостаточностью пособий по социальному обеспечению и длительной безработицей. Тем не менее, плохое состояние здоровья имеет серьезные негативные последствия для уровня жизни.

Особенно сильно тенденция влияния плохого здоровья на рост риска бедности проявилась именно в последние годы, после улучшения общей ситуации с бедностью. В 2003 г. риск бедности был практически одинаковым для населения с разным здоровьем: 45–49% представителей всех групп, выделенных по состоянию здоровья, являлись бедными. В 2008 г. этот фактор уже давал значимый эффект для дифференциации рисков: бедных «по доходам» среди россиян с хорошим здоровьем стало 24%, с удовлетворительным – 35%, а с плохим – 55%. В 2013 г. среди россиян с хорошим состоянием здоровья только 7% попали в число бедных «по доходу», в то время как среди тех, у кого оно было удовлетворительное или плохое, их было уже в разы больше – 15 и 20% соответственно. Для бедности «по лишениям» плохое

состояние здоровья увеличивало риски бедности еще сильнее: среди имеющих хорошее здоровье бедными являлись 13%, удовлетворительное – 27%, а плохое – уже 50% (рис. 5.5).



**Рис. 5.5. Самооценка состояния здоровья в разных группах бедных и у небедного населения, 2013 г., %**

Плохим является состояние здоровья и хронических бедных: среди них только 4% оценивают его как хорошее и практически половина (42%) – как плохое. Для бедных в целом эти показатели равны 19 и 22% соответственно, а для небедных россиян – 41 и 8% соответственно. Таким образом, *в условиях общего улучшения ситуации с доходами населения эффект от влияния состояния здоровья на уровень жизни стал проявляться значительно ярче. При этом на бедности «по лишениям» состояние здоровья отражается больше, чем на бедности «по доходам», так как в этой группе здоровье сильнее влияет не только на доступ к эффективной занятости, но и на размер и характер расходов.*

Общий спектр социально-демографических факторов бедности дополняет **тип населенного пункта**, в котором проживает индивид. Среди тех, в чьем окружении есть бедные, 17% называют в числе причин бедности своих знакомых проживание в бедном регионе (районе, городе, местности), и для 18% бедных это одна из причин их собственного сегодняшнего неблагополучия. Треть бедных в целом проживает в селах и еще 9% – ПГТ. Таким образом, чуть меньше половины из них – жители малых населенных пунктов, в то время как среди небедного населения их менее трети: 24% проживают в селах и еще 6% – в ПГТ. Особенно велики для сельских жителей риски оказаться в числе бедных «по доходам»: практически половина (46%) бедных «по доходам» проживают сегодня в сельской местности, включая ПГТ, в том числе 36% – в селах. Для небедных эти показатели равны 29 и 23% соответственно. Однако это не значит, что бедные сосредоточены сегодня в селах, так как более половины (54%) бедных «по

доходам» — это все-таки жители городов. Хронические же бедные, как и бедные «по лишениям», чаще, чем бедные «по доходам», проживают в городах, особенно в мегаполисах, и реже — в сельской местности (рис. 5.6).



**Рис. 5.6. Место проживания разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., %**

Тем не менее, тезис о «сельском лице» российской бедности не случаен — вероятность попасть в число бедных «по доходам» максимальна именно для жителей сел (24% из них имеют среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума, в то время как для проживающих в ПГТ и районных центрах этот показатель равен 14 и 12% соответственно, для жителей областных центров и мегаполисов — 5 и 4% соответственно). При этом относительно высокие риски попадания в бедность «по лишениям» испытывают жители не только сел, но и ПГТ и районных центров: в них доля бедных по депривации составляет 29–31%, в то время как в более крупных населенных пунктах — 15–20%.

Также важно понимать, что сближает городскую и сельскую бедность «по доходам». Остановимся сначала на их общих чертах. Так, доля женщин в среде городских и сельских<sup>15</sup> бедных примерно одинакова — 60 и 55% соответственно. Что касается возраста, то сельские бедные несколько моложе городских, хотя в целом и в этом вопросе между ними нет существенных различий, и средний возраст бедных в селах равен 42,11 года (41 год по медиане), в то время как у городских бедных — 45,46 года (44 года по медиане). В целом же среди городских бедных 33% старше 50 лет, а среди сельских — 30%.

В то же время, если дифференциации доли бедных «по доходам» между городами и сельской местностью в старших возрастах практически нет, то среди бедных «по лишениям» она уже ощутима. Среди

<sup>15</sup> Включая проживающих в ПГТ.

городских бедных «по лишениям» доля населения старше 60 лет составляет 24%, а среди сельских она в 1,5 раза ниже (табл. 5.3). Однако старение в сельской местности проходит не менее болезненно, чем в городах: в возрасте 60 лет и старше доля бедных в 1,3 раза превышает долю бедных в тех же типах поселений в целом и в городах разного размера (38 и 48% соответственно), и в селах и ПГТ (50 и 63% соответственно).

Таблица 5.3

**Возрастная структура разных групп бедных и небедного населения в городской и сельской местности, 2013 г., %**

Возраст, лет	Бедные						Небедные	
	по доходам		по лишениям		хронические		город	село
	город	село	город	село	город	село		
18–30	24	29	21	27	15	18	30	27
31–40	28	20	21	20	22	18	22	27
41–50	19	23	18	20	23	24	18	21
51–60	14	15	16	16	15	22	15	17
Старше 60	15	13	24	16	26	18	15	8

При этом доля бедных «по доходу» среди россиян в возрасте 60 лет и старше составляет 18% в городах и 41% в сельской местности. В первом случае это ниже, а во втором – выше средних показателей по типам населенных пунктов (21 и 34% соответственно). Это кажется парадоксальным с учетом разницы стоимости жизни в них и того, что пенсии сегодня в целом существенно превышают прожиточный минимум пенсионеров, а соответственно, призваны поддерживать их положение вне состояния бедности «по доходам». Объяснением этого парадокса выступает тот факт, что *российские пенсионеры в ряде случаев выступают «донорами» своих домохозяйств. В сельской местности эта ситуация наблюдается чаще, чем в городах, в силу неразвитости сельских рынков труда, а соответственно, низкой доступности эффективной занятости для более молодых членов домохозяйств. Проще говоря, в городах другие члены семьи зарабатывают достаточно для того, чтобы среднедушевые доходы в домохозяйстве превышали прожиточный минимум. В селах же порой вся семья живет на пенсию, получаемую одним из членов домохозяйства.*

Рассматривая различия в «портретах» и причинах городской и сельской бедности, надо отметить также, что сельские бедные лучше оценивают свое состояние здоровья: среди них 20% говорят о нем как о хорошем и 22% – как о плохом, в то время как для городских

бедных эти показатели равны 14 и 26% соответственно. При том, что риски бедности выше в сельской местности, плохое здоровье в городах сильнее увеличивает риски попадания в число бедных, чем в селах: в городах доля бедных среди имеющих удовлетворительное здоровье в 2,3 раза, а плохое – в 3,5 раза выше по сравнению с теми, у кого оно хорошее (32, 49 и 14% соответственно). Для сел эти показатели равны 1,5 и 2,6 разам (43, 72 и 28% соответственно). *Это означает, что состояние здоровья как фактор бедности в значительной степени связано с ситуацией на локальных рынках труда*<sup>16</sup>.

Подведем итоги. Социально-демографические характеристики россиян не просто выступают факторами бедности наряду со структурными их характеристиками – роль их очень велика. Однако они все же являются скорее дополнительными и корректирующими, нежели основными причинами бедности, которые кроются в особенностях места человека на рынке труда. Исключением становятся такие случаи, как очень высокая иждивенческая нагрузка и связанная с ней принадлежность семьи к числу неполных или многодетных.

Наиболее значимыми среди социально-демографических характеристик человека для риска попадания в бедность «по лишениям» оказываются сегодня в России те из них, которые отражаются на возможностях эффективной занятости как самих респондентов, так и членов их домохозяйств. Так, пенсионный возраст и плохое состояние здоровья, непосредственным образом влияющие на возможности занятости, существенно увеличивают вероятность бедности. Именно поэтому пенсионеры и инвалиды, а также их домохозяйства составляют значительную долю бедных этого типа, зачастую попадая и в зону хронической бедности. Оба этих фактора (пенсионный возраст и плохое здоровье) более значимы для попадания в бедность «по лишениям» по сравнению с бедностью «по доходам» также и потому, что в соответствующих группах населения рост риска бедности связан не только с худшим доступом к эффективным рабочим местам, что отражается на их доходах, но и со структурой и характером расходов, «выбрасывающих» их в бедность даже при доходах выше прожиточного минимума. Причем для пенсионеров ситуация в последние годы улучшилась, а для инвалидов и лиц с плохим здоровьем, в том числе и пенсионного возраста, – ухудшилась.

Немаловажной причиной бедности является и территориальный фактор. При этом его влияние, как и влияние пенсионного возраста

---

<sup>16</sup> См. также Родионова Г.А. Сельская бедность в России // Мир России. 2000. № 3.

или состояния здоровья, различно для бедности «по доходам» и «по лишениям». Проживание в сельской местности в связи с неразвитостью рынков труда в соответствующих населенных пунктах стимулирует скатывание в бедность «по доходам», и компенсация этого влияния возникает только для населения старших возрастов после назначения им пенсий. Однако с точки зрения бедности «по лишениям» такая динамика не является закономерной.

Далеко не последнюю роль в формировании рисков бедности играет и такой социально-демографический фактор, как иждивенческая нагрузка. И хотя критическими риски бедности становятся только при очень высоких значениях иждивенческой нагрузки (соотношение иждивенцев и работающих равно 3:1), как сам факт ее наличия, так и ее характер (т.е. кто именно выступает иждивенцем) способны существенно изменить положение домохозяйства. Особенно ярко при этом проявляется влияние на бедность «по доходам» наличия в домохозяйстве безработных, а на бедность «по лишениям» — инвалидов и неработающих пенсионеров. Причем в настоящее время, в отличие от ситуации прошлых периодов, критичной становится и нагрузка несовершеннолетними детьми: их наличие в семье заметно увеличивает для нее риск бедности, что свидетельствует о недостаточности реализуемых в отношении материнства и детства мер государственной политики. Особенно тяжелой является ситуация у многодетных и неполных семей. Именно этим объясняется и некоторый гендерный скос бедности «по доходам», хотя в целом гендерный фактор не слишком значим в российских условиях, и это одно из важных отличий российской бедности от бедности в подавляющем большинстве других стран.

## БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

*Ю.П. Лежнина, Н.Е. Тихонова*

В предыдущих главах данной монографии было показано, что российская бедность обусловлена как классовыми, так и неклассовыми, прежде всего – социально-демографическими, факторами. Компенсация последних в развитых странах традиционно реализуется за счет мер государственной социальной политики. В России же пока никак не нивелируется негативное влияние на благополучие населения ни высокой иждивенческой нагрузки, ни плохого состояния здоровья (за исключением инвалидности), ни других объективных факторов бедности. В этих условиях особенно актуален вопрос о том, насколько доступны населению «социальные лифты», обеспечивающие возможность выхода из бедности за счет индивидуальной активности.

Социальная мобильность, основу изучения которой заложил П. Сорокин<sup>1</sup>, – одна из основных характеристик общества. Однако механизмы реализации этой мобильности и факторы, определяющие ее, – исключительно сложный предмет научного анализа. Сложность соответствующих исследований заключается, прежде всего, в необходимости понимания типа анализируемого общества: ведь лифты социальной мобильности и их эффективность в значительной степени зависят от особенностей стратификационной системы. Так, для большинства современных обществ, прошедших процесс индустриализации, шансы вертикальной социальной мобильности связываются, в первую очередь, с человеческими и культурными ресурсами индивида, определяющими его ценность на рынке труда<sup>2</sup>. Именно

---

<sup>1</sup> *Сорокин П.А.* Социальная мобильность, ее формы и флуктуации // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. Доступно на [hse.ru/data/2010/08/30/1222295843/Sorokin.doc](http://hse.ru/data/2010/08/30/1222295843/Sorokin.doc).

<sup>2</sup> *Grusky D.B.* The Past, Present and Future of Social Inequality // Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective (2nd edition). Boulder, 2001; *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000 и др.

поэтому в число основных факторов социальной мобильности в них традиционно включаются уровень образования и происхождение (образование родителей, их благосостояние, место социализации и т.п.)<sup>3</sup>. Впрочем, для обществ такого типа не стоит умалять и значимость других особенностей индивидов, а главное — существующих в обществе институтов, что нашло отражение в подходах к изучению социальной мобильности в том числе и в России<sup>4</sup>.

Однако для обществ неэтакратического типа<sup>5</sup>, к которым относится и Россия, ситуация с факторами мобильности куда менее однозначна, чем, например, для развитых стран. В них даже при наличии рыночных механизмов отбора огромную роль для социальной мобильности продолжают играть и такие нехарактерные для современных меритократических обществ факторы, как социальный капитал, лояльность лицам более высокого социального статуса и т.п.<sup>6</sup> Так каковы же возможности социальной мобильности в современной России, в том числе и межпоколенной? И какие шансы существуют в нем для тех, кто оказался в бедности?

Начнем поиск ответов на эти вопросы с тех данных, которые показывают, как вообще бедные и небедные россияне видят свое нынешнее и прошлое место в обществе. При их анализе сразу обращает на себя внимание не только широко распространенное среди бедных<sup>7</sup> чувство приниженности своего социального статуса, но и тот факт, что за последние годы среди них резко возросла доля относящих себя к нижним трем (из 10 предлагавшихся респондентам для самопозиционирования) «ступеням социальной лестницы» и особенно к двум нижним ее «ступеням». Если по состоянию перед началом кризиса 2008–2009 гг. на этих «ступенях» находились, согласно их ретроспективной самооценке, соответственно 27 и 10% бедных россиян, то на весну 2013 г. подобным образом идентифицировали свое

---

<sup>3</sup> *Blau P.M., Duncan O.D.* The American Occupational Structure. New York, 1967; *Bourdieu P., Passeron J.-C.* Reproduction in Education, Society and Culture. London, 1977.

<sup>4</sup> См., например, *Черныш М.Ф.* Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики, 2005.

<sup>5</sup> *Шкаратан О.И.* Становление постсоветского неэтакратизма // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1.

<sup>6</sup> *Шкаратан О.И.* Ожидания и реальность. Социальная мобильность в контексте проблемы равенства шансов // *Общественные науки и современность*. 2011. № 1.

<sup>7</sup> Поскольку в отношении их социальной мобильности все группы бедных очень схожи между собой, мы далее будем рассматривать, как правило, бедных в целом. В тех случаях, когда между разными их группами наблюдались значимые расхождения, мы будем их отмечать и описывать.

место в обществе среди них 36 и 15% соответственно (табл. 6.1). В то же время для небедных эти показатели составляли 28 и 4% по состоянию на период перед кризисом и лишь 16 и 4% по состоянию на весну 2013 г. Таким образом, *поляризация бедных и небедных не просто объективно усиливается, о чем шла речь и в предыдущих главах: она все ярче осознается ими самими, и если небедные все больше характеризуются самопозиционированием в середине социальной лестницы, то бедные все чаще чувствуют себя представителями «социальных низов».*

Следовательно, у российских бедных формируется особый тип идентичностей – идентичность «социальных низов». Это проявляется не только в оценках ими своего нынешнего статуса, но и в ощущении его нисходящей динамики. Например, оценивая динамику своего статуса в обществе за последний год, бедное население говорило в массе своей о его падении, и за год самооценки своего статуса в обществе у них понизились на 0,1 балла. В то же время у небедных самооценка своего статуса увеличилась за год на 0,13 балла, что подтверждает идущую поляризацию идентичностей бедного и небедного населения.

Картина будет еще ярче, если мы обратимся к данным за последние 5–6 лет: у небедных соответствующая оценка выросла за это время на 0,15 балла, а у бедных – упала на 0,4 балла. Причем рост своего

Таблица 6.1

**Бедные и небедные о своем социальном статусе перед кризисом 2008–2009 гг., а также в 2012 и 2013 гг., самооценки, 2013 г., %**

«Ступени социальной лестницы» (10-балльная шкала)	Бедные			Небедные		
	до кризиса	в 2012 г.	в 2013 г.	до кризиса	в 2012 г.	в 2013 г.
10 (высшая ступень)	0	0	1	1	1	1
9	1	2	1	1	1	2
8	3	1	1	4	3	5
7	6	3	5	7	7	8
6	15	11	10	18	17	20
5	25	21	20	27	32	30
4	23	31	26	24	24	20
3	<b>17</b>	<b>20</b>	<b>21</b>	<b>14</b>	<b>13</b>	<b>12</b>
2	<b>8</b>	<b>8</b>	<b>11</b>	<b>4</b>	<b>2</b>	<b>3</b>
1 (низшая ступень)	<b>2</b>	<b>3</b>	<b>4</b>	<b>0</b>	<b>0</b>	<b>1</b>

Примечание. **Жирным курсивом** выделены показатели по позициям 1–3, которые у населения России ассоциируются с пребыванием внизу «социальной лестницы».

статуса за данный период ощутила треть небедных (падение – лишь 19%), в то время как в отношении бедных картина была прямо обратной (рис. 6.1). Эти данные свидетельствуют о *диаметрально противоположном характере статусной динамики в рассматриваемых двух группах россиян.*

	□ Улучшилось	□ Без изменений	■ Колебания при сохранении уровня	■ Ухудшилось
Небедные	33	33	9	19
Бедные	20	32	9	39
Бедные «по лишениям»	17	32	9	42
Бедные «по доходу»	17	33	9	41

**Рис. 6.1. Динамика самооценок своего статуса в обществе представителей разных групп бедных и у небедного населения за последние 5 лет, 2013 г., %**

*Печальный прошлый опыт проецируется бедными и на будущее, что окончательно закрепляет у них идентичности «социальных низов».* Причем это касается не только вопросов статуса, но и динамики их материального положения. Хотя около половины как бедных, так и небедных россиян (54 и 48% соответственно) думают, что их материальное положение в ближайший год не изменится (что, впрочем, учитывая разницу в их нынешнем положении, означает для них принципиально разное будущее), в остальном картина их мнений о своем будущем существенно различается. Если бедные в четверти случаев ожидают как улучшения, так и ухудшения ситуации (25 и 21% соответственно), то небедные россияне гораздо более оптимистичны: 41% из них ожидают улучшения и лишь 11% – ухудшения своего положения.

*На формировании идентичности представителей «социальных низов» для многих бедных сказывается не только их нынешнее тяжелое положение, но и особенности их межгенерационной мобильности, т.е. их собственный социальный статус в сравнении с местом в социальной структуре общества тех семей, в которых они выросли.* Лишь каждый десятый бедный поставил свою родительскую семью на две нижние позиции 10-ступенчатой «социальной лестницы», т.е. их нынешнее положение для них – шаг вниз по сравнению со статусом родительской семьи по крайней мере в их собственном

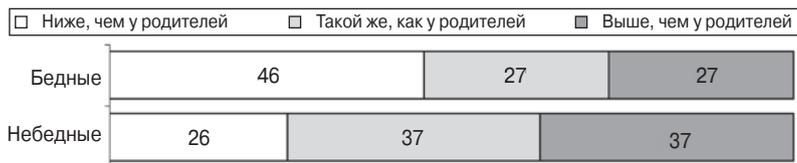
восприятии<sup>8</sup>. В то же время стоит отметить, что среди небедных таковых было в 2 раза меньше (11 и 6% соответственно), и еще 16% (при 14% у небедных) поставили свою родительскую семью на 3-ю позицию снизу. Таким образом, бедные несколько чаще являются выходцами из «социальных низов», чем небедные. Однако, несмотря на это, для них такое происхождение в целом не является пока типичным: большинство из них (73%) относят свою родительскую семью к средним или даже верхним слоям населения.

Учитывая как этот факт, так и их нынешнее положение, можно сделать вывод о том, что *бедные как особая социальная группа в современной России, в противовес небедным, характеризуются доминированием нисходящей социальной мобильности не только в отношении собственной статусной траектории в последние годы, но и в межгенерационном разрезе* (рис. 6.2). Этот факт не случаен, так как он отражает *рост в ходе реформ двух последних десятилетий в модели социальной структуры российского общества числа тех структурных позиций, которые относятся к низшим «ступеням социальной лестницы» с неизбежным «сползанием» на них ранее вполне благополучных людей*. То, что у кого-то из них при перемещении на эти низшие структурные позиции доход оказался меньше прожиточного минимума, а у кого-то в силу уже не раз упоминавшихся в данной книге причин он был выше «черты бедности», но все же недостаточен, чтобы избавить человека от многомерной депривации, не меняет ни объективно, ни

---

<sup>8</sup> Если же говорить не о самооценках респондентами статуса родительской семьи, а о реальных ее характеристиках, то картина будет уже не столь однозначной, хотя принципиально не изменится. С одной стороны, у большинства бедных образовательные характеристики родительской семьи очень похожи на ситуацию с данным показателем в небедных слоях российского общества, поэтому их действительно нельзя рассматривать как выходцев из «социальных низов». С другой – для части бедных характерен более низкий образовательный уровень родителей: лишь у 4% их оба родителя имели высшее образование (при 15% по небедным), и почти половина их (49%) выросли в семьях, где родители вообще не имели профессионального образования (среди небедных таковых 28%). Речь в любом случае идет о разнице образовательного уровня родителей по отношению к небедным не более чем в четверти группы бедных. Даже в группе хронических бедных можно говорить как об их характерной особенности, прежде всего, об очень низкой доле выходцев из семей, где оба родителя имели высшее образование (1%). Доля же выходцев из семей, где родители вообще не имели профессионального образования (54%), была у них близка к ситуации по бедным в целом (49%), хотя и отличалась от картины по небедным на 26%. Однако в любом случае, даже с учетом разницы по всем вариантам образовательного уровня родителей, различия в этом отношении характеризовали лишь около 40% группы хронических бедных по отношению к небедным.

в их собственном восприятии ситуации с динамикой их места в социальной структуре общества.



**Рис. 6.2. Оценка бедными и небедными своего статуса в обществе по сравнению со статусом семьи, в которой они выросли, 2013 г., %**

Особенно тяжелая ситуация наблюдается у хронических бедных. Ровно три четверти их ставят себя на три нижние ступеньки «социальной лестницы», а подавляющее большинство остальных относит себя к 4-й ступени снизу. Это показывает, что *в группе хронических бедных как «ядре» российской бедности в целом идет наиболее активное формирование идентичности представителей «социальных низов»*. Однако лишь чуть более трети хронических бедных характеризует аналогичным образом статус родительской семьи. Таким образом, *даже в этой, наиболее неблагоприятной группе бедных большинство — это люди, попавшие в бедность не в процессе ее межпоколенческого воспроизводства, а скатившиеся в нее в течение собственной жизни, т.е. «новые бедные»*.

Но в какой момент произошло это массовое «скатывание в бедность»? Является ли оно следствием событий 20-летней давности, когда начало рыночных реформ и структурной перестройки экономики буквально за несколько лет изменили статус десятков миллионов людей? Или же нынешние группы бедных, и особенно хронических бедных, сформировались сравнительно недавно — например, под влиянием экономического кризиса 2008–2009 гг. или каких-то событий, произошедших в их жизни буквально в последнее время?

Анализируя динамику положения бедных в последние годы, надо прежде всего отметить следующее: для 60% бедных их сегодняшнее положение в обществе по крайней мере не хуже, чем то, что было у них еще 5–6 лет назад, в том числе почти у каждого пятого бедного его нынешняя ситуация даже лучше, чем она была перед кризисом 2008–2009 гг. (рис. 6.1). Это значит, что *современные российские бедные в массе своей уже достаточно давно находятся в весьма плачевном состоянии* и, учитывая благополучные в целом тенденции социально-экономического развития страны в начале и середине 2000-х годов,

можно предположить, что их пребывание в составе «социальных низов» является следствием скорее реформ 1990-х гг., способствовавших сильному увеличению относящихся к этим «низам» структурных позиций, чем более поздних событий (по крайней мере, если говорить о роли структурных факторов бедности).

Если же рассматривать тех бедных, чье положение за последние 5 лет ухудшилось, то около четверти их (т.е. 12% всех бедных) характеризуется непрерывным скольжением вниз по «социальной лестнице»: их статус в обществе перед кризисом 2008 г. был выше, чем в 2012 г., а тогда — выше, чем в 2013 г. У остальных бедных, фиксирующих ухудшение своего положения в обществе за последние 5 лет, это ухудшение происходило в каком-то одном из двух этих периодов. В трех случаях из четырех, т.е. примерно у трети всех бедных, оно имело место в последний год (это с высокой долей вероятности означает, что они являются представителями временной, ситуационной бедности), а у остальных ухудшение их положения пришлось на период кризиса 2008—2009 гг. или первые посткризисные годы.

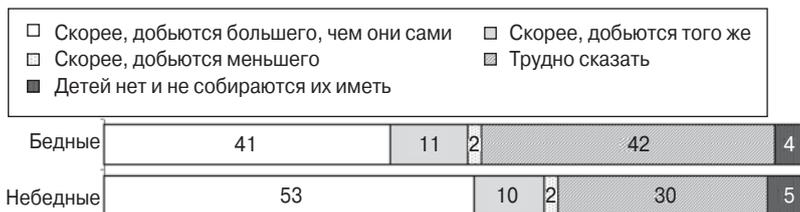
*Это еще одно свидетельство гетерогенности российской бедности в целом, неоднозначности ситуации с ней, необходимости дифференцированного подхода к бедным как особой группе российского общества, учитывающего наличие в ней бедных с разной глубиной и продолжительностью бедности, разным ее характером (устойчивое «скольжение вниз», «плавающая» или «мигающая» бедность, стабильная хроническая бедность, ситуационная временная бедность и т.д.) и разными идентичностями<sup>9</sup>.*

Говоря о динамике положения российских бедных и вероятности выхода из этого состояния, следует обратить внимание и на угрозы консервации российской бедности и ее межпоколенческого воспроизводства. Так, рассуждая о перспективах своих детей, бедные в основном теряются в догадках и чаще всего (43%) не могут оценить, будет ли положение их детей лучше или хуже их собственного. Небедные же россияне гораздо позитивнее смотрят на будущее своих детей

---

<sup>9</sup> Это важно, так как далеко не все представители даже глубокой и хронической бедности будут обращаться за адресной социальной помощью, поскольку это значило бы для них признание того, что они «не такие, как все» даже в собственных глазах. Данная тенденция, особенно в малых локальных сообществах (например, селах), уже фиксируется рядом исследователей (см., например, Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеология социальной политики и практика социального обслуживания в период либеральных реформ // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, Вариант, 2008).

и подобные сомнения испытывают лишь менее чем в трети случаев (30%). Более того, большинство небедных россиян (53%) ожидает, что их дети добьются большего, чем они сами, в то время как для бедных этот показатель намного меньше половины (рис. 6.3).



**Рис. 6.3. Ожидания бедных и небедных относительно достижений своих детей в будущем, 2013 г., %**

Таким образом, несмотря на то что при относительно благополучном положении родителей детям сложнее продемонстрировать восходящую межпоколенную мобильность, небедные россияне более оптимистичны в отношении будущего своих детей, и, судя по картине восходящей мобильности у бедных и небедных, оптимизм последних в целом оправдан. Это означает, что у детей из бедных домохозяйств не только ниже жизненные шансы в целом, т.е. вероятность достичь аналогичных успехов по сравнению с детьми небедных россиян, но и, судя по оценкам самих бедных, весьма умеренные шансы выбраться из состояния бедности. Следовательно, если относительно населения в целом социологами ставится вопрос о закрытии лифтов социальной мобильности, то относительно бедных можно говорить еще и о наличии барьеров на выход из состояния бедности.

Но что же обеспечивает восходящую социальную мобильность и помогает достичь благополучного положения в жизни в российских условиях? Каковы сегодня в нашей стране основные факторы мобильности? Это, в первую очередь, упорный труд (88% считают его важным фактором успеха, причем значимость данного фактора как очень важного отмечает более половины населения), хорошее образование (90%) и нужные знакомства (88%), т.е. человеческий и социальный капитал<sup>10</sup> (рис. 6.4). Вторая группа факторов успеха, высо-

<sup>10</sup> Впрочем, упорный труд и связи всегда рассматривались россиянами как основные факторы успеха (см.: Громова П.Г. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социологический журнал. 1998. № 1/2.

кую значимость которой признает большинство россиян, включает честолюбие, происхождение из богатой семьи, наличие образованных родителей и связей «в верхах» (72, 66, 67 и 56% соответственно). Что же касается остальных факторов успеха, то они играют относительно меньшую роль. Единственный из всех факторов успеха, по которому среди россиян заметно (с 16 до 22%) за период с 2006 г.<sup>11</sup> по 2013 г. выросла убежденность в его *особой* важности, это политические связи. Таким образом, помимо упорного труда, для преуспевания в современном российском обществе, по мнению населения страны, необходимо прежде всего обладать человеческим и социальным капиталом, который формируется за счет как собственных усилий человека, так и ресурсов его семьи, в первую очередь родительской.



**Рис. 6.4. Представления россиян о том, что является важным для достижения успеха в жизни, 2013 г., %**

Оценки значимости различных факторов благополучия бедными и небедными в целом достаточно схожи. Существенные отличия наблюдаются только в оценке важности неправовых практик (взятки) и нечистоплотного поведения (неразборчивость в средствах). Око-

<sup>11</sup> Речь идет об исследовании Института социологии РАН «Социальное неравенство в социологическом измерении» (подробнее см. о нем в Приложении).

ло половины бедных оценивают эти факторы как важные (48 и 48% соответственно), в то время как среди небедных соответствующие показатели равны 44 и 43% соответственно. Если учесть также оценку различных факторов успеха как «очень важных», то разница в восприятии факторов успеха бедными и небедными проявится и в отношении роли таких факторов, как происхождение из богатой семьи и честолюбие. Бедные выше оценивают значимость происхождения, а небедные — честолюбия. Можно сказать, что бедные в несколько большей степени склонны перекладывать ответственность за свое неблагоприятное положение на то, что они имели менее благоприятные стартовые условия исходя из возможностей семьи.

Если же рассматривать не отдельные элементы, факторы успеха, а в целом группы этих факторов, то при статистическом анализе данных на нашем массиве 2013 г. (метод Варимакс) выделились четыре такие группы (табл. 6.2).

Как видим, в один блок факторов входили **ресурсы родительской семьи**, т.е. унаследованный от родителей капитал — экономический и культурный. Другой блок отражал **собственные усилия человека** в достижении успеха и объединял такие факторы, как собственное образование, упорный труд и честолюбие. Еще одну группу факторов с определенной степенью условности можно назвать **второстепенные внерыночные факторы успеха**. Она включала такие признаки, как национальность, место рождения, пол, вероисповедание и политические связи. Наконец, в отдельную, четвертую группу входили **связи** (наличие нужных знакомств и политических связей) и **умение встраиваться в неправовое поле** (давать взятки и быть неразборчивым в средствах).

При этом относительно большую роль для россиян (и здесь мнения бедных и небедных совпали) играют те блоки факторов успеха, которые мы назвали «собственные усилия человека» (88%), «ресурсы родительской семьи» (80%) и «связи и неправовые практики» (74%). **Второстепенные внерыночные характеристики** как факторы благополучия упоминали только 20% россиян.

Насколько устойчива такая картина и насколько она специфична на фоне других стран? В этой связи стоит отметить, что четыре года назад, в 2009 г., в ходе очередной волны исследования *ISSP (The International Social Survey Programme «Social Inequality»)*<sup>12</sup>, использова-

---

<sup>12</sup> ISSP является постоянной ежегодной международной программой исследований, охватывающих темы, важные для социальных наук. Год от года тема исследования

Таблица 6.2

## Матрица факторных нагрузок после вращения, 2013 г.

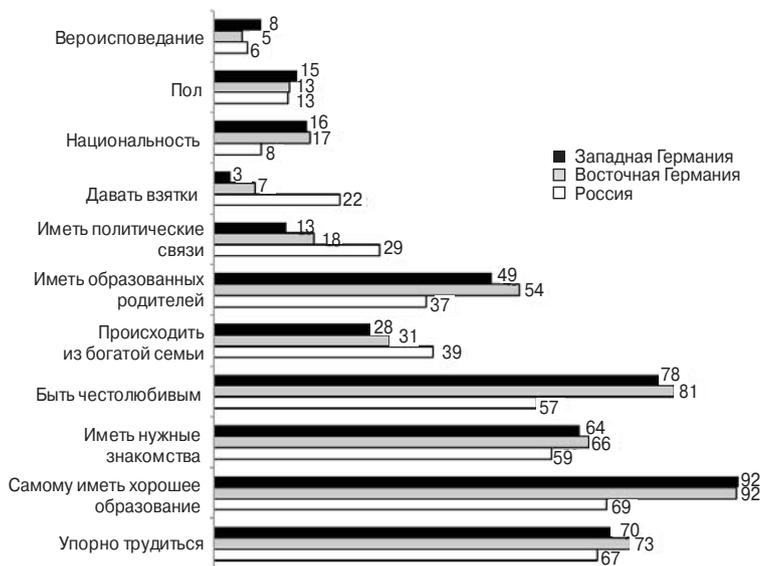
Переменные	Факторные нагрузки			
	фактор 1 (второстепенные внеры- ночные факторы успеха)	фактор 2 (связи и умениестраи- ваться в неправовое поле)	фактор 3 (собственные усилия человека)	фактор 4 (ресурсы родительской семьи)
Происходить из богатой семьи				0,601
Иметь образованных родителей				0,811
Самому иметь хорошее образование			0,488	
Упорно трудиться			0,763	
Иметь нужные знакомства		0,642		
Иметь политические связи		0,696		
Быть честолюбивым			0,723	
Национальность	0,761			
Место, откуда человек родом	0,720			
Политические убеждения	0,614			
Неразборчивость в средствах		0,600		
Пол	0,681			
Давать взятки		0,608		
Вероисповедание человека	0,724			

Примечание. Переменные предварительно перекодированы в дихотомические: «важно»—«неважно».

лась почти такая же формулировка данного вопроса<sup>13</sup>. В целом картина восприятия роли различных факторов в достижении успеха в 2009 г. в России была достаточно близкой к ситуации в 2013 г. (рис. 6.5).

меняется, но раз в 5–8 лет в рамках этой программы проводятся исследования, посвященные проблематике социальной структуры и социальных неравенств. В исследовании 2009 г. в выборку входили не только страны Северной Америки и Западной Европы, но и некоторые страны Восточной и Центральной Европы, в том числе Россия.

<sup>13</sup> Различия заключались в том, что в опросе ИС РАН 2013 г. присутствовали также такие позиции, как место, откуда человек родом, политические убеждения и неразборчивость в средствах, а варианты ответов «довольно важно» и «скорее важно» были объединены в одну позицию «довольно важно».



**Рис. 6.5. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, очень важно для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, 2009 г., %<sup>14</sup>**

Кроме того, как видно на рис. 6.5, в восприятии населения и в Германии, и в России есть четверка факторов-лидеров, позволяющих добиться в жизни благополучия (собственное образование, упорный труд, честолюбие<sup>15</sup> и наличие нужных знакомств). При этом, однако, ответы населения Западных и Восточных земель Германии очень близки, что отражает общность не только их культуры, но и институциональных условий. В России же картина заметно отличается от ситуации в Германии. В ней относительно меньшую роль играют честолюбие человека, т.е. наличие у него выраженных достигательных установок, а также наличие образованных родителей и собственное хорошее образование. Это именно те показатели человеческого капитала, которые обуславливают конкурентоспособность на рынке труда в обществах меритократического типа. Причем в России относительно большую

<sup>14</sup> На рисунке не представлены ответившие «довольно важно», «скорее важно», «не очень важно» и «совсем не важно».

<sup>15</sup> Этот фактор успеха демонстрировал, в отличие от остальных, очень яркую зависимость от возраста, и его заметно чаще называла молодежь.

роль в достижении успеха в жизни играют те факторы, которые не связаны с рынком труда, – наличие политических связей и дача взяток. Относительно важнее в России и наличие богатых родителей: по его значимости этот фактор даже обошел для россиян уровень образованности родителей, в то время как в Германии об образованности родителей вспоминали вдвое чаще, чем об их благосостоянии.

*В этой разнице хорошо видны различия типов обществ, существующих в Германии и России, а также вытекающих из них институциональных условий, тех рамок, в которых действуют люди. В Германии среда более конкурентна и посылает соответствующие сигналы людям, а в России в конкуренции огромную роль играют связи и взятки. Успех человека в таких условиях – это уже не его личная заслуга, и, следовательно, институциональные условия стимулируют не конкуренцию, а ее имитацию – псевдоконкуренцию.*

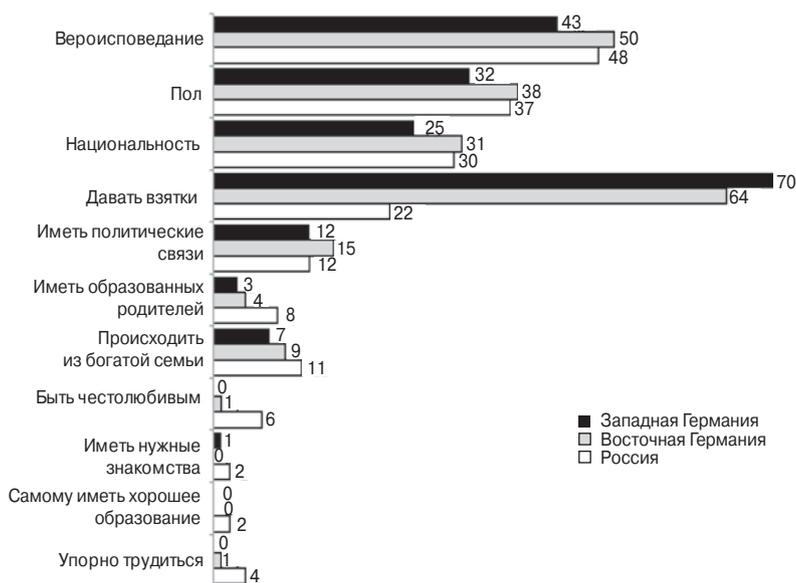
Данный вывод подтверждается, если посмотреть на проблему фактора успеха и с другой стороны, что совсем не важно для того, чтобы добиться благополучного положения в жизни (рис. 6.6).

Как видно на рис. 6.6, есть лишь один фактор, демонстрирующий при оценке абсолютно незначимых факторов успеха очень большие разрывы в показателях по двум рассматриваемым странам, а именно – дача взяток. Если в Западной Германии лишь 30%, а в Восточной – 36% населения убеждены, что дача взяток в той или иной степени важна для того, чтобы добиться в жизни благополучного положения, то в России таковых 78%, т.е. безусловное большинство. Данный факт уже сам по себе многое говорит и о типе сложившегося в России общества, и о возможностях и путях социальной мобильности в нем.

Причем, если, по аналогии с тем, как это было сделано применительно к массиву данных 2013 г., рассмотреть факторы успеха в России в 2009 г. с помощью факторного анализа, то становится понятно, что картина факторов успеха в восприятии россиян в России в целом весьма устойчива. Так, в 2009 г. при факторном анализе выделились три блока факторов успеха, очень напоминавшие ситуацию и в 2013 г. Один из этих блоков факторов, как и в 2013 г., отражал **собственные усилия человека** в достижении успеха и объединял такие факторы, как собственное образование, упорный труд и честолюбие. Вторая группа факторов, которые с определенной долей условности мы назвали выше – **второстепенными вне рыночными факторами успеха**, объединяла следующие признаки: национальность, вероисповедание и пол. Наконец, третий блок факторов (**ресурсы родительской семьи**)

включал богатых родителей, образованность родителей и наличие нужных знакомств, т.е. приобретенный в силу происхождения экономический, культурный и социальный капитал. При этом взятки и политические связи попадали в группу унаследованного от родителей капитала и выступали, с одной стороны, разновидностью полученного от них социального капитала, а с другой – производной от их экономических возможностей.

В связи с высокой значимостью этих видов капитала для успеха человека в современном российском обществе стоит рассмотреть, насколько ими располагают разные группы населения. Социальный капитал, который в российских условиях эффективно компенсирует нехватку иных ресурсов, как уже было показано в главе 3, у российских бедных представлен в очень ограниченном объеме, хотя значимость этого фактора для благополучия подтверждается и при статистическом анализе полученных данных. Так, например, *россияне, которым*



**Рис. 6.6. Что, по мнению россиян и населения Восточной и Западной Германии, совсем не важно для того, чтобы добиться чего-нибудь в жизни, 2009 г., %<sup>16</sup>**

<sup>16</sup> Использовались данные волны ISSP 2009 г. На рисунке не представлены ответившие «очень важно», «довольно важно», «скорее важно» и «не очень важно».

удалось, по их самооценке, повысить свой социальный статус по отношению к родителям или собственному положению в обществе 5–6 лет назад настолько, что они смогли выйти из состава «социальных низов», являются высокоресурсной группой. Они могут в случае необходимости в разы чаще, чем остающиеся в бедности россияне, получать реальную помощь от своих знакомых при устройстве на работу, поступлении в престижный вуз, продвижении по карьерной лестнице, устройстве детей в хорошую школу (табл. 6.3). А это именно те ресурсы, которые способствуют восходящей социальной мобильности, притом как в рамках индивидуальных жизненных траекторий, так и в межгенерационном разрезе, и которые тем более значимы, что распространенность доступа к ним в российском обществе в целом достаточно низка.

Таблица 6.3

**Доступные формы поддержки со стороны родственников, знакомых, друзей у различных групп населения, 2013 г., %**

Формы поддержки	Бедные	Небедные	Восходящая межгенерационная мобильность «низов» <sup>17</sup>	Восходящая статусная мобильность «низов» <sup>18</sup>
Устройство на хорошую работу	10	17	12	15
Поступление в престижный вуз	2	8	5	4
Продвижение по карьерной лестнице	2	5	3	6
Устройство детей в хорошую школу	5	8	5	6

Человеческий капитал бедных также значительно ниже, чем у остального населения, хотя роль его как фактора восходящей мобильности, не будучи решающей, все же ощущается достаточно сильно (табл. 6.4). При этом у хронических бедных, т.е. у тех, кто, по самооценке, живет за чертой бедности более трех лет, уровень образования (как собственного, так и родительского) ниже, чем у остальных бедных.

<sup>17</sup> В данной группе объединены те, кто сумел перейти как минимум на средние (4 «ступень» и выше на 10-ступенчатой «лестнице статусов») позиции с низших статусных позиций (1–3 «ступени») по сравнению со своими родителями.

<sup>18</sup> В данной группе объединены те, кто сумел перейти, как минимум, на средние (4 «ступень» и выше на 10-ступенчатой «лестнице статусов») позиции с низших статусных позиций (1–3 «ступени») за последние 5–6 лет.

Таблица 6.4

Уровень образования разных групп россиян и их родителей, 2013 г., %

Уровень образования	Хронические бедные	Бедные	Небедные	Восходящая межгенерационная мобильность «низов»	Восходящая статусная мобильность «низов»
<b>Свое образование</b>					
Неполное и общее среднее	44	29	14	20	18
Среднее специальное и незаконченное высшее	48	52	50	49	59
Высшее или ученая степень	8	19	36	31	23
<b>Образование отца</b>					
Неполное и общее среднее	66	58	37	47	41
Среднее специальное и незаконченное высшее	29	33	41	40	47
Высшее или ученая степень	3	9	21	13	12
<b>Образование матери</b>					
Неполное и общее среднее	64	57	35	51	41
Среднее специальное и незаконченное высшее	33	35	41	38	42
Высшее или ученая степень	3	8	24	11	17

Кроме того, навыками работы на компьютере обладают только 46% бедных, в то время как для остальных россиян данный показатель равен 72%. Среди владеющих этим навыком как бедные, так и небедные используют его на работе в 75 и 77% случаев соответственно. Однако среди небедного населения большая часть (55%) использует его постоянно, в то время как для бедных этот показатель равен только 44%, что косвенно отражает специфику их рабочих мест, которая отмечалась в главе 4. Также среди бедного населения почти половина (49%) не имеет компьютера в доме, в то время как для остальных этот показатель в 2 раза ниже – 23%. В течение последних 7 лет компьютер был приобретен 70% небедных и лишь 44% бедных россиян. Соответственно и в производственной, и в непромышленной сфере освоение новых навыков и в целом интернет-пространства у бедных происходит менее активно. Так *формируется и закрепляется новая*

*форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI в., — цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает, в свою очередь, препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места.*

Не случайно среди тех россиян, которые демонстрировали восходящую межгенерационную и индивидуальную мобильность «низов», 62 и 69% соответственно владели навыками работы на компьютере, что практически соответствует уровню владения этим навыком у тех, кто уже не первое поколение относится к благополучным в статусном отношении слоям населения<sup>19</sup>. В то же время те, кто применительно к разным этапам своей жизни относился к нижним трем ступеням «социальной лестницы», обладали навыками работы на компьютере в 35–42% случаев. Аналогичны и тенденции с владением иностранным языком и навыком вождения автомобиля.

Учитывая роль различных видов ресурсов в возможности выйти из бедности, важно оценить также, насколько характерные для бедных установки при воспитании детей могут способствовать развитию тенденции межгенерационного самовоспроизводства бедности или же, напротив, выходу детей из бедных семей по мере взросления из этого состояния. Отметим, что, выделяя качества, которые они хотели бы видеть в своих детях, *небедные россияне относительно чаще называли организованность и развитые умственные способности, т.е. качества, важные для динамичного рынка труда, предъявляющего спрос на «самопрограммируемых работников»<sup>20</sup> с развитым человеческим капиталом. Это позволяет предполагать, что под хорошим образованием они подразумевают обычно качественное высшее образование. В то же время бедное население ориентировано на обеспечение детей возможностями овладения, скорее, ремеслом, способным гарантировать «кусочек хлеба», и, видимо, под хорошим образованием оно имеет в виду обычно любое профессиональное образование, обеспечивающее востребованную в данный момент на рынке труда специальность (рис. 6.7).*

<sup>19</sup> То есть тем, кто ставил себя по статусу в обществе за последние 5–6 лет, а также семью своих родителей на 4 «ступени» и выше на «лестнице социальных статусов».

<sup>20</sup> Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.



**Рис. 6.7. Взгляды бедных и небедных россиян на то, что является главным в воспитании детей в современных условиях, 2013 г., %**

В целом как для бедных, так и для небедных россиян основное, что они хотели бы дать детям, — это хорошее образование (так ответили две трети представителей данных групп). Однако это, скорее, декларация с их стороны, чем реальная стратегия действий, так как образовательными услугами для детей пользовались всего 7% бедных и 19% небедных семей с несовершеннолетними детьми. Нельзя не отметить и тот факт, что те, кто демонстрировал нисходящую индивидуальную или межгенерационную мобильность, инвестировали в свой человеческий капитал не чаще, чем в трети случаев (25–32%). В то же время среди тех, кто в рамках индивидуальной или межгенерационной мобильности демонстрирует выход из «социальных низов», около половины в течение последних трех лет повышали свою квалификацию (по бедным в целом этот показатель составлял около трети). Таким образом, в массе своей это люди, которые даже в момент пре-

бывания на нижних ступенях социальной лестницы с точки зрения их человеческого капитала были не слишком похожи на типичных российских бедных. Наоборот, они очень походили в этом отношении на стабильно благополучное население (т.е. выходцев из средних слоев населения, которые, по их оценке, и сами не спускались в последние годы на нижние «ступени социальной лестницы»).

Следовательно, образовательная активность бедных – важный фактор их социальной мобильности. Низкая образовательная активность не только самих бедных, но и детей из бедных семей *ставит поэтому вопрос о перспективах социальной мобильности не только нынешнего, но и следующих поколений бедных, возможности для детей из бедных семей выбраться из состояния бедности в условиях, когда их родители не только сами не слишком стремятся войти в образовательный «социальный лифт», но и не пытаются «толкнуть» туда своих детей.*

Анализируя человеческий капитал бедных, нельзя не обратить внимание и на культурный капитал тех, кто смог продемонстрировать успешную социальную динамику, поскольку он играет значительную роль в возможности успешно встроиться в существующую в современной России систему социально-экономических отношений. У тех россиян, которые демонстрировали положительную социальную динамику, уровень образования родителей был заметно выше, чем у бедных, хотя и ниже, чем у благополучного населения (табл. 6.5). Кроме того, если среди бедных большая часть пошла в школу, а соответственно, прошла первичную социализацию в сельской местности, то среди демонстрировавших восходящую мобильность таковых уже менее 50%, что сближает их с теми, кто не входит в состав бедных. Более того, родители тех бедных, которые продемонстрировали восходящую мобильность, реже родителей представителей группы бедных в целом начинали ходить в школу в сельской местности независимо от места их проживания в момент опроса.

Таким образом, на возможности социальной динамики влияют как особенности индивидов, значимые на современных рынках труда, так и ресурсы родительской семьи, в том числе связи, значительная часть которых наследуется индивидами, по крайней мере, при «входе» во взрослую жизнь. Нисходящая же социальная мобильность может стать в условиях низкой эффективности социальной политики результатом демографических особенностей индивидов или каких-то семейных событий (рождение двойни, болезнь ребенка и т.д.).

Подведем итоги.

Таблица 6.5

**Тип населенного пункта, в котором россияне из разных групп и их родители пошли в школу, 2013 г., %**

Тип населенного пункта, где проживали в тот момент	Бедные	Небедные	Восходящая межгенерационная мобильность «низов»	Восходящая статусная мобильность «низов»
<b>Сами</b>				
Город, более 1 млн чел.	12	21	18	23
Город, 250 тыс. – 1 млн чел.	11	19	17	14
Город, до 250 тыс. чел.	19	22	20	18
Сельская местность	58	38	45	46
<b>Мать</b>				
Город, более 1 млн чел.	<b>8</b>	15	11	13
Город, 250 тыс. – 1 млн чел.	11	18	17	14
Город, до 250 тыс. чел.	17	22	20	19
Сельская местность	64	46	51	54
<b>Отец</b>				
Город, более 1 млн чел.	<b>8</b>	15	12	14
Город, 250 тыс. – 1 млн чел.	11	18	17	17
Город, до 250 тыс. чел.	17	21	17	18
Сельская местность	64	46	54	51

Если небедные – это в подавляющем большинстве выходцы из средних слоев общества, то с бедными картина не так однозначна. Фактически сегодня они делятся с точки зрения изменения их социального статуса на протяжении их жизни на две неравные части. Одна из них, меньшая, насчитывающая около четверти всех бедных<sup>21</sup>, – это представители самовоспроизводящихся «социальных низов». Однако основная их часть – это либо те, кто сам уже взрослым попал в число бедных и далее «законсервировался» в таком состоянии, либо находится в состоянии ситуационной, временной бедности. Последних среди бедных в целом лишь около трети, и при наличии ресурсов и случайном характере их бедности они достаточно быстро выходят из такого состояния. При этом пребывание в бедности менее трех лет не ведет к изменению идентичностей бедных, и они не склонны в этом

<sup>21</sup> Если же судить по образовательному уровню их родителей, то эта доля возрастет, хотя и останется менее половины группы всех бедных.

случае говорить о себе как о хронических бедных, что затрудняет идентификацию данной группы.

Ситуация с бедностью в современной России характеризуется рядом неблагоприятных тенденций. Наряду с усилением поляризации общества происходит консервация бедности с межгенерационным ее воспроизводством, и в этом процессе участвует значительная часть российских бедных. Важно, что тенденция межгенерационного воспроизводства бедных может усиливаться в будущем.

Доминирование среди бедных длительно и хронически бедных, усиление тенденции консервации бедности как на индивидуальном уровне, так и в межгенерационном разрезе позволяют оценивать закрытость «социальных лифтов» как крайне острую проблему для современной России. Причем значимость ее велика как для выходцев из бедных, которые не могут выйти из бедности и все чаще «консервируются» в этом состоянии, так и для выходцев из небедных слоев населения, которые характеризуются высокими рисками скатиться в бедность – сначала ситуационную, а затем и хроническую. Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности.

Процессы социальной мобильности имеют у бедных и небедных россиян противоположный вектор, что усиливает поляризацию российского общества и все дальше разводит бедных россиян и остальное население страны: процессы восходящей межгенерационной социальной мобильности свойственны бедным в значительно меньшей степени, чем остальному населению, в отличие от нисходящей.

Осознавая, что человеческий и социальный капитал являются ключевыми ресурсами для восходящей социальной мобильности, и желая сформировать у своих детей, в первую очередь, те качества, которые помогут им «пробиться выше», бедные, как это ни парадоксально, прилагают весьма умеренные усилия по реализации соответствующих задач. Они меньше инвестируют в накопление этих ресурсов как у себя, так и у своих детей. Отчасти это объясняется спецификой их профессиональных позиций и жизненного опыта, не предполагающего навыков такого рода инвестирования и привычки к нему, а отчасти – элементарной нехваткой средств на него.

Попавшие в ситуационную бедность относительно высокоресурсные россияне обычно достаточно быстро выходят из состояния бедности. Основными факторами, стимулирующими восходящую социальную мобильность бедных, выступают человеческий, социальный

и культурный капитал. В условиях редкости обладания развитыми формами этих видов капитала среди россиян для тех, кто обладает ими, состояние бедности становится в основном временным. Однако, если культурный, социальный и человеческий капитал ограничен, то состояние бедности становится длительным, а затем и хроническим.

В последние годы в России формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI в., – цифровое неравенство. При этом, раз возникнув, оно начинает в свою очередь препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются сегодня своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места. И хотя наличие этих навыков само по себе не гарантирует занятия такого рода рабочих мест, отсутствие соответствующих компетенций достаточно жестко предопределяет отсутствие доступа к ним.

# СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ БЕДНЫХ

*С.В. Мареева*

Бедность в России тесно связана с еще одной ключевой социально-экономической проблемой – избыточностью социальных неравенств, ситуация с которыми в последние годы в стране, судя по данным и официальной статистики, и социологических исследований, демонстрирует тенденцию к ухудшению. Согласно данным Росстата, коэффициент Джини по распределению доходов для России в 2012 г. достиг 0,42, показав заметный рост за последние 10 лет (в 2002 г. он равнялся 0,397), а децильный коэффициент фондов составил 16,4 (по сравнению с 14,0 в 2002 г.)<sup>1</sup>.

Динамика этих показателей представляет отнюдь не только академический интерес, ведь негативные последствия избыточных неравенств (особенно тех, которые воспринимаются обществом как несправедливые) очень многообразны. Экономистами давно исследуется взаимосвязь между глубиной неравенств и темпами экономического роста<sup>2</sup>. Социальные и социально-политические последствия избыточных неравенств варьируются от углубления дифференциации самих бедных и появления среди них массового «социального дна» до утраты обществом социальной стабильности и делегитимизации власти. Исследователи отмечают и демографические последствия избыточных неравенств – негативное влияние их на коэффициенты

---

<sup>1</sup> Данные Росстата ([http://www.gks.ru/free\\_doc/new\\_site/population/urov/urov\\_32g.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.htm)).

<sup>2</sup> Так, по результатам обширных статистических исследований Всемирного банка в разных странах мира было показано, что высокое неравенство (коэффициент Джини выше 0,4) препятствует экономическому росту (см. World Bank. *Equity and Development: World Development Report 2006*. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006). Отрицательная корреляция между неравенством и темпами экономического роста отмечалась и в работах *Alesina A., Rodrik D.* *Distributive politics and economic growth* // *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 109, No. 2 (May 1994); *Persson T., Tabellini G.* *Is inequality harmful for growth?* // *American Economic Review*, Vol. 84 (1994) и др.

смертности и рождаемости<sup>3</sup>. Фиксируется связь социально-экономического неравенства с неравенством уровня здоровья<sup>4</sup>.

Если говорить в этом контексте о российской бедности, то нарастающие отличия между бедными и небедными группами населения с точки зрения их уровня жизни, норм и ценностей, социально-психологического состояния представляются особенно опасными на фоне существующего в стране избыточного неравенства. Важно понимать, какими особенностями характеризуется восприятие различных типов неравенств в современном российском обществе самими бедными и в чем его характерные отличия от восприятия остального населения, а также какие неравенства воспринимаются ими в качестве справедливых и несправедливых по своим основаниям, каким вообще бедные россияне видят справедливое общество и насколько современное российское общество отвечает их представлениям о справедливости.

Проведение такого анализа необходимо и в силу того, что представления населения о справедливом обществе — это отправная точка для формирования его запроса к социальной политике государства. Причем социально-экономический статус индивида, несомненно, входит в число ключевых индивидуальных факторов, определяющих запрос к социальной политике<sup>5</sup>, в связи с чем необходимо сравнение представлений о справедливом обществе среди бедного и небедного населения, что и будет сделано в данной главе.

Начать нужно с того, что мнение населения о неравенствах в российском обществе действительно отражает сложившуюся в нем реальную картину избыточности социальных неравенств: лишь 4% бедных, как и 4% небедных считают, что острых неравенств в нашем обществе сегодня нет. Подавляющее же большинство представителей бедного населения, как, впрочем, и небедного, не только фиксирует болезненные неравенства в российском обществе, но и отмечает, что они лично от них страдают.

Какие же из социальных неравенств воспринимаются сегодня бедным населением как наиболее болезненные лично для них и для

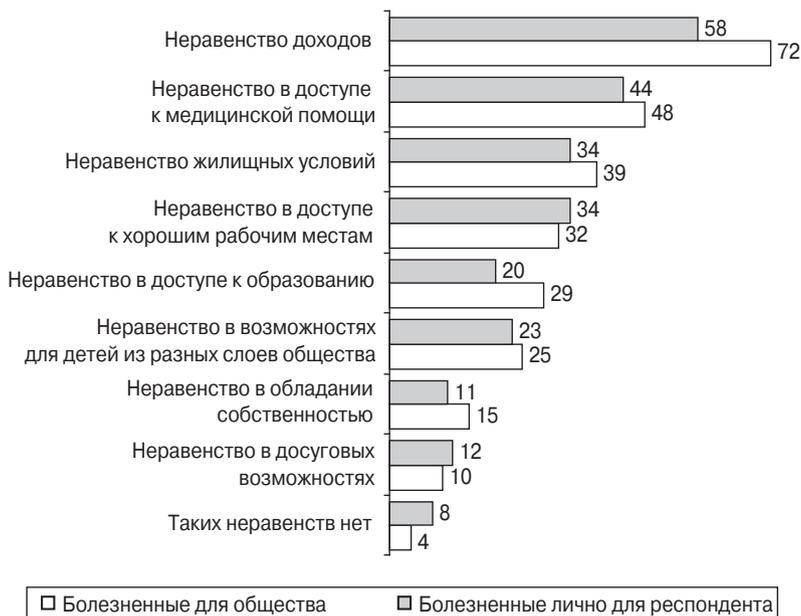
---

<sup>3</sup> *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студия, 2009.

<sup>4</sup> *Bartley M.* Health inequality. An Introduction to Theories, Concepts and Methods. Polity Press, 2004.

<sup>5</sup> *Svallfors S.* The Politics of Welfare Policy in Sweden: Structural Determinants and Attitudinal Cleavages // *British Journal of Sociology*, Vol. 42, 1991; *Kluegel J., Smith E.* Beliefs About Inequality: Americans' Views of What is and What Ought to Be. N.Y.: Walter De Gruyter Incorporated, 1986.

общества в целом? Данные показывают, что на первом месте с большим отрывом оказывается *неравенство доходов, от которого, по мнению бедных, в наибольшей степени страдают сегодня и они сами, и общество в целом* (рис. 7.1).



**Рис. 7.1. Мнение бедных о наиболее болезненных для общества в целом и лично для них неравенствах в современной России, 2013 г., %**

Обращает на себя внимание тот факт, что, говоря практически о всех типах неравенств, даже бедные россияне значительно чаще отмечают болезненность этих неравенств для всего общества, чем для них самих. Так, неравенство по доходам как наиболее болезненное для общества в 2013 г. отметили 72% бедных, а как наиболее болезненное для себя лично — 58%. Неравенство в доступе к образованию отнесли к наиболее острым для общества 29% бедных, к болезненным лично для себя — 20% и т.д.

Вообще не страдали от существующих неравенств, по их самооценкам, 6% бедных «по доходам», и 3% их считали, что в российском обществе такой проблемы нет; среди бедных «по лишениям» эти доли составляли 9 и 5% соответственно. При этом количественные оцен-

ки остроты конкретных неравенств, от которых страдают они сами и общество в целом, практически полностью совпали для групп бедных «по доходам» и бедных «по лишениям», отличаясь не более чем на 2–3%, что в очередной раз свидетельствует как о схожем положении представителей этих групп, так и о схожих оценках в них ситуации с неравенствами в обществе.

*Рейтинг остроты отдельных неравенств для общества и для них лично в оценках бедных «по доходам» и «по лишениям» в целом также совпадает. После лидирующего неравенства по доходам следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий* (причем обе этих характеристики играют достаточно важную роль в представлениях как бедных, так и небедных россиян о ключевых отличиях жизни бедных семей в России). По степени болезненности для самих бедных на одном уровне с неравенствами по жилищным условиям оказывается еще один тип неравенства, связанный с рынком труда, — неравенство в доступе к хорошим рабочим местам. Причем значимость этой позиции, в отличие от практически всех остальных типов неравенств, оказывается для них самих выше, чем для общества в целом. Это свидетельствует об особой остроте данной проблемы для бедных в современной России, особенно для тех, кто находится в трудоспособном возрасте (в данной группе бедных ее отметили 38%), что неудивительно, поскольку именно проблемы на рынке труда, связанные с длительной безработицей, являлись, по мнению самих бедных, основной причиной, приводящей к бедности их личных знакомых (так считали 35% из них).

Таким образом, *наиболее остро воспринимаются бедным населением не только те неравенства, которые связаны с уровнем и качеством жизни, но также и те, которые связаны с их местом на рынке труда*. При этом неравенство, связанное с возможностями накопления человеческого капитала посредством доступа к образованию, как и консервация неравенства жизненных шансов неблагополучного населения в связи с разными возможностями у детей из различных социальных слоев, отходят для них на второй план (нельзя не отметить в этой связи, что такие их установки способствуют дальнейшей маргинализации молодежи из бедных слоев российского общества).

Интересно, что в представлениях бедных общество почти в равной степени страдает от неравенств в доступе к образованию и к хорошим рабочим местам (29 и 32% соответственно), однако сами они значительно чаще отмечают, что страдают от второго типа неравенства (34%), нежели от первого (20%). По всей видимости, *образование*

*не воспринимается ими как «социальный лифт», способный помочь улучшить свое сложное положение, в то время как на изменение ситуации на рынке труда возлагаются большие надежды.*

Показательно, что *ответы бедного и небедного населения относительно наиболее острых неравенств в обществе в целом не продемонстрировали никаких значимых отличий.* И рейтинг наиболее болезненных неравенств, и доли тех, кто выбирал каждое из них в числе наиболее острых, практически совпадают среди бедного населения и россиян в целом. Что же касается мнения россиян относительно тех неравенств, которые болезненны именно для них, то здесь отличия были достаточно заметными: *бедные россияне чаще говорили о том, что те или иные типы неравенств затрагивают их лично.* Подобная тенденция была характерна как для бедных «по доходам», так и для бедных «по лишениям», причем ответы представителей этих групп практически не отличались между собой. Так, страдающими от неравенства доходов посчитали себя 61% бедных «по доходам», 58% бедных «по лишениям» и 43% небедного населения, от неравенства в доступе к медицинской помощи страдали соответственно 47, 45 и 34%, от неравенства жилищных условий – 35, 35 и 26%, а от неравенства в доступе хорошим рабочим местам – 36, 34 и 26% соответственно. По самооценкам, не страдали ни от каких неравенств 16% небедного населения при 6% бедных «по доходу» и 8% бедных «по лишениям».

Однако это не означает полного единодушия всех бедных в этом вопросе. Так, группа, которая может быть рассмотрена как «ядро» бедности, – хронические бедные – чаще остальных бедных отмечали, что они страдают от неравенства доходов (68%), неравенства в доступе к медицинским услугам (57%) и неравенства жилищных условий (41%). При этом они в 2 раза реже бедных в целом отмечали, что не страдают ни от каких типов неравенств (4%).

Разница взглядов бедного и небедного населения в этом вопросе обуславливается тем, что для бедных вообще и хронических бедных в особенности характерна концентрация различных типов неравенств, от которых страдают их представители. Так, выбрали максимально возможное количество ответов (т.е. отметили, что они одновременно страдают от трех различных типов неравенств) чуть менее половины небедных россиян (48%), две трети бедных (66%) и три четверти хронических бедных (76%). *Одновременное накопление различных типов неравенств перекрывает для них возможности улучшения своего положения и усугубляет их ситуацию.*

Некоторая дифференциация восприятия разных типов неравенств наблюдается и по типу поселения, хотя общий рейтинг неравенств совпадал во всех их типах. Интересно, что бедные «по доходам» жители мелких городов, ПГТ и сел чаще говорили о том, что для общества характерна проблема неравенства доходов, чем жители мегаполисов и крупных городов; причем доля считающих, что это неравенство затрагивает их лично, была, наоборот, выше именно в крупных городах, где глубина этих неравенств гораздо выше. От неравенства в доступе к хорошим рабочим местам страдали в большей степени жители малых городов и сел, а про неравенство шансов для детей из разных слоев чаще упоминали бедные жители самых крупных городов и т.д.

Отдельно скажем и про неравенство перед законом, являющееся еще одной важной «болевым точкой» современного российского общества. Именно обеспечение равенства всех перед законом россияне считают ключевой идеей модернизации страны (41% в 2010 г.<sup>6</sup>); кроме того, равенство перед законом является для населения лидирующим признаком демократии: более половины респондентов, отвечая на вопрос о том, без чего невозможна демократия, называют именно его<sup>7</sup>. При этом, по мнению россиян, на практике равенство всех перед законом в стране не реализуется. Так, 70% бедных и 71% небедных россиян в 2013 г. считали, что суды защищают интересы богатых и влиятельных чаще, чем интересы простых людей, а не согласны с этим были лишь 7% бедных и 9% небедного населения. Отметим, что 27% бедных сами за последние три года сталкивались с теми или иными случаями нарушения своих прав (при 20% среди небедного населения). Чаще всего такие нарушения прав бедных россиян имели место при получении медицинской помощи (10%), при контактах с работниками органов правопорядка (9%), при оформлении льгот и пенсий (7%), а также при установлении заработной платы или увольнении с работы (6%). Можно констатировать, что *ощущение неравенства перед законом имеет для бедных вполне реальные, практические основания, и правовое неравенство, неравенство перед законом — это еще один тип неравенства, от которого страдает бедное население*. Впрочем, от него страдают и остальные россияне, хотя и чуть в меньшей степени.

---

<sup>6</sup> Речь идет об исследовании «Готово ли российское общество к модернизации?» Описание его см. в Приложении.

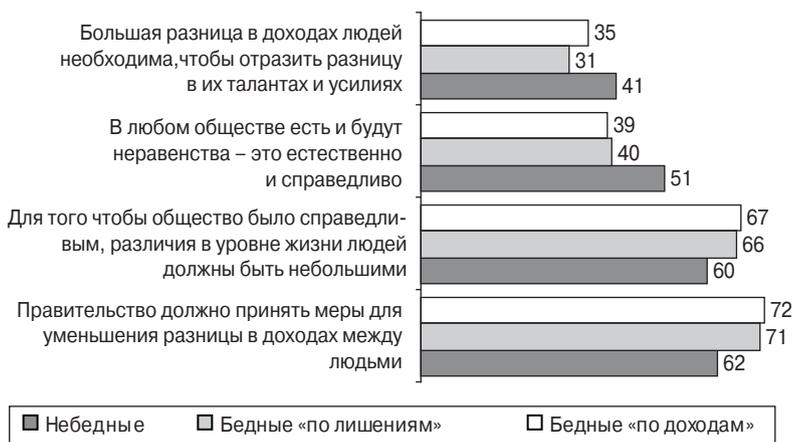
<sup>7</sup> См.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. С. 32.

Итак, социальные неравенства имеют разнообразное проявление в российском обществе, при этом чаще всего в контексте самых болезненных неравенств как на микро-, так и на макроуровне и бедными, и небедными россиянами упоминается неравенство по доходам. Означает ли это, что бедные вообще не толерантны к неравенству по доходам и считают его априори несправедливым? Данные показывают, что это не совсем так. Даже при явно избыточных неравенствах в современной России, от которых страдают, прежде всего, именно бедные, они тем не менее *не являются безусловными противниками необходимости значительной разницы в доходах, если она обусловлена справедливыми, в их представлениях, причинами*: так, с утверждением о том, что большая разница в доходах людей необходима, чтобы отразить разницу в их талантах и усилиях, согласились 34% бедных, 32% выразили свое несогласие, а еще 34% затруднились дать определенный ответ. Кроме того, 42% бедных считают, что в любом обществе всегда есть и будут неравенства, и это естественно и справедливо (при более низкой доле – 27% – несогласных с этим утверждением и 31% неопределившихся).

Наличие сопоставимых по численности групп сторонников и того, и другого мнения свидетельствует о том, что *сама группа бедных не является однородной и объединяет в себе сторонников разных нормативных моделей «справедливого» общества, а это, соответственно, будет приводить и к неоднородности запроса бедных на проводимую государством социальную политику*. Кроме того, процесс формирования таких моделей еще продолжается (в пользу этого говорит, в частности, высокая доля неопределившихся со своим мнением), возможно, под воздействием конфликта нормативных представлений и реальности, о чем еще будет рассказано ниже. В целом же утверждать, что российские бедные отрицают любое неравенство доходов как таковое, нельзя.

В то же время, поскольку большинство бедных, как было показано выше, страдает от целого ряда неравенств, неудивительно, что *две трети (66%) из них считают, что в справедливом обществе различия в уровне жизни людей должны быть небольшими*. Впрочем, это отражает и мнение остального населения: так, 60% небедных тоже выразили согласие с этим утверждением. Отсюда логично следует и *запрос бедного населения к правительству на сокращение избыточных неравенств*: 70% бедных считают, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми (рис. 7.2). Среди небедных эта доля составила 62%, а среди населения в целом – 64%, что, впрочем, если судить по данным международного исследования

ISSP<sup>8</sup>, очень близко к показателям по Германии (66% в 2009 г.), Великобритании (66%) или Китаю (71%), и в этом отношении россияне отнюдь не уникальны и не склонны к уравнилельности. Особняком стоит позиция граждан США, где совсем иные культура и менталитет населения: там доля сторонников точки зрения, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, составляет всего 33%. Впрочем, судя по данным этого же исследования, под «небольшими» различиями россиянами подразумевается практически пятикратная разница в доходах (при 5,6 по Германии, например).



**Рис. 7.2. Представления разных групп бедных и небедного населения о неравенствах доходов и уровня жизни, 2013 г., %**

В запросе к правительству на сокращение избыточных неравенств наблюдаются также некоторые различия между разными группами бедных, хотя качественно тенденции во всех группах совпадают. Молодые россияне и те, кто находится в состоянии бедности сравнительно недавно, демонстрируют относительно большую толерантность к неравенствам, однако для всех бедных в целом характерно отсутствие категоричного отрицания неравенств как таковых при вполне определенной позиции по вопросу о том, что в современной российской ситуации государство должно принять меры для снижения разницы в доходах между людьми.

<sup>8</sup> Ежегодное международное сравнительное исследование ISSP – International Social Survey Programme, <http://www.issp.org/>. Данные приводятся по 2009 г.

Таким образом, бедные россияне, страдая от болезненных как для общества, так и лично для них неравенств по доходу, предъявляют запрос на сокращение этих неравенств для того, чтобы современное российское общество в большей степени отвечало их представлениям о справедливости. Однако при этом совсем не все они, даже бедные, являются сторонниками полного равенства. Так, 54% бедных «по доходам» и 58% бедных «по лишениям» в дилемме «равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей» — «равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни» склоняются ко второму варианту, что вновь демонстрирует ценностную гетерогенность бедных. Скорее, верно другое — они допускают существование в обществе только неравенств, основанных на легитимных, согласно их представлениям, основаниях.

Какие же основания неравенств представляются для бедных россиян справедливыми? Прежде всего, это более быстрая и эффективная работа, но только в условиях, когда у всех есть равные возможности доступа к «хорошим» рабочим местам и возможности «заработать» как таковые (рис. 7.3 и 7.4).

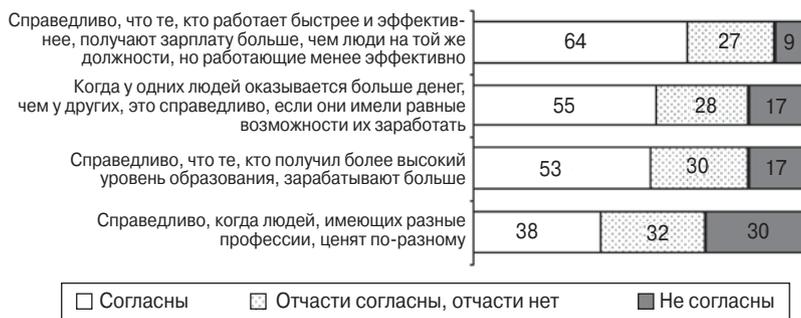
Итак, *модель общества, к которой стремятся российские бедные, не сводится к желанию «все отнять и поделить»: она предполагает равные возможности для всех добиваться улучшений в своей жизни и допускает существование неравенств, возникших на справедливых, по их оценкам, основаниях.* Наиболее высокую толерантность бедное население проявляет к неравенствам по доходу, если они связаны с большей эффективностью труда. Так, около двух третей бедных согласны с тем, что справедливо, если те, кто работает быстрее и эффективнее, будут получать зарплату выше даже при формально той же должности. Т. е. эффективность работы оказывается для них важнее, чем формальная иерархия позиций в системе производственных отношений. Этот показатель сам по себе многое говорит об отношении россиян, в том числе и бедных, к справедливости и ее роли в регулировании общественных отношений, в том числе трудовых.

Большинство бедных согласно также с тем, что различия в доходах справедливы, если у людей были равные возможности для их заработка, что вновь подчеркивает преобладающее среди них стремление жить в обществе равных возможностей, а не равных доходов. Наконец, есть еще одно основание для неравенства доходов, которое также представляется половине бедных россиян скорее справедливым, — это различия в доходах между людьми с разным уровнем образова-

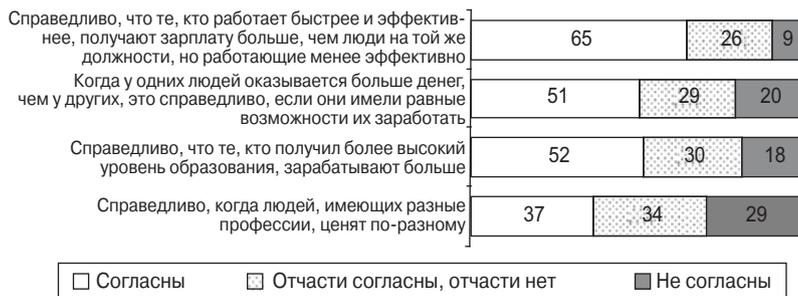
ния. Интересно, что такое основание для неравенства является более легитимным и справедливым в глазах бедных старших возрастов (71% согласных среди бедных «по доходам» старше 60 лет).

Что же касается разных профессий как основания для разной оплаты труда, то ситуацию, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному, назвали справедливой 38% бедных «по доходам», а несправедливой – 30% (37 и 29% соответственно среди бедных «по лишениям»). Таким образом, поддержка бедным населением профессионального фактора как основания для дифференциации доходов оказывается ниже, чем поддержка в этой роли разного уровня образования.

Если сравнить ответы бедных с ответами остального населения, то видно, что, *хотя бедные в целом в меньшей степени согласны с теми или иными основаниями неравенств, качественно их ответы отражают*



**Рис. 7.3. Представления бедных «по доходам» о справедливых основаниях неравенств, 2013 г., %**



**Рис. 7.4. Представления бедных «по лишениям» о справедливых основаниях неравенств, 2013 г., %**

картину, характерную для представлений в этой области всех россиян вообще и небедных в частности (табл. 7.1)

Таблица 7.1

**Представления бедных и небедных россиян о справедливых и несправедливых основаниях неравенств, 2013 г., %**

<b>Суждения</b>	<b>Бедные: согласны / не согласны</b>	<b>Небедные: согласны / не согласны</b>
Справедливо, что те, кто работает быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно	67 / 8	77 / 6
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	54 / 18	69 / 10
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше	55 / 17	64 / 9
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	39 / 28	49 / 21

*Примечание.* В таблице не представлены те, кто выбрал ответ «отчасти согласен, отчасти нет», а также те, кто затруднился с ответом.

Что же касается таких конкретных проявлений неравенств в современном российском обществе, как *лучшее жилье, большая пенсия, доступ к качественной медицине и лучшему образованию, то толерантность к ним оказывается ниже*, чем к тем неравенствам, о которых мы говорили выше, причем как среди бедных россиян, так и среди населения в целом. Однако при этом доля готовых принять как справедливый тот факт, что люди с большими доходами могут покупать себе лучшее жилье, даже среди бедных все же оказывается заметно выше, чем для не готовых к этому (41 и 27% соответственно); аналогичная ситуация наблюдается и в оценке справедливости большей пенсии у тех, кто имеет более высокую зарплату (38% согласных против 30% несогласных).

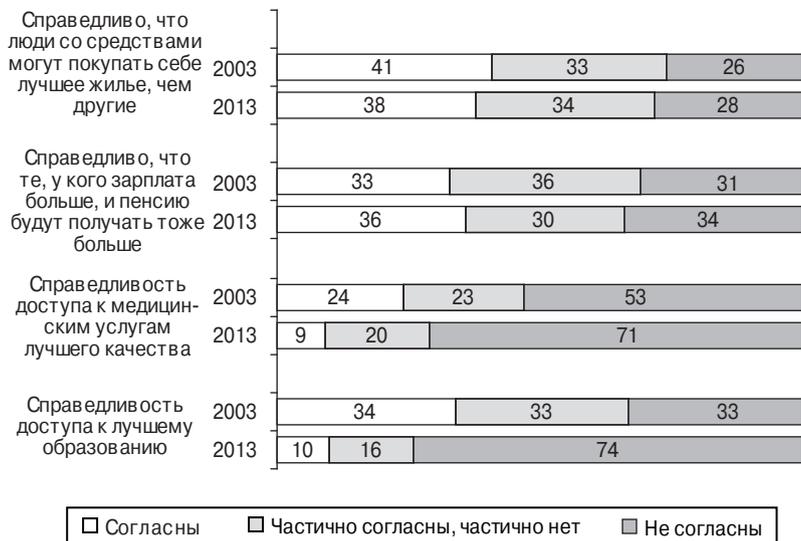
В то же время для бедных россиян практически неприемлемо неравенство в доступе к медицинским услугам и образованию. То, что люди с высокими доходами могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества, считают несправедливым 68% бедных. Что же касается возможностей людей с высокими доходами дать своим детям лучшее образование, то ощущение несправедливости такой ситуации они испытывают еще чаще: о нем говорят 71% бедных. Для небедных россиян эти доли оказываются заметно ниже, свидетель-

ствуя о более высокой их толерантности к таким неравенствам, но они также превышают половину (51 и 56% соответственно).

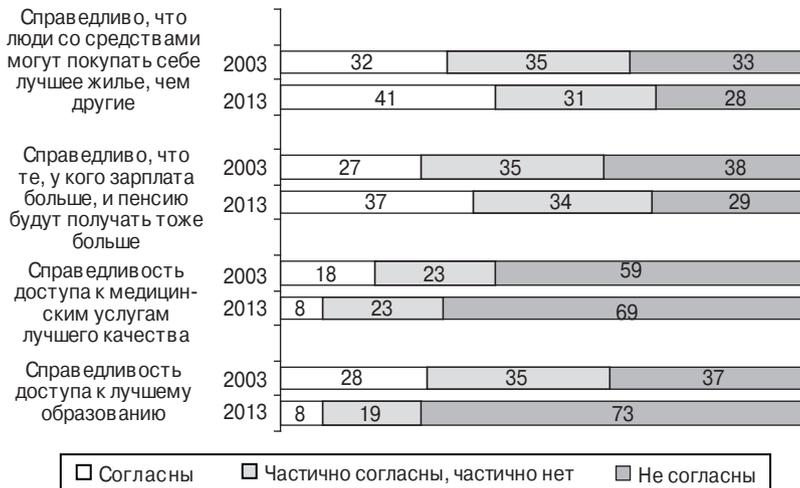
Анализ динамики этих данных за последние 10 лет позволяет сделать вывод о том, что *толерантность бедных к конкретным проявлениям неравенств, за некоторыми исключениями, снижается, по всей видимости, в результате роста ощущения их нелегитимности и избыточности, а также все большего обострения проблемы неравенств разных типов, затрагивающих их лично и общество в целом, прежде всего, проблем в сферах образования и здравоохранения. В итоге все меньшая доля бедных (как «по доходам», так и «по лишениям») согласна с тем, что ситуация, когда более обеспеченные люди могут позволить себе доступ к образовательным и медицинским услугам лучшего качества, справедлива, и все выше доля несогласных с этим. Что касается толерантности к лучшему жилью для людей со средствами и большей пенсии для получающих высокие зарплаты, то для бедных «по доходам» она в целом осталась на том же уровне, на котором она была 10 лет назад, а среди бедных «по лишениям» даже возросла (рис. 7.5 и 7.6).*

Данные предыдущих исследований показали, что вопросы справедливости и несправедливости неравенств в доступе к медицине и образованию оказываются очень чувствительны к формулировке: при прямом противопоставлении в вопросе людей с высокими и низкими доходами доля считающих такую ситуацию несправедливой значительно больше, чем при более «нейтральной» формулировке вопроса, без упоминания высоких и низких доходов. Это свидетельствует о болезненности проблемы доступа к качественному здравоохранению и образованию для россиян, неоднозначности их отношения к сложившейся здесь ситуации. В наших согражданах как бы сталкиваются толерантность к различным неравенствам как таковым с ценностью равенства жизненных шансов, признание допустимости неравенства доходов с неизбежным влиянием этого неравенства на жизнь людей и понимание чрезмерности глубины этих неравенств.

Частично этот конфликт находит свое отражение и в том, что практически половина (47%) бедных считает, что в наше время трудно судить о том, что справедливо, а что нет, и еще 38% затрудняются согласиться или не согласиться с таким утверждением. С учетом общей важности концепции справедливости в ценностной модели россиян, эти цифры говорят о том, что *столкновение нормативных представлений бедных, как и россиян в целом, с реальным положением дел (причем как в их личной ситуации, так и в обществе в целом) приводит к внутреннему конфликту и трудностям оценки справедливости*



**Рис. 7.5. Динамика отношения бедных «по доходам» к конкретным проявлениям неравенств, 2003 и 2013 гг., %**



**Рис. 7.6. Динамика отношения бедных «по лишениям» к конкретным проявлениям неравенств, 2003 и 2013 гг., %**

*тех или иных неравенств. И в условиях углубления социальных неравенств, закрытия «социальных лифтов» и растущей нелегитимности различий жизненных шансов представителей разных слоев выбор в этой дилемме, как показывают исследования, россиянами все чаще делается в пользу несправедливости большинства социально-экономических неравенств. Так под влиянием существующих в стране избыточных и нелегитимных неравенств постепенно меняется система нормативно-ценностных представлений населения страны в этой важнейшей области их мировоззрения.*

Однако это не означает роста их «антирыночности», «патернализма» или «совковости», как это пытаются порой интерпретировать. Так, даже в вопросе об отношении к неравенствам в доступе к услугам здравоохранения и образования россияне в целом тоже неоригинальны. Например, в Германии в 2009 г. 13% населения (что даже меньше, чем в России) сочли неравенства в доступе к медицинским услугам справедливыми, а 72% считали их несправедливыми. Для неравенств в сфере образования эти показатели составили 10 и 75% соответственно. Еще ниже толерантность к неравенствам в доступе к базовым социальным услугам во Франции (3 и 86% по отношению к медицинским услугам и 8 и 74% по отношению к образованию)<sup>9</sup>.

Отдельно остановимся на вопросе возрастных различий среди бедных россиян с точки зрения восприятия ими неравенств, существующих сегодня в российском обществе, и оценки их справедливости. Если обратиться к вопросу восприятия неравенств и их болезненности представителями разных возрастных когорт, то среди бедных старше 50 лет неравенство по доступу к медицинской помощи воспринимается гораздо острее, чем среди более молодых бедных (как болезненное лично для себя его отметили 60% бедных в возрасте старше 50 лет). Неудивительно, что и возможность для людей с высокими доходами пользоваться медицинскими услугами более высокого качества бедные из старших возрастных когорт чаще расценивают как несправедливое, потому что для них за этим стоят реальные проблемы, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни чаще, чем молодые бедные.

Обратные тенденции были характерны для оценок остроты неравенств в доступе к образованию: они чаще отмечаются молодыми представителями бедных слоев (среди тех бедных «по доходам», например, кто был младше 30 лет, этот тип неравенств отметили как

---

<sup>9</sup> Данные ISSP 2009 г. (International Social Survey Programme, <http://www.issp.org/>)

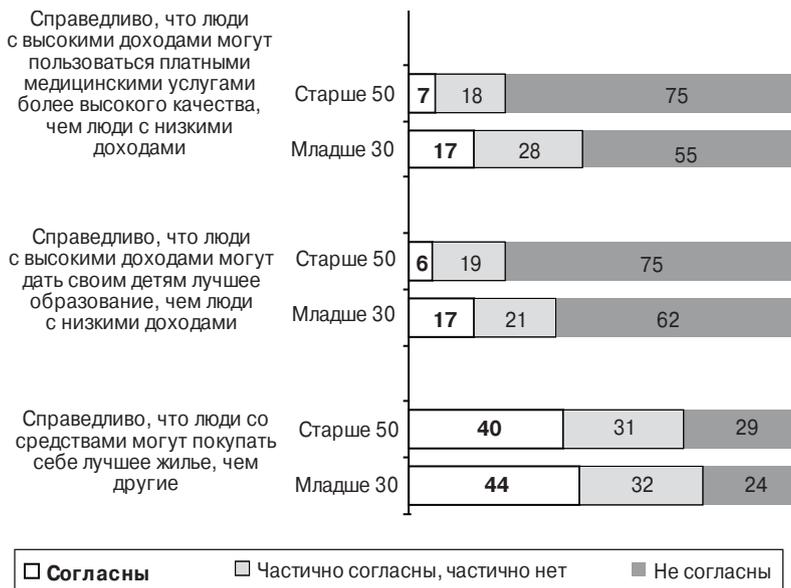
болезненный для себя лично 23% опрошенных при 18% среди тех, кто был старше 50). Тем не менее, говоря о справедливости или несправедливости того, что люди с высокими доходами могут дать своим детям лучшее образование, молодые бедные реже считали такую ситуацию несправедливой, чем бедные в возрасте старше 50 лет. Более остро воспринимается молодыми россиянами в силу большей актуальности для них этого вопроса и неравенство в доступе к хорошим рабочим местам (как болезненную для себя эту проблему отметили 37% бедных младше 30 лет при 29% бедных старше 50 лет).

Наконец, молодые бедные также чаще страдают от неравенства в досуговых возможностях. Данный тип неравенства как болезненный для них лично отметили 17% бедных «по доходам» в возрасте до 30 лет и лишь 8% бедных старше 50 лет, и это свидетельствует о том, что по сравнению со всеми остальными, более насущными для них проблемами вопрос досуга не воспринимается ими как значимый и основные их потребности связаны с преодолением неравенств в других сферах жизни, прежде всего связанных со здоровьем. В то же время разнообразный и насыщенный досуг представляет собой не только важную характеристику качества жизни, но и способ инвестиций в человеческий капитал, недоступный для бедных россиян, даже для молодых.

Тем не менее, если говорить не об их личной ситуации, а об их взглядах, то на нормативном уровне российская молодежь толерантнее старшего поколения относится к неравенствам, причем даже к тем, от которых сама она страдает относительно чаще (рис. 7.7).

Таким образом, оценивая возрастные особенности восприятия неравенств бедным населением, можно сделать вывод о том, что *разные потребности молодых и пожилых бедных приводят к тому, что они по-разному оценивают те типы неравенств, от которых они больше всего страдают. Так, для представителей бедных из старшего поколения более остро, чем для молодежи, стоит вопрос неравенства по доступу к медицинским услугам, а молодежь болезненнее, чем пожилые, воспринимает неравенства по доступу к образованию, досуговым возможностям и хорошим рабочим местам. При этом толерантность к неравенствам как таковым и их различным типам ярче выражена именно среди молодежи. Однако даже среди молодых бедных со значительным перевесом преобладает восприятие ситуации неравенств в доступе к образованию и здравоохранению как несправедливой. В связи с этим можно предположить, что межпоколенная динамика вряд ли качественно изменит картину восприятия неравенств российским населением.*

Отдельно проанализируем еще одну важную подгруппу бедных – работающих бедных. Данные исследования показывают, что толерантность работающих россиян к неравенству по доходам, как и согласие с тем, что разница в доходах необходима, чтобы отразить



**Рис. 7.7. Отношение бедных из полярных возрастных групп к конкретным проявлениям неравенств, 2013 г., %**

различия в усилиях и талантах, оказывается ниже, чем среди неработающих. Среди них меньше также согласных с тем, что образование или профессия могут являться справедливым основанием для дифференциации дохода, и со справедливостью большей пенсии для людей с более высокими зарплатами (табл. 7.2).

По всей видимости, именно работающие россияне наиболее остро переживают свое положение и, не видя связи между упорным трудом, честной работой, прикладываемыми усилиями, с одной стороны, и улучшением своего положения – с другой, острее воспринимают весь спектр проблем, относящихся к неравенствам вообще, проявляя более низкую толерантность и к неравенствам как таковым, и к различным их основаниям, и к конкретным их проявлениям. Острое ощущение несправедливости происходящего работающими бедными является

Таблица 7.2

**Отношение работающих и неработающих бедных «по доходам»  
к неравенствам, 2013 г., %**

Суждения	Работающие бедные, доля согласных	Неработающие бедные, доля согласных
Справедливо, что те, кто работает быстрее и эффективнее, получают зарплату больше, чем люди на той же должности, но работающие менее эффективно	66	68
Когда у одних людей оказывается больше денег, чем у других, это справедливо, если они имели равные возможности их заработать	53	57
Справедливо, что те, кто получил более высокий уровень образования, зарабатывают больше	52	59
Справедливо, когда людей, имеющих разные профессии, ценят по-разному	<b>35</b>	<b>48</b>
Большая разница в доходах людей необходима, чтобы отразить разницу в их талантах и усилиях	<b>30</b>	<b>41</b>
Справедливо, что те, у кого зарплата больше, и пенсию будут получать тоже больше	35	44

Примечание. **Жирным** шрифтом выделены позиции, разница ответов работающих и неработающих бедных по которым составляет более 10%.

негативным индикатором, который указывает на *процессы разрушения трудовой мотивации и потенциальные источники социальной нестабильности*. Кроме того, это означает, что существующие в стране неравенства в большей степени не принимают именно те, кто оценивает их исходя не столько из своей ценностно-нормативной модели (как, например, неработающие пенсионеры), сколько из реально существующей в обществе ситуации, которая не воспринимается ими как справедливая. В этом вновь проявляется *конфликт между характерной для россиян нормативной моделью общества с разумными по глубине неравенствами, основанными на справедливых основаниях, и ее практической реализацией в современной России, для которой характерны избыточные, не имеющие легитимных оснований в глазах населения неравенства и отсутствие прямой связи между личными усилиями и положением в обществе*. И именно работающие россияне, отталкиваясь от этой реальности, начинают менять и характерные для российской национальной культуры в целом нормативно-ценностные представления о том, что справедливо, а что нет.

Наконец, рассмотрим, насколько бедные вообще верят в возможность создания справедливого общества в России. К сожалению, уровень оптимизма у наших сограждан в этом отношении не очень высок. Так, при ответе на вопрос о том, будут ли те, кто сегодня еще является детьми, жить в обществе, где на практике реализован лозунг справедливости, 71% бедных ответили, что это маловероятно или совершенно невозможно. Столь низкие оценки вероятности реализации лозунга справедливости на практике связаны с тем, что большинство бедных не верят в реализацию таких необходимых составляющих справедливого общества, как равенство возможностей, равенство всех перед законом, социальная защищенность (табл. 7.3).

Таблица 7.3

**Оценка вероятности реализации в России справедливого общества в целом и отдельных его элементов, по мнению разных групп бедных, 2013 г., %**

Характеристики общества	Бедные «по доходам»		Бедные «по лишениям»	
	да / весьма вероятно	маловероятно / нет	да / весьма вероятно	маловероятно / нет
Справедливость	26	74	27	73
Свобода	46	54	45	55
Солидарность	31	69	34	66
Социальная защищенность	27	73	28	77
Равенство всех перед законом	27	73	28	72
Благополучие для всех	22	78	20	80
Равенство возможностей	21	79	22	78

Как видно из данных табл. 7.3, в наибольшей степени бедные верят в вероятность того, что в том обществе, в котором будут жить сегодняшние дети, будет реализован принцип свободы: с определенной долей уверенности так считают 46% из них. Что касается остальных принципов справедливого с точки зрения россиян общества, то в осуществление каждого из них верит менее трети бедных. При этом наименее реалистичной в среднесрочной перспективе представляется им реализация такого основополагающего принципа справедливого общества, как равенство возможностей: в его осуществление на практике верят лишь 23% бедных россиян.

Нужно отметить, что высокий уровень пессимизма в отношении этого вопроса связан отнюдь не только с тяжелым положением беднейшей части населения. Среди небедного населения также преобладают ощущения того, что следующее поколение не будет жить в обществе, где на практике реализуются лозунги равенства всех перед законом (68% считают это маловероятным или вообще нереальным), справедливости (67%), равенства возможностей (69%). И хотя эти показатели несколько ниже, чем среди бедных, отличия носят лишь количественный, но не качественный характер, и можно говорить о *доминировании во всех слоях российского населения мнения о невозможности реализации в России справедливого общества даже в среднесрочной перспективе*.

Дополнительным индикатором социального пессимизма, преобладающего как в обществе в целом, так и среди бедных, служит тот факт, что улучшение ситуации со справедливостью за время пребывания у власти В.В. Путина отмечают только 9% россиян, зато треть населения считает, что за последнее время ситуация со справедливостью в российском обществе ухудшилась. Бедные дают еще более негативные оценки: улучшения отмечают лишь 6% из них, в то время как 38% говорят об ухудшении ситуации.

Таким образом, рассматривая динамику ситуации с неравенствами и их восприятием, *приходится констатировать негативные тенденции: снижение толерантности к неравенствам среди населения в целом и бедных в особенности при одновременном росте пессимизма относительно возможности создать в России справедливое общество и при отсутствии каких-либо фиксируемых населением улучшений в этой области в последнее время*. Развитие данных тенденций будет означать и соответствующее изменение запросов населения к проводимой государством социальной политике. При этом все большее расхождение между моделью справедливого общества в представлениях россиян и тем реальным обществом, в котором им приходится жить, может привести не только к дальнейшему снижению толерантности россиян к неравенствам, но и к радикальному пересмотру отношения к государству среди россиян в целом и бедных россиян в частности.

Подведем итоги.

Проблема неравенств в современном российском обществе стоит очень остро и болезненно воспринимается всеми слоями населения, но в наибольшей степени – именно бедными россиянами. Подавляющее большинство из них отмечает, что лично страдает от тех или иных типов неравенств. Однако, оценивая распространенность прак-

тически всех типов неравенств, бедные чаще говорят о неравенствах, болезненных для всего общества, чем о тех неравенствах, от которых страдают они сами, что свидетельствует о критических несоответствиях между реалиями современного российского общества и представлениями о должном и справедливом, характерными для россиян вообще и бедных в частности.

Рейтинг наиболее острых и болезненных типов неравенств для общества в целом и для самих бедных в их оценках в основном совпадает. На первом месте со значительным отрывом оказывается неравенство по доходам, затем следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий, а также неравенство в доступе к рабочим местам. Все эти типы неравенств действительно ярко проявляют себя в повседневной жизни бедного населения, характеризуясь некоторой возрастной спецификой.

Даже при явно избыточных неравенствах в современной России, от которых страдают прежде всего именно бедные россияне, последние не являются безусловными противниками большой разницы в доходах. Однако столкновение нормативных представлений о необходимости неравенств, основанных на легитимных основаниях (эффективности работы, уровне образования в условиях равенства возможностей для всех), с реалиями современной России, где неравенства слишком глубоки и имеют своими источниками зачастую совсем иные основания, приводит к запросу на снижение этих неравенств, обращенному к государству, а также к снижению толерантности к ним. Показательно, что более низкая толерантность к неравенствам характеризует тех бедных, кто оценивает ситуацию не только исходя из своих нормативно-ценностных представлений «о должном», но и из оценки той реальной ситуации, в которой им приходится работать и выживать, — работающих россиян. Сталкиваясь в своей повседневной жизни с ситуацией, в которой неравенства избыточны и часто не имеют под собой справедливых оснований, а личные усилия отнюдь не всегда приводят к улучшению положения, работающие бедные гораздо менее толерантно относятся к различным типам неравенств по сравнению с бедными, которые не работают.

Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последнее время ухудшается. Среди бедных растет ощущение, что неравенства, связанные с доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми, хотя это ощущение и приходит в противоречие с нормативно-ценностной моделью, характерной для российской национальной культуры в целом. Песси-

мизм по поводу того, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных и практически аналогичную долю небедного населения. Более того, подавляющее большинство из них не фиксируют никаких положительных изменений в ситуации со справедливостью в последние годы. Все это говорит о том, что проблема неравенств и справедливости становится все острее и может привести к значимым негативным последствиям не только для бедных, но и для всего общества.



## О ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВКАХ И ОСОБЕННОСТЯХ МОРАЛИ БЕДНЫХ

*С.В. Мареева*

Чтобы получить полную и всестороннюю картину бедности в современном российском обществе, необходимо рассмотреть не только особенности социально-экономического положения бедных и их представлений о справедливости, но и особенности других их норм и ценностей, а также морали. Подобный анализ даст возможность понять, насколько отличаются ценностно-нормативные системы бедных от норм и ценностей остального населения, происходит ли формирование в их среде особой культуры бедности и как связаны нормативно-ценностные системы, характерные для них, с их представлениями о морали.

Проблема культуры бедности привлекла широкое внимание научной общественности в середине 60-х годов прошлого века, когда эта социальная теория была выдвинута для объяснений причин бедности. Термин «культура бедности» впервые использовал Оскар Льюис<sup>1</sup>, который, изучая бедные городские мексиканские и пуэрториканские семьи, пришел к выводу о наследовании бедности, ее воспроизводстве из поколения в поколение. По его словам, это происходит за счет влияния особой субкультуры бедности на детей: дети из бедных семей проходят социализацию в таких условиях, что уже к 6–7 годам они воспроизводят ценности и нормы этой субкультуры (ощущения беспомощности, маргинальности, невозможности повлиять на свою жизнь, фатализм, апатия) и не готовы самостоятельно менять условия своей жизни или пользоваться теми шансами, которые могут появиться у них в дальнейшем. Хотя Льюис говорил о релевантности культуры бедности для стран третьего мира или же для стран, нахо-

---

<sup>1</sup> Lewis O. The Children of Sanchez, Autobiography of a Mexican Family (1961). Vintage, 2011.

дящихся на ранних стадиях индустриализации, другие исследователи применяли эту теорию и к американскому обществу<sup>2</sup>.

Теория культуры бедности подверглась активной критике как с точки зрения отсутствия эмпирического подтверждения<sup>3</sup>, так и с точки зрения того, что она перекладывала ответственность на семью и индивида, не принимая в расчет внешние, структурные факторы, приводящие к бедности населения<sup>4</sup> (в рамках данного направления приводился и аргумент о том, что культура бедности является лишь реакцией на ситуационные ограничения и низкий уровень жизни и будет меняться при изменении этих условий). Однако в последние годы проблематика культуры в связи с бедностью вновь часто встречается в работах социологов. Хотя культура редко рассматривается как определяющий фактор бедности, культурные факторы включаются в анализ как имеющие прямое воздействие на поведение представителей бедных слоев<sup>5</sup>.

В современных российских условиях исследование особенностей норм и ценностей бедных имеет важное практическое значение: особые нормативно-ценностные системы, характерные для бедных, не являясь основной причиной их бедности, могут тем не менее закреплять их маргинальный, периферийный статус в обществе, сокращая тем самым возможности борьбы с бедностью и отдаляя перспективы снижения доли бедных в социальной структуре населения.

Так как в литературе достаточно часто утверждается, что на распространенность определенных норм и ценностей значимое влияние может оказывать религиозная принадлежность, сразу отметим, что по принадлежности к той или иной религии бедные не отличаются сегодня от россиян в целом: большинство из них относятся к православным (70% бедных и небедных), остальные являются мусульманами, исповедуют какую-то иную религию, относятся к верующим, не принадлежащим к определенной конфессии, воспринимают вопрос веры безразлично или атеисты. При этом во всех группах бедных разница в сторонниках определенного отношения к религии различается с небедными менее чем на величину статистической погрешности.

---

<sup>2</sup> Например, см.: *Harrington M.* The Other America: Poverty in the United States. N. Y.: Macmillan, 1962.

<sup>3</sup> *Valentine C.* Culture and poverty: Critique and counter-proposals. Chicago: University of Chicago Press, 1968.

<sup>4</sup> *Ryan W.* Blaming the victim. Rev. ed. N. Y.: Vintage Books, 1976.

<sup>5</sup> *Harding D., Lamont M., Small M.L.* Reconsidering Culture and Poverty // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 629, May 2010.

Таким образом, в современном российском обществе различия в ценностно-нормативных моделях бедных и небедных россиян определяются в первую очередь иными факторами, нежели их религиозная принадлежность.

Начнем анализ с тех особенностей ценностей и норм бедных, которые непосредственно связаны с их отношением к бедности и богатству. Часть из них можно проследить по согласию или несогласию бедных с теми или иными пословицами и поговорками, отражающими сложившиеся в российской культуре представления о бедности и богатстве (табл. 8.1).

Таблица 8.1

**Согласие разных групп бедных и небедного населения с пословицами о бедности и богатстве, 2013 г., % (отражено по ответам бедных)**

Пословицы	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
От трудов праведных не наживешь палат каменных	84	85	74
Бедность не порок, а несчастье	81	82	74
Богатством ума не купишь	80	81	82
Чем беднее – тем щедрее, чем богаче – тем скупее	78	79	68
Богатство – вода: пришла и ушла	68	70	62
Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи	64	65	57
Не в деньгах счастье	60	61	67

Первое, что нужно отметить, – это отчетливо прослеживающееся единодушие всех бедных, т.е. практически полностью совпадающие мнения бедных «по доходам» и бедных «по лишениям». Представления этих групп о бедности и богатстве отличаются лишь в рамках статистической погрешности. Что касается ценностных представлений бедных и небедных россиян, то качественно они совпадают, но обращают на себя внимание некоторые количественные отличия. Так, для бедных россиян в большей степени характерна уверенность в том, что богатство является отнюдь не результатом честного труда: 85% бедных согласны с тем, что «От трудов праведных не наживешь палат каменных», в то время как среди небедных эта доля заметно ниже (74%).

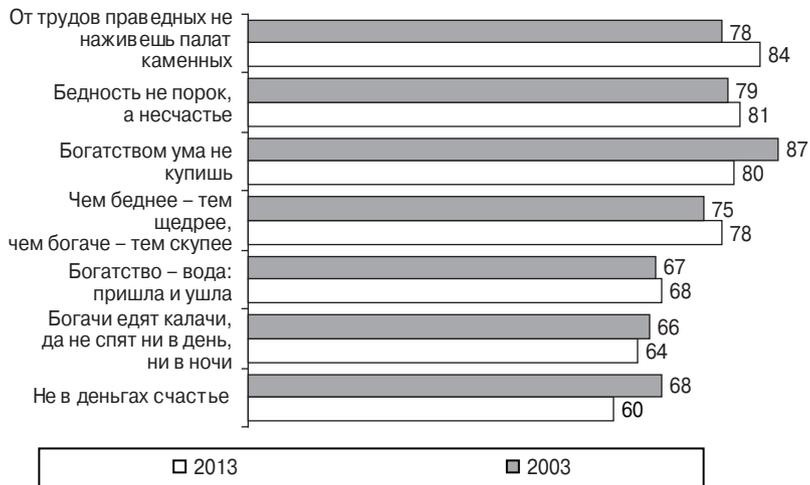
Вероятно, поэтому и характерное для бедных отношение к богатству по крайней мере на нормативном уровне остается несколько скептическим. Его появление и исчезновение не связаны с работой и мало предсказуемы (около 70% бедных соглашаются с пословицей «Богатство — вода: пришла и ушла»), и даже если оно есть, то связано не только с высоким уровнем жизни, но и с сопутствующими проблемами, невозможностью спокойной жизни («Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи» — с этим согласны почти две трети бедных). Кроме того, на уровне декларируемых бедными взглядов богатство ассоциируется у них с негативными качествами: «Чем беднее — тем щедрее, чем богаче — тем скупее» (среди небедных доля согласных с этим ниже, чем среди бедных, хотя и первые в массе своей все-таки соглашаются с этой пословицей).

Таким образом, мы вновь видим, что *бедные еще в большей степени, чем остальные россияне, не верят в справедливость оснований богатства в современной России и выражают скептическое отношение к богатым*. Не удивительно, что *бедность воспринимается россиянами пока, скорее, не как порок, а как несчастье*, причем это также характерно в большей степени именно для бедных, среди которых так считают более 80%. Для небедных тоже характерно понимание бедности, скорее, как несчастья, но количественно эта доля оказывается ниже (74%).

Интересно и то, что большинство (около 60%) бедных на уровне декларируемых ими норм демонстрирует достаточно спокойное отношение к деньгам и богатству, соглашаясь с тем, что «Не в деньгах счастье». Тем не менее, среди них такое мнение распространено в меньшей степени, чем среди небедного населения (67%).

Какие же изменения в отношении к бедности и богатству произошли среди бедных россиян в течение последних 10 лет (рис. 8.1 и 8.2)?

Как видно из рис. 8.1 и 8.2, в течение последних лет картина представлений бедных о богатстве и бедности осталась практически той же. Обращают на себя внимание два момента: во-первых, *среди бедных «по доходам» снизилась доля тех, кто считает, что счастье — не в деньгах (с 68 до 60%)*, что, по всей видимости, отражает обострившуюся ситуацию с неравенствами доходов, о которой шла речь в предыдущей главе книги. Во-вторых, *бедные россияне все в большей степени уверены, что богатство в России имеет под собой сомнительные основания, не связанные с трудом и эффективностью работы*: за последние 10 лет среди них возросла доля согласных с пословицей «От трудов правед-



**Рис. 8.1.** Динамика отношения бедных «по доходам» к бедности и богатству, 2003 и 2013 гг., %



**Рис. 8.2.** Динамика отношения бедных «по лишениям» к бедности и богатству, 2003 и 2013 гг., %

ных не наживешь палат каменных» (с 78 до 84%). Что же касается бедных «по лишениям», то среди них несколько выросла доля тех, кто согласен с тем, что богатство – временное и неустойчивое состояние, и слегка уменьшился негативизм в адрес богатых.

Однако нормативно-ценностные системы россиян характеризуются отнюдь не только спецификой их отношения к богатству и бедности. Посмотрим, какие ценностные установки вообще характерны для бедных россиян и как они изменились в течение последних 10 лет. В табл. 8.2 представлено распределение ответов бедных и небедных по ряду ценностных суждений, относящихся к пониманию свободы, совести и морали.

Таблица 8.2

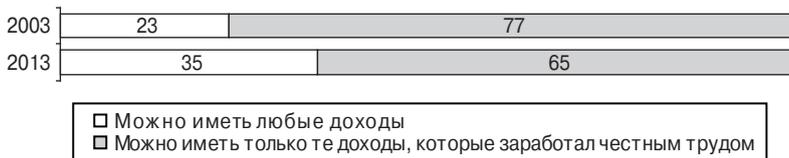
**Некоторые ценностные установки разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., %**

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	63	57	64
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	37	43	36
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	48	49	51
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	52	51	49
Можно иметь любые доходы независимо от того, как они получены	35	32	28
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом	65	68	72
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы были спокойная совесть и душевная гармония	81	74	76
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	19	26	24

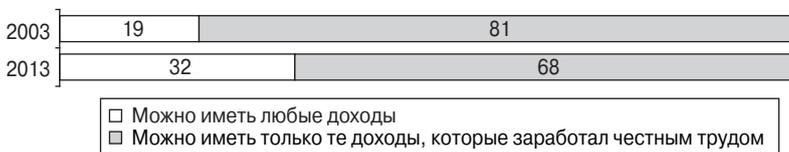
Первое, что нужно отметить, комментируя эти данные, – *отсутствие качественных различий как между бедными и небедными, так*

и между бедными «по доходам» и бедными «по лишениям» по степени распространения тех или иных ценностных установок. В отношении к свободе, совести, морали бедные россияне выражают ценности, характерные и для небедного населения. Так, в представлениях 63% бедных «по доходам» и 57% бедных «по лишениям» свобода имеет безусловный приоритет над материальными ценностями, а спокойная совесть и гармония — над властью и влиянием на других (81 и 74% соответственно). Две трети бедных «по доходам» и «по лишениям» (65 и 68% соответственно) считают, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом, а это согласуется с приведенными в предыдущей главе данными о толерантности бедных россиян к неравенствам, обусловленным справедливыми, в их представлениях, основаниями. Однако нужно отметить и следующий факт: бедные «по доходам» чаще, чем небедное население, выражают согласие с тем, что можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены (с этим согласны 35% бедных «по доходам» и 28% небедного населения).

При этом изменения, произошедшие за последние 10 лет, оказались достаточно значимыми: в 2003 г. соглашались с тем, что можно иметь любые доходы, только 23% бедных «по доходам» и 19% бедных «по лишениям», в то время как доля согласных с этим среди небедного населения была практически такой же, как и в 2013 г. — 29% (рис. 8.3 и 8.4).



**Рис. 8.3.** Динамика отношения бедных «по доходам» к различным способам получения доходов, 2003 и 2013 гг., %



**Рис. 8.4.** Динамика отношения бедных «по лишениям» к различным способам получения доходов, 2003 и 2013 гг., %

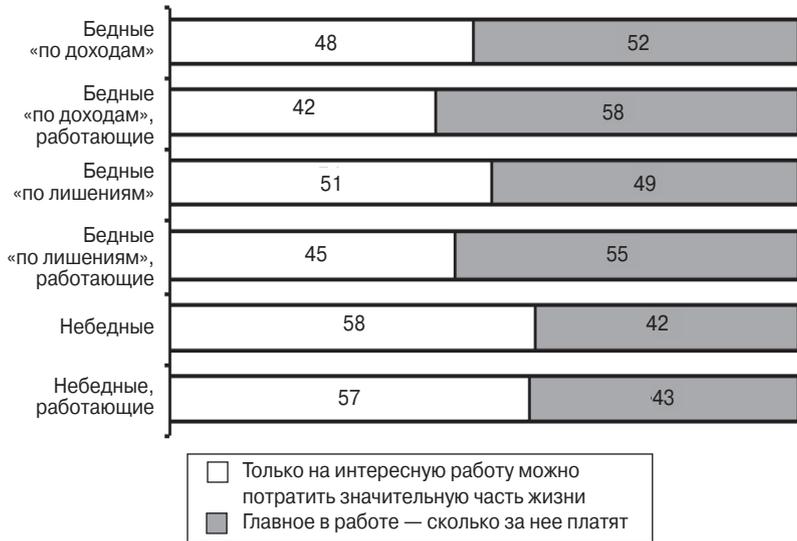
Значительный рост доли бедных, допускающих получение доходов любыми способами, в условиях отсутствия подобной динамики среди остального населения еще раз свидетельствует об их разочаровании в возможностях улучшить свою жизнь с помощью честного труда. Напомним, что об этом свидетельствовали и приведенные в главе 7 данные о снижении толерантности россиян к неравенствам в последние годы, обусловленном ощущением несправедливости их оснований.

Что касается динамики других ценностных установок, то *отношение к свободе и ее приоритет над материальным благополучием оставались неизменными в течение последних 10 лет в группах как бедных, так и небедных россиян*. В 2003 г. о приоритете свободы над материальным благополучием заявляли 66% бедных «по доходам» (в 2013 г. – 63%), практически столько же бедных «по лишениям», а также 65% небедных россиян (в 2013 г. – 64%). Однако *заметный рост показало стремление к власти и возможности оказывать влияние на других, причем как среди бедных, так и среди небедных*. И хотя установка на то, что в своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы иметь спокойную совесть и душевную гармонию, продолжает доминировать как среди бедных, так и среди небедных россиян, доля сторонников противоположной ценностной установки, связанной со стремлением к власти, выросла по сравнению с 2003 г. с 8 до 19% среди бедных «по доходам», с 11 до 26% – среди бедных «по лишениям» и с 12 до 24% – среди небедных россиян.

Обратимся теперь к трудовым мотивациям бедного населения. В данном вопросе различия между бедными и небедными носят достаточно выраженный характер, особенно в работающей части этих групп (рис. 8.5).

Как видно из рис. 8.5, *среди бедных мотивация к труду, основанная на размере материального вознаграждения, распространена в заметно большей степени, чем среди небедного населения, где преобладает трудовая мотивация, основанная на интересе к работе*. При этом среди бедных «по доходам» важность размеров оплаты труда чуть выше, чем среди бедных «по лишениям».

Нужно обратить внимание еще и на то, что при рассмотрении только работающих россиян, т.е. тех, кто дает ответ не только исходя из своей нормативно-ценностной модели, но и из реалий собственной жизни, распределение ответов небедного населения остается практически таким же, как и у небедных россиян в целом, демонстрируя преобладание мотивации интереса к работе, в то время как в



**Рис. 8.5. Трудовая мотивация в разных группах бедных и небедного населения, 2013 г., %**

обеих группах работающих бедных наблюдается заметный рост мотивации, связанной с оплатой труда. Таким образом, среди работающих бедных трудовая мотивация, связанная с размерами материального вознаграждения, уверенно преобладает над мотивацией, связанной с содержанием работы (58% среди работающих бедных «по доходам» и 55% среди работающих бедных «по лишениям» выражают согласие с тем, что главное в работе — это сколько за нее платят). Это показывает, что ценностные установки бедных сильно связаны с особенностями их собственной жизненной ситуации и теми проблемами, которые они вынуждены решать в своей повседневной жизни.

Если рассматривать динамику этого показателя за последние 10 лет, то среди бедных «по доходам», бедных «по лишениям» и небедных направление изменений оказалось различным: для бедных «по доходам» снизилась мотивация, основанная на содержании работы, в то время как для бедных «по лишениям» и небедного населения она, наоборот, возросла, причем это характерно как для работающих, так и для неработающих их представителей (табл. 8.3).

Таким образом, динамика ценностных установок бедных частично отражает тенденции, характерные для всего общества в целом (рост

Таблица 8.3

**Динамика трудовых мотиваций работающих представителей разных групп бедных и небедного населения, 2003 и 2013 гг., %**

Альтернативные суждения	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2003	2013
	2003	2013	2003	2013		
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	52	42	39	45	51	58
Главное в работе – сколько за нее платят	48	58	61	55	49	42

Таблица 8.4

**Ценностные ориентации разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., %**

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках	46	46	<b>58</b>
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	54	54	<b>42</b>
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	46	44	<b>57</b>
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	54	56	<b>43</b>
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	54	58	71
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	46	42	29

стремления к власти и возможности оказывать влияние на других), а частично демонстрирует изменения, характерные только для бедных (рост согласия с возможностью иметь любые доходы независимо от способов их получения, рост трудовой мотивации, связанной с материальным вознаграждением и т.п.). По-видимому, нормативные представления бедных быстрее подвергаются корректировке в связи со столкновением их с реальностью, ситуацией постоянной нехватки

доходов и сложностью нахождения работы, позволяющей выбраться из ситуации бедности.

Посмотрим теперь на те нормы и ценности, которые ассоциируются обычно с обществами модерна (нонконформизм, внутренний локус-контроль, выбор общества равенства возможностей в противовес обществу равенства доходов и т.п.). Можно ли утверждать, что эти ценности в меньшей мере свойственны российским бедным, чем представителям небедного населения?

Из данных табл. 8.4 видно, что внутренний локус-контроль, как и другие ценности модерна, в меньшей мере характерны для обеих групп бедных. Так, только 46% бедных, выделенных по каждому из подходов, согласны с тем, что успех и неудачи находятся в руках самого человека, в то время как среди небедных с этим согласны более половины. Практически идентична и ситуация с нонконформизмом: более половины бедных считают, что лучше жить как все, в то время как более половины небедных придерживаются мнения о том, что выделяться среди других лучше, чем жить как все. Наконец, еще ярче различия между этими группами проявляются в вопросе выбора между обществом равенства возможностей и обществом равенства доходов: для 71% небедных россиян приоритетным вариантом выступает общество равных возможностей, в то время как среди бедных «по лишениям» эта доля сокращается до 58%, а среди бедных «по доходам» — даже до 54%.

Таким образом, *ценности и установки, характерные для общества модерна, а именно нонконформизм, внутренний локус-контроль и приоритет равенства возможностей, оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения.* Однако нужно отметить, что сама группа бедных россиян не является однородной, и по всем этим вопросам в ней выделяются сторонники и модернистских, и традиционалистских ценностей.

Если обратиться к динамике данных, то *сравнение с 2003 г. показывает, что во всех группах за это время возросла поддержка нонконформизма, хотя и в разной степени* (с 43 до 46% среди бедных «по доходам», с 33 до 44% среди бедных «по лишениям» и с 51 до 57% среди небедных). Что же касается выбора в дилемме «равенство возможностей» — «равенство доходов», то здесь картина не столь однозначна (табл. 8.5).

Как видно из данных табл. 8.5, мнение бедных «по лишениям», как и небедного населения, за последние 10 лет не изменилось. При этом установки бедных «по доходам» за это время изменились очень

Таблица 8.5

**Динамика ценностных установок разных групп бедных и небедного населения, 2003 / 2013 гг., %**

Альтернативные суждения	Бедные				Небедные	
	по доходам		по лишениям		2003	2013
	2003	2013	2003	2013		
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	68	54	56	58	70	71
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	32	46	44	42	30	29

значительно, и перераспределение их голосов произошло в сторону поддержки общества равных доходов. Видимо, и в данном случае можно говорить о том, что к изменениям ценностных установок представителей этой части бедных слоев населения приводят особенно мучительные именно для них столкновения все еще разделяемых ими и характерных для российской культуры в целом норм с их повседневной реальностью, пониманием избыточности существующих неравенств доходов и невозможности улучшить свою позицию в обществе, даже прикладывая к этому значительные усилия, ощущение мизерности собственных доходов на фоне активной рекламы всякого рода товаров и начавшейся стигматизации бедных.

Посмотрим теперь, каким при таких ценностных установках бедные россияне видят дальнейший путь развития России. Интересно, что по этому вопросу качественных расхождений между бедным и небедным населением не наблюдается. Две трети бедных «по доходам», как и две трети бедных «по лишениям» (по 66%), и 62% небедных россиян уверены, что Россия – особая цивилизация и в ней никогда не привьется западный образ жизни. И лишь около трети каждой из этих групп (34% среди бедных и 38% среди небедных) считают, что наша страна должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны. Таким образом, *несмотря на разную степень принятия ценностей современных обществ бедными и небедными россиянами, среди всего населения страны существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и невозможности слепо скопировать в ней западные образцы.*

Впрочем, нельзя утверждать, что эта точка зрения – константа национального самосознания. За последние 10 лет картина распределения мнений по этому вопросу претерпела заметные изменения (рис. 8.6) и доля сторонников западного пути развития существенно выросла. При этом, хотя рост поддержки идеи западного пути для России произошел во всех группах, он был характерен для бедных даже в большей степени, чем для небедного населения.



**Рис. 8.6. Динамика мнения разных групп бедных и небедного населения о пути развития России, 2003 и 2013 гг., %**

Связаны ли эти сдвиги со сменой возрастных когорт и не скажется ли на отношении к западному пути развития социализация в разных исторических условиях? Данные опросов показывают, что такой связи нет и представители всех возрастных когорт относятся к данному вопросу практически одинаково.

В то же время молодежь, в том числе и молодежь из бедных слоев, характеризуется определенной спецификой своих ценностей и установок в других отношениях. Так, молодые бедные чаще, чем бедные старших возрастов, считают, что без свободы жизнь теряет смысл, а материальное благополучие по сравнению со свободой второстепенно, чаще разделяют ценности нонконформизма и стремление выделяться среди других, чаще характеризуются внутренним локус-контролем и считают, что их успех и неудачи – в их собственных руках. Следовательно, ценности современных обществ свойственны молодым бедным в большей степени, чем бедным из старших возрастных когорт.

*В то же время молодые бедные одновременно считают допустимыми любые доходы независимо от способа их получения и характеризуются готовностью при необходимости переступить через нормы морали. По ряду из этих позиций молодые бедные демонстрируют качественные отличия от бедных старших возрастов, что в очередной раз свидетельствует о высокой ценностной гетерогенности группы бедных. Однако при всех этих различиях, оценивая возможные пути России, и молодые, и пожилые бедные сходятся во мнении, что западный путь развития не подходит для нашей страны (табл. 8.6).*

Интересными особенностями характеризуются с точки зрения их ценностных установок *хронические бедные* – те, кто, по их самооценкам, находится в бедности уже более трех лет. Хотя они и не демонстрируют качественных отличий по своим ценностным установкам от остальных бедных, существенные количественные отличия все же имеют место. Так, *они чаще, чем остальные бедные, говорят о важности материального благополучия в ущерб свободе и о том, что главное в работе – это сколько за нее платят, что свидетельствует, если воспользоваться для интерпретации данного факта концепцией Р. Инглхарта, о большей распространенности среди них ценностей выживания и меньшей – ценностей свободы и самореализации*<sup>6</sup>. Они также *реже характеризуются ценностями неконформизма и внутреннего локус-контроля*, склоняясь к тому, что лучше быть как все и что жизнь человека полностью зависит от внешних обстоятельств. Однако одновременно с этим они чаще, чем остальные бедные, демонстрируют приверженность нормам морали и неготовность переступить через них для достижения успеха в жизни. Впрочем, когда речь идет уже не об абстрактном успехе, а о доходах, то они чаще выражают согласие с тем, что можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены.

Нормы и ценности бедных слоев населения в сравнении с небедными интересно проанализировать не только по отдельным компонентам, но и комплексно, с точки зрения преобладающих в тех или иных социальных группах нормативно-ценностных систем. Для выделения базовых нормативно-ценностных систем был проведен кластерный анализ методом k-средних по установкам, представленным в табл. 8.6. Результаты анализа позволили выделить три типа нормативно-ценностных систем, характерных для россиян, которые

---

<sup>6</sup> *Welzel C., Inglehart R.F. Modernization, Cultural Change and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.*

Таблица 8.6

**Особенности ценностных установок бедных из полярных возрастных групп, 2013 г., %**

<b>Альтернативные суждения</b>	<b>Младше 30 лет</b>	<b>Старше 50 лет</b>
Свобода – то, без чего жизнь теряет смысл	69	54
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	31	46
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	<b>61</b>	37
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные принципы и нормы	39	<b>63</b>
Можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены	40	26
Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом	60	74
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы была спокойная совесть и душевная гармония	75	78
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	25	22
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	46	<b>60</b>
Главное в работе – это сколько за нее платят	<b>54</b>	40
Человек сам кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках	56	41
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	44	<b>59</b>
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	<b>61</b>	36
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	39	<b>64</b>
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	62	58
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей	38	42
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	39	33
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	61	67

были условно названы нами «мораль и традиции», «нонконформизм и свобода» и «мораль и самовыражение».

Для нормативно-ценностной системы **«мораль и традиции»** были характерны следующие особенности: ориентация на моральные нормы (признание только тех доходов, которые заработаны честным трудом, и неготовность переступить через моральные принципы для достижения успеха); конформизм и преобладание внешнего локуса-контроля (желание жить как все, а не выделяться среди других, и уверенность, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами); преобладание ценностей выживания в противовес ценностям свободы и самореализации (доминирование материального благополучия над свободой и оплаты труда в противовес его содержанию, ориентация на равенство доходов, а не равенство возможностей) и, наконец, уверенность в том, что Россия – особая цивилизация, для которой не подойдет западный путь развития.

Система норм и ценностей, названная нами **«нонконформизм и свобода»**, имела кардинально иное наполнение: мораль в ней не играла ключевой роли (наоборот, для этой модели были характерны принятие любых доходов независимо от способа их получения и готовность переступить через мораль ради достижения успеха); внутренний локус-контроль и нонконформизм, поддержка равенства возможностей в противовес равенству доходов и ориентация на западный путь для России. Однако ценности выживания в ней не полностью сменились ценностями самовыражения: хотя свобода признавалась более приоритетной, чем материальное благосостояние, главным в работе оставалась оплата, а не ее содержание.

Наконец, для модели **«мораль и самовыражение»**, как и для первой модели, были характерны ориентация на моральные нормы (признание только честных доходов и неготовность нарушать моральные нормы ради успеха), а также понимание особого пути России, но при этом, как и во второй модели, преобладали нонконформизм, внутренний локус-контроль, ориентация на равенство возможностей. В отличие от обеих рассматриваемых моделей для нее были характерны не только признание приоритета свободы над материальным благосостоянием, но и содержание труда над его оплатой.

Посмотрим, учитывая смысловое наполнение каждой из этих нормативно-ценностных моделей, какие из них характерны для россиян из разных социальных групп (табл. 8.7).

Таблица 8.7

**Нормативно-ценностные системы разных групп бедных и небедного населения (распределение по кластерам в различных социальных группах), 2013 г., %**

Нормативно-ценностные модели	Бедные «по доходам»	Бедные «по лишениям»	Хронические бедные	Небедные
«Мораль и традиции»	39	37	45	24
«Нонконформизм и свобода»	31	31	28	30
«Мораль и самовыражение»	30	32	27	<b>46</b>

Как видно из данных табл. 8.7, бедные – и особенно хронически бедные россияне – отличаются от небедного населения не только по отдельным элементам их нормативно-ценностных систем, но и по степени распространенности среди них приверженцев тех или иных нормативно-ценностных моделей. Так, среди хронических бедных со значительным перевесом преобладает модель «мораль и традиции», в наибольшей степени соответствующая обществам традиционного типа, в то время как среди небедных доминирующей оказывается модель «мораль и самовыражение», которая отражает некоторые характерные нормы и ценности обществ модерна. Среди бедных «по доходам» и бедных «по лишениям» преобладает модель «мораль и традиции», но с гораздо меньшим перевесом, чем это характерно для хронических бедных, поскольку обе эти группы делятся на три примерно равные части, составляющие немногим более или чуть менее трети. Это переводит вопрос о ценностном расколе между бедными и небедными в иную плоскость, превращая его, скорее, в вопрос о ценностном расколе среди самих бедных, гетерогенных по своим установкам.

Как мы не раз отмечали выше, с ценностными установками тесно связаны и вопросы морали, нормы которой также относятся к элементам нормативно-ценностных систем. Проанализируем, есть ли какие-то особенности в морали бедных россиян, которые отличали бы их от небедного населения (табл. 8.8).

Как видно из данных табл. 8.8, и в этом вопросе различия между бедными «по доходу» и бедными «по лишениям» минимальны и практически по всем позициям находятся в рамках статистической погрешности. В то же время со взглядами небедных россиян у них

Таблица 8.8

**Особенности морали разных групп бедных и небедного населения, 2013 г., % (доли тех, кто считает, что те или иные действия никогда не могут быть оправданы)**

Действия	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
Употребление наркотиков	97	97	94
Плохое воспитание собственных детей, невнимание к ним	89	89	90
Жестокое обращение с животными	87	87	83
Гомосексуализм	83	85	<b>75</b>
Проституция	79	82	<b>74</b>
Обогащение за счет других	75	81	<b>69</b>
Пьянство, алкоголизм	75	75	77
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, вероисповеданий	69	68	70
Супружеская измена	65	64	<b>54</b>
Хамство, грубость, нецензурная брань	64	65	66
Деловая необязательность	63	65	<b>58</b>
Дача/получение взятки	54	59	52
Сопrotивление полиции	53	54	<b>47</b>
Уклонение от уплаты налогов	51	55	51
Присвоение найденных вещей, денег	48	50	47
Уклонение от службы в армии	44	46	41
Аборт	42	42	41

*Примечание.* Жирным шрифтом выделены варианты ответов, по которым ответы небедного населения не менее чем на 5% отличались от ответов обеих групп бедных.

есть ряд отличий, связанных с меньшей распространенностью среди последних ряда моральных норм.

Какие же поступки и действия, по мнению бедных россиян, никогда не могут быть оправданы? Лидерами списка аморальных действий выступает *употребление наркотиков*, которое не принимают ни при каких условиях 97% бедных. На втором месте оказывается *плохое воспитание собственных детей и невнимание к ним* (89% бедных). Затем по степени недопустимости следует *жестокое обращение с животными*. К этим же поступкам проявляет максимальную нетерпимость и небедное население.

Более 70% бедных также считают, что никогда не могут быть оправданы гомосексуализм, проституция, обогащение за счет других, пьянство и алкоголизм. Менее 70%, но более половины считают неприемлемыми публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, супружескую измену, хамство и грубость, деловую необязательность. В эту же группу попадают и неправомерные действия, связанные с процессом взаимодействия с властными структурами, причем по отношению к таким действиям бедные проявляют бóльшую толерантность, чем к поступкам и действиям, перечисленным выше: взяточничеству, сопротивлению полиции, уклонению от уплаты налогов. Наконец, наибольшая толерантность среди бедного населения наблюдается по отношению к присвоению найденного, уклонению от службы в армии и абортам.

При этом, хотя *ответы бедных в целом соответствуют картине, характерной для всего населения*, по ряду позиций между ними наблюдались заметные количественные отличия, и по всем ним бедные проявляли меньшую толерантность, чем небедные. В частности это относилось к гомосексуализму (75% небедных и 83–85% бедных считали, что он никогда не может быть оправдан), проституции (74% небедных и 79–82% бедных), обогащению за счет других (69% небедных и 75–81% бедных), деловой необязательности (58% небедных и 63–65% бедных), супружеской измене (54% небедного населения и 64–65% бедных) и сопротивлению полиции (47% небедного населения и 53–54% бедных). Таким образом, *на уровне нормативных моделей бедные россияне в ряде случаев проявляют даже большую нетолерантность к аморальным поступкам, в целом отражая, однако, в вопросах морали и характерные особенности взглядов всего населения*. Что же касается возрастных различий, то молодые бедные более спокойно относятся к таким поступкам, как обогащение за счет других, дача или получение взятки, деловая необязательность, уклонение от уплаты налогов, чем бедные старшего возраста.

Подведем итоги.

Нормативно-ценностные системы, характерные для бедных, не отличают их качественно от небедного населения. Кроме того, сами бедные неоднородны по своим нормативно-ценностным представлениям: в качестве факторов дифференциации выступают, прежде всего, возраст, а также длительность нахождения в бедности и статус на рынке труда. Поэтому говорить о ценностном расколе между бедным и небедным населением или о формировании особой культуры бедности в России пока не приходится, хотя по ряду позиций количествен-

ные различия между бедными и небедным населением достаточно заметны, и в случае их нарастания вопрос о наличии в России особой субкультуры бедных и ее роли в закреплении их маргинального положения может актуализироваться.

В отношении к свободе, совести, морали бедные выражают ценности, характерные и для небедных россиян. Так, в представлениях большинства из них свобода имеет безусловный приоритет над материальными ценностями, а спокойная совесть и гармония — над властью и влиянием на других. При этом большинство бедных считают, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом, хотя доля сторонников таких взглядов заметно сократилась за последние 10 лет, демонстрируя разочарование в возможностях добиться улучшения своей жизни с помощью честного труда. Что касается трудовых мотиваций бедных, то для них материальная компонента работы оказывается важнее, чем для небедных, и особенно ярко это проявляется у хронических бедных.

Ценности и установки, характерные для современных обществ, — нонконформизм, внутренний локус-контроль и приоритет равенства возможностей — оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения, чем среди небедного. Однако сама группа бедных россиян не является однородной, и по всем этим вопросам в ней выделяются как сторонники модернистских ценностей, так и традиционалисты. Важным фактором дифференциации бедных в это отношении оказывается возраст: ценности современных обществ в значительно большей степени свойственны молодым бедным, чем бедным из старших возрастных когорт. В то же время молодые бедные характеризуются одновременно широкой распространенностью признания допустимости любых доходов независимо от способа их получения и готовностью при необходимости переступить через нормы морали ради материального успеха в жизни. Однако, несмотря на разную степень распространенности тех или иных ценностей и установок как среди бедных и небедных, как и среди разных возрастных когорт во всех слоях населения, у большинства россиян существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и неприемлемости для нее западного пути развития.

## О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ БЕДНЫХ

*Н.Н. Седова*

Социально-психологическое состояние представителей той или иной социальной группы является одним из наиболее ярких показателей ее положения и самочувствия в обществе, своеобразной лакмусовой бумажкой для оценки ее социального благополучия. Оно аккумулирует в себе и отражает совокупность самых разных составляющих жизни – от сугубо материальных до метафизических. При этом важность оценки социальных настроений в обществе связана не только с тем, что она позволяет оценить уровень социального благополучия общества в целом и отдельных его слоев, но и с тем, что социальные настроения являются, в свою очередь, двигателем общественного развития. По определению Ж.Т. Тощенко, социальное настроение, представляя по своей сути эмоционально-рациональное состояние, отражает и тот факт, что человек не просто влияет на окружающий мир, а активно участвует в его конструировании<sup>1</sup>. Актуальность рассмотрения социального настроения как фактора, детерминирующего социальное поведение, обусловлена тем, что социальное настроение составляет аффективную и ценностную основу общественного мнения и выражается через социальные установки, которые становятся побудителями к действию<sup>2</sup>.

В ходе исследования 2013 г. для оценки социально-психологического состояния группы бедных<sup>3</sup> использовались следующие показатели: а) самооценки респондентами своей жизни в целом; б) само-

---

<sup>1</sup> Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.

<sup>2</sup> Рубина Л.Я. Социальное настроение молодежи в условиях трансформации российского общества. Автореферат дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ, 2009.

<sup>3</sup> Поскольку в отношении их социально-психологического состояния и досуговой активности бедные «по доходам» и «по лишениям» очень схожи между собой, далее мы

оценки повседневного эмоционально-психологического состояния; в) интенсивность переживаемых чувств, характеризующих взаимоотношения человека с внешним миром; г) основные испытываемые страхи и опасения.

Говоря об оценке россиянами своей жизни в целом, прежде всего, следует отметить, что *большинство населения России своей жизнью в большей или меньшей степени довольны*: так, 29% считают, что их жизнь в целом складывается «хорошо», еще 62% дают оценку «удовлетворительно». На противоположной чаше весов – мнения 9% россиян, заявляющих, что их жизнь складывается «плохо». Кроме того, в последние годы наблюдается постепенное повышение самооценок: доля ответов «хорошо» за последнее десятилетие выросла (с 20 до 29%), тогда как доля ответов «плохо», наоборот, сократилась (с 13 до 9%). Эта тенденция имеет устойчивый долгосрочный характер: если до 2001 г. преобладали оценки негативного полюса (с максимальными значениями доли ответов «плохо» в 26–27% и минимальными долями ответов «хорошо» на уровне 11–12% в 1995–1999 гг.), то начиная с 2001 г. относительное доминирование положительного полюса самооценок закрепилось и постепенно усиливается<sup>4</sup> (рис. 9.1).



**Рис. 9.1. Динамика самооценок россиянами своей жизни в целом, 2003–2013 гг., %**

Таким образом, *наблюдаются картина постепенного вытеснения социального пессимизма оптимизмом, тенденция смены двухполярной системы самооценок на однополярную с отчетливым доминированием знака «плюс»*. И хотя россияне довольно осторожно осваивают оптимистичный подход к собственной жизни и в своей массе продолжают

будем говорить о бедных в целом. В тех случаях, когда между разными их группами наблюдались значимые расхождения, мы будем их отмечать и описывать.

<sup>4</sup> Для более подробного ознакомления с динамикой самооценок россиянами своей жизни за период с 1994 г. см.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010.

придерживаться умеренных ее оценок, тем не менее, определенная позитивная тенденция очевидна.

Относительно благополучная ситуация по стране в целом (особенно по сравнению с ситуацией 10-летней давности) по-разному преломляется среди бедных и небедных россиян. Российские бедные отличаются заметно более низким показателем удовлетворенности жизнью, причем разница в их оценках по сравнению с оценками небедных очень значительна: доля бедных, оценивающих свою жизнь хорошо, в 4 раза ниже соответствующего показателя небедных, а доля оценивающих ее плохо – выше в 6 раз (рис. 9.2). Наиболее ярко пессимизм проявляется в самооценках респондентов, находящихся в состоянии бедности три года и более, т.е. хронических бедных. Более трети представителей этой группы (34%) считают, что в целом их жизнь складывается плохо, и только 2% смотрят на нее с оптимизмом.

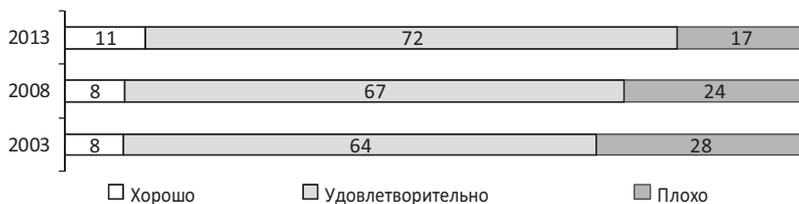


**Рис. 9.2. Распределение самооценок своей жизни бедными, хроническими бедными и небедными, 2013 г., %**

Показательно, что среди бедных, в ближайшем окружении которых бедные отсутствуют, показатели удовлетворенности жизни максимальны: так, 21% из них считают, что жизнь складывается хорошо. Доля позитивно настроенных среди тех, у кого в ближнем кругу есть одна-две бедных семьи, ниже (13%), и она совсем мала среди бедных, живущих именно в бедном окружении (5%). Можно предположить, что инструментами эмоциональной компенсации бедности отчасти служат общение с благополучными близкими людьми и возможность поддержки с их стороны, т.е. состояние бедности в этом случае не вызывает ощущения исключенности из «мейнстрима».

Выше мы обратили внимание на то, что среди всего населения самооценка жизни в целом в последние годы имеет тенденцию к некоторому улучшению. Как показал анализ данных проведенного исследования, *социально-психологическое состояние бедных слоев обще-*

ства имеет тот же тренд на постепенное улучшение самочувствия. За последнее десятилетие доля бедных, которым собственная жизнь представляется хорошей, немного выросла (с 8 до 11%), а доля тех, кто считает, что их жизнь складывается плохо, сократилась (с 28 до 17%, рис. 9.3).



**Рис. 9.3. Динамика самооценок жизни в целом среди бедных россиян, 2003–2013 гг., %**

Сравнивая Россию с зарубежными странами, и прежде всего с ее ближайшими соседями — европейскими государствами, надо отметить, что нынешние успехи российского общества в освоении оптимистичного подхода к жизни на общем фоне выглядят более чем скромно. Приведем данные «Европейского социального исследования (ЕСС)» 2010 г.<sup>5</sup>: по уровню удовлетворенности своей жизнью в целом россияне заняли 24-е место (из 26), хуже уровень самооценок только в Болгарии и на Украине (табл. 9.1). В лидерах рейтинга такие экономически развитые и социально ориентированные страны, как Дания, Швейцария, Финляндия, Норвегия и Швеция, занявшие соответственно с 1-го по 5-е места списка. Можно было бы предположить, что отставание России по показателю удовлетворенности жизнью определяется ее недавним политическим и экономическим прошлым, пережитыми системными преобразованиями. Однако в том же рейтинге срединные позиции занимают постсоветские Польша, Словения, Словакия, Эстония, Чехия (соответственно 13, 14, 16, 17 и 18-е места). Пройдя сходный путь развития и по многим показателям будучи близкими к России, эти страны, тем не менее, являются более комфортной «средой обитания» для своих граждан.

<sup>5</sup> Расчеты выполнены автором на базе данных 4-й волны проекта «Европейское социальное исследование (ЕСС)», проведенной в 2010 г. в 26 странах, включая Россию. Массив данных в SPSS и инструментарий исследования (анкета) взяты с сайта проекта: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

Но самое показательное с точки зрения сравнительного анализа социально-психологического положения отдельных групп – это уровень самооценок собственной жизни респондентами с разным уровнем дохода. Низкие самооценки своей жизни (по сравнению с представителями аналогичных доходных групп в других странах) дают даже россияне с высоким уровнем дохода. Так, в группах тех, кто характеризует свой доход как позволяющий жить, не испытывая материальных затруднений, а также тех, кому дохода «в принципе хватает», российские респонденты занимают только 24-е и 23-е места по удовлетворенности жизни. Те же, чей доход столь низок, что «жить на него очень трудно», в рейтинге самооценок жизнью занимают 18-е место, т.е. выглядят заметно более оптимистично по сравнению с бедными в других странах (табл. 9.1). По всей видимости, представители благополучной части российского населения, хорошо знакомые со стандартами жизни в развитых зарубежных странах и отождествляющие себя с социальной «верхушкой», хотели бы жить в России по таким же высоким стандартам. Не получая ожидаемого высокого качества жизни, они испытывают разочарование, что и проявляется в очень низких самооценках. Планка же жизненных притязаний представителей беднейшей части российского общества низка, поэтому они, не имея, в отличие от своих благополучных сограждан, постоянного раздражителя в виде «красивой жизни за бугром», довольствуются тем, что у них есть. Впрочем, для относительного недовольства наиболее благополучной части рядовых россиян есть и другое объяснение. Оно может быть реакцией на негативные нематериальные факторы, обуславливающие низкое качество жизни при высоком ее уровне (неприемлемый уровень агрессии в обществе, плохая экологическая ситуация по месту жительства, пробки на дорогах и т.д.).

Таблица 9.1.

**Уровень удовлетворенности своей жизнью населения европейских стран (рейтинги стран), ЕСС-2010**

Ранг страны	По населению в целом	В группах, выделенных на основе самооценок своего материального положения, в том числе:			
		живут, не испытывая затруднений	имеющегося дохода им в принципе хватает	жить на их доход довольно трудно	жить на их доход очень трудно
1	Дания	Дания	Финляндия	Дания	Норвегия
2	Швейцария	Швейцария	Швейцария	Швейцария	Израиль

Окончание таблицы 9.1.

Ранг страны	По населению в целом	В группах, выделенных на основе самооценок своего материального положения, в том числе:			
		живут, не испытывая затруднений	имеющегося дохода им в принципе хватает	жить на их доход довольно трудно	жить на их доход очень трудно
3	Финляндия	Финляндия	Дания	Норвегия	Дания
4	Норвегия	Польша	Норвегия	Израиль	Финляндия
5	Швеция	Швеция	Нидерланды	Швеция	Испания
6	Нидерланды	Израиль	Израиль	Финляндия	Кипр
7	Бельгия	Норвегия	Бельгия	Нидерланды	Швеция
8	Израиль	Нидерланды	Кипр	Испания	Бельгия
9	Испания	Германия	Швеция	Бельгия	Швейцария
10	Германия	Бельгия	Испания	Кипр	Нидерланды
11	Великобритания	Эстония	Польша	Польша	Ирландия
12	Кипр	Великобритания	Германия	Словения	Словакия
13	Польша	Кипр	Великобритания	Ирландия	Великобритания
14	Словения	Венгрия	Эстония	Великобритания	Чехия
15	Ирландия	Словакия	Словакия	Чехия	Греция
16	Словакия	Испания	Словения	Словакия	Португалия
17	Эстония	Словения	Чехия	Греция	Германия
18	Чехия	Франция	Ирландия	Германия	<b>Россия</b>
19	Франция	Хорватия	Хорватия	Португалия	Словения
20	Хорватия	Ирландия	Венгрия	<b>Россия</b>	Хорватия
21	Португалия	Чехия	Греция	Эстония	Эстония
22	Венгрия	Украина	Португалия	Венгрия	Польша
23	Греция	Болгария	Болгария	Хорватия	Венгрия
24	<b>Россия</b>	<b>Россия</b>	Франция	Болгария	Украина
25	Болгария	Греция	<b>Россия</b>	Украина	Болгария
26	Украина	Португалия	Украина	Франция	Франция

Примечание. В таблице представлены рейтинги стран, составленные на основе средних баллов оценок. 1-е место в рейтинге соответствует самому высокому значению среднего балла данной страны по сравнению с другими странами (самая благоприятная ситуация).

Социально-психологическое состояние людей учитывает не только факторы, связанные с их собственной жизнью, но зависит от самых разных внешних обстоятельств. Анализ данных, характеризующих обычное, повседневное эмоционально-психологическое состояние россиян, свидетельствует о том, что более половины населения (52%) находятся обычно в состоянии эмоционального покоя и еще 6% отмечают эмоциональный подъем (рис. 9.4). Однако немало и тех, чье повседневное эмоциональное состояние имеет негативный акцент (всего таких 42%). При этом одни обычно находятся в безразлично-апатичном состоянии (11%), другие тревожатся за себя и близких (15%), у третьих негатив активен и направлен на окружающих: они испытывают чувство раздражения (13%) или даже озлобленности, агрессии (3%).



**Рис. 9.4.** Характеристика россиянами своего обычного, повседневного эмоционально-психологического состояния, 2013 г.

Возвращаясь к данным уже упоминавшегося исследования ЕСС, позволяющим посмотреть на ситуацию в России в международном контексте, отметим, что на фоне других стран по интенсивности тех или иных эмоциональных переживаний Россия выглядит весьма скромно, находясь в основном в нижней части рейтинга. Так, по показателю, отражающему частоту, с которой респонденты находятся в жизнерадостном, хорошем настроении, Россия занимает 22-е место, по показателю активности и энергичности – 23-е, по отсутствию чувства одиночества – 23-е. Чуть лучше обстоят дела с чувством покоя и умиротворенности, по распространенности которого Россия стоит на 19-м месте (табл. 9.2).

Таблица 9.2

**Показатели эмоционально-психологического самочувствия жителей  
европейских стран (рейтинги стран),  
ЕСС-2010**

Место в рей- тинге	Ответы на вопросы:			
	«Сколько времени в течение последних двух недель Вы...»			«Сколько вре- мени в течение последней недели Вы чув- ствовали себя одиноким?»
	...находились в жизнерадост- ном, хорошем настроении?»	...чувствовали себя спокойно и умиротворен- но?»	...чувствовали себя активным и энергич- ным?»	
1	Дания	Дания	Швейцария	Нидерланды
2	Норвегия	Ирландия	Испания	Дания
3	Швейцария	Норвегия	Ирландия	Швейцария
4	Швеция	Швеция	Израиль	Норвегия
5	Ирландия	Швейцария	Кипр	Финляндия
6	Великобрита- ния	Нидерланды	Бельгия	Германия
7	Нидерланды	Португалия	Франция	Швеция
8	Бельгия	Кипр	Дания	Бельгия
9	Испания	Словения	Словения	Великобритания
10	Германия	Бельгия	Словакия	Польша
11	Финляндия	Германия	Польша	Ирландия
12	Португалия	Великобрита- ния	Португалия	Испания
13	Израиль	Словакия	Нидерланды	Франция
14	Словения	Израиль	Греция	Израиль
15	Кипр	Испания	Швеция	Португалия
16	Франция	Польша	Венгрия	Словения
17	Словакия	Чехия	Норвегия	Эстония
18	Польша	Финляндия	Германия	Болгария
19	Венгрия	<b>Россия</b>	Болгария	Венгрия
20	Чехия	Франция	Финляндия	Хорватия
21	Эстония	Венгрия	Эстония	Чехия
22	<b>Россия</b>	Хорватия	Чехия	Словакия
23	Хорватия	Эстония	<b>Россия</b>	<b>Россия</b>
24	Украина	Болгария	Украина	Греция

Окончание таблицы 9.2

Место в рейтинге	Ответы на вопросы:			
	«Сколько времени в течение последних двух недель Вы...			«Сколько времени в течение последней недели Вы чувствовали себя одиноко?»
	...находились в жизнерадостном, хорошем настроении?»	...чувствовали себя спокойно и умиротворенно?»	...чувствовали себя активным и энергичным?»	
25	Болгария	Греция	Великобритания	Украина
26	Греция	Украина	Хорватия	Кипр

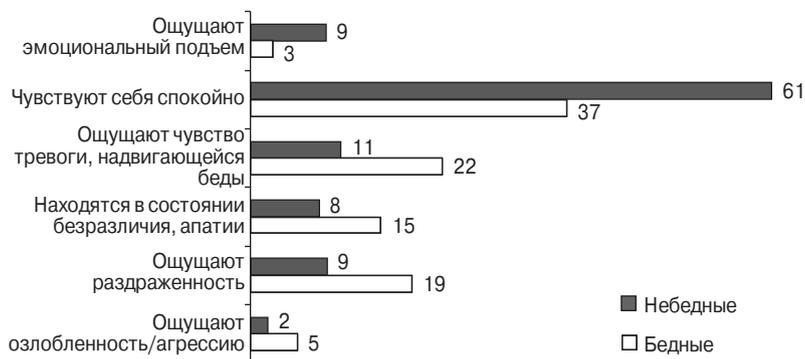
*Примечания.*

1. В таблице представлены рейтинги стран, составленные на основе средних баллов оценок. 1-е место в рейтинге соответствует самому высокому значению среднего балла данной страны по сравнению с другими странами (самая благоприятная ситуация).

2. Средний балл по частоте испытываемого чувства одиночества рассчитывался в обратном порядке: самое низкое значение среднего балла означает самую благоприятную ситуацию (редко испытывают одиночество) и соответствует 1-му месту в рейтинге.

Итак, бедность является важнейшим фактором формирования негативного эмоционального фона повседневной жизни человека, и на этом и без того не слишком благополучном для россиян фоне бедные находятся в относительно худшем положении. Если, как свидетельствуют данные исследования ИС РАН 2013 г., среди небедных россиян обычно в состоянии эмоционального покоя пребывает большинство (61%), то среди бедных «группа эмоционального спокойствия» составляет только 37%. Эмоциональный подъем бедные ощущают втрое реже, чем небедные (3 и 9% соответственно). Напротив, негативные эмоции приходится на долю бедных примерно вдвое чаще: чувство тревоги, надвигающейся беды испытывают 22% бедных и 11% небедных, в состоянии безразличия пребывают 15% бедных и 8% небедных, ощущают раздраженность 19% бедных и 9% небедных. Но самое тревожное то, что бедность связана с негативными эмоциями, направленными от человека во внешний мир, на окружающих: так, в группе бедных 5% постоянно испытывают озлобленность или агрессию – при 2% среди небедных (рис. 9.5).

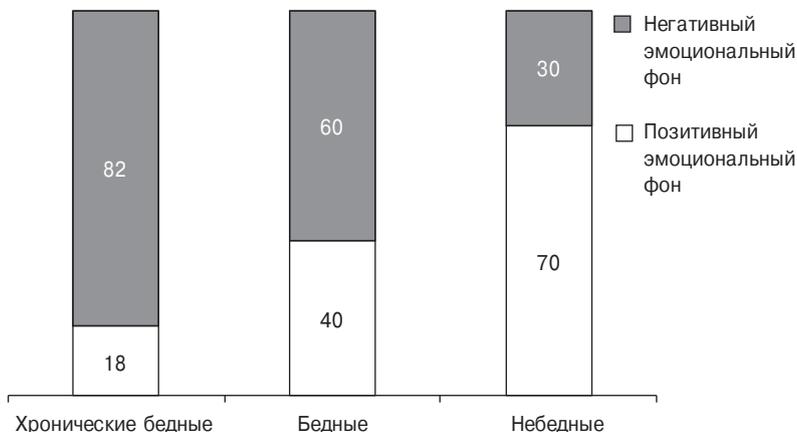
Суммируем рассматриваемые показатели повседневного эмоционально-психологического состояния до двух категорий – позитивный и негативный эмоциональный фон. Под «позитивным эмоциональным фоном» будем понимать такие обычные для респондентов повседневные состояния, как ощущение эмоционального подъема и спокойное состояние. К «негативному эмоциональному фону» отнесем ощущения тревоги или надвигающейся беды, состоя-



**Рис. 9.5 . Характеристика обычного, повседневного эмоционально-психологического состояния бедными и небедными россиянами, 2013 г., %**

ние апатии или безразличия, раздраженность, озлобленность, агрессию. Этот подход позволяет очень ярко проиллюстрировать различия в эмоционально-психологическом состоянии бедных и хронических бедных россиян на фоне благополучной части общества. Так, доля людей, чья повседневная жизнь проходит на позитивном эмоционально-психологическом фоне, с 70% среди небедных падает до 40% в группе бедных и до 18% (т.е. почти вчетверо) среди хронических бедных. И напротив, если среди благополучных россиян только 30% живут под воздействием негативных эмоций, то среди бедных таких большинство (60%), а в группе хронической бедности негативный эмоциональный фон является повседневностью для подавляющего большинства – 82% (рис. 9.6).

Какие же группы бедных являются наиболее уязвимыми для настроений апатии, тревожности, агрессии? Для ответа на этот вопрос был проанализирован социально-демографический профиль групп бедных, отличающихся в своей повседневной жизни позитивно окрашенным эмоциональным состоянием (чувствуют себя спокойно или на подъеме) или, напротив, характеризующихся эмоциональным негативизмом (от состояния апатии до тревожности, раздражения, озлобленности и агрессии). Как показывает анализ данных, существует прямая зависимость между эмоциональным состоянием и возрастом, причем это касается не только группы бедных, но имеет общезначимый для самых разных социальных групп и категорий характер. В группе бедных среди молодежи до 20 лет фиксируется рекордно высокая для бедных в целом доля тех, кто позитивно смотрит на мир,



**Рис. 9.6 . Повседневное эмоционально-психологическое состояние бедных, хронических бедных и небедных россиян, 2013 г., %**

несмотря на свое бедственное положение, – 71%. В каждой следующей возрастной группе эта доля снижается, а эмоциональный негативизм охватывает все большее число людей, вплоть до 72% среди тех, кому «за 50». Единственной возрастной группой, немного выпадающей из данного тренда, являются бедные самой старшей возрастной группы (от 60 лет), среди которых отмечается некоторое увеличение доли позитивно настроенных людей (до 31% по сравнению с 28% среди 51–60-летних). По всей видимости, здесь мы наблюдаем отражение развития эмоционального состояния части бедных респондентов, связанного с разными периодами трудовой деятельности и ее окончанием. Чем старше работник, тем больше у него накапливается тревожных ожиданий в связи с сохранением рабочего места и уровня оплаты труда, соответствием требованиям работодателя, конкуренцией со стороны более молодых коллег, перспективами выхода на пенсию. По завершении же карьеры и обретении пенсионного статуса многие из этих тревог теряют свою актуальность, человек приспосабливается к новой для себя ситуации, которая приобретает более высокую степень определенности. Соответственно, стабилизируется и эмоциональное состояние.

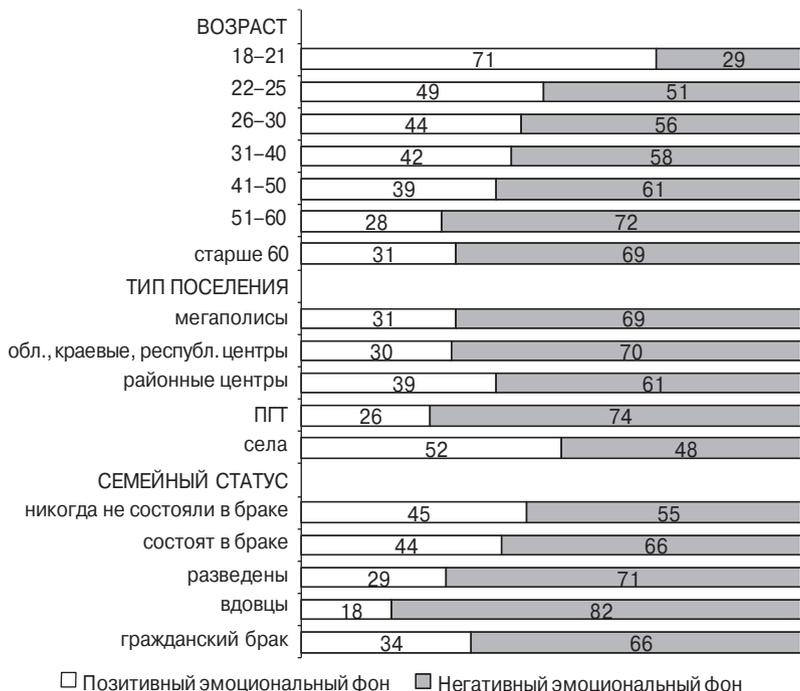
Рассматривая эмоциональный профиль бедных в поселенческом разрезе, можно отметить существенную разницу между бедными в мегаполисах, крупных нестолических городах и в несколько меньшей

степени районных центрах, с одной стороны, и бедными в сельских поселениях — с другой. Проживание в сельской местности создает для бедных эмоционально более комфортную среду, нежели жизнь в городах и тем более столицах: в селах каждый второй бедный (52%) отличается позитивным мировосприятием, тогда как в Москве и Санкт-Петербурге, например, таких только 31%. Очевидно, что на селе болезненное восприятие бедности существенно смикшировано по сравнению со столицами и городской провинцией. Вероятно, эмоциональному благополучию здесь способствуют спокойный образ жизни, более тесные, нежели в городах, социальные связи, а главное — меньшая глубина социального неравенства в местном сообществе.

Еще один срез, дифференцирующий эмоциональное состояние бедных, — их семейное положение. Относительно более комфортно в эмоциональном отношении себя ощущают холостые/незамужние и никогда не состоявшие в браке бедные (45% из них характеризуются позитивным эмоциональным фоном), что, вероятно, связано с преимущественно молодежным составом этой группы. Почти столько же позитивно настроенных респондентов (44%) среди состоящих в официальном браке. А вот гражданский брак снижает долю оптимистов до 33% даже несмотря на то, что характер ведения домашнего хозяйства в семьях, основанных на официальном и гражданском браке, сегодня очень близок, и незарегистрированные браки встречаются все чаще. Но наиболее сильный фактор негативного влияния на эмоциональное состояние — вдовство. Бедные с таким семейным положением чаще всего (82%) имеют негативный эмоциональный статус, и только 18% вдовствующих бедных отличаются позитивным мировосприятием своей жизни в целом. Также на эмоциональный «минус» работает и развод: бедные респонденты в состоянии развода относятся к одной из самых неблагоприятных групп с точки зрения эмоционального самочувствия (рис. 9.7).

*Таким образом, «чистый семейный лист» либо официальный брак сегодня служат залогом относительного эмоционального благополучия российских бедных, тогда как незарегистрированный брак и еще в большей степени вдовство или развод сильно ухудшают эмоционально-психологическое состояние.*

В ходе исследования, помимо общей оценки повседневного эмоционального состояния россиян, тестировалась также интенсивность переживания ими в течение последнего года различных чувств, отражающих их мироощущение, характер и направленность связи между собой и внешним миром — ближним кругом и страной в целом. Для



**Рис. 9.7. Повседневное эмоционально-психологическое состояние представителей различных социально-демографических групп бедных, 2013 г., %**

самооценки респондентам был предложен набор из шести показателей, которые, по данным предыдущих исследований, играют важную роль в общем социально-психологическом самочувствии людей (табл. 9.3).

В целом, как видно из данных табл. 9.3, наиболее часто переживаемым чувством за последний год было ощущение поддержки близких и коллег, уверенность в их помощи в случае необходимости: 37% опрошенных испытывали это ощущение часто, еще 44% — иногда. О том, что за последний год им ни разу не пришлось испытать чувство поддержки со стороны близких, заявили только 19% опрошенных.

В качестве негативной доминанты в структуре тестируемых чувств можно отметить чувство несправедливости всего происходящего вокруг. Так, его часто испытывали 32% россиян, еще 47% испытывали его иногда. Чуть ниже была интенсивность чувства стыда в связи с нынешним состоянием страны и ощущения собственной беспо-

Таблица 9.3

**Распространенность различных чувств, испытываемых россиянами, 2013 г., % (набор чувств ранжирован по убыванию ответа «часто испытываю»)**

Чувства	Часто	Иногда	Практически никогда	Не ответили
Чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится	37	44	19	0
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг	32	47	20	1
Чувствовали стыд за нынешнее состояние своей страны	25	48	26	1
Чувства	Часто	Иногда	Практически никогда	Не ответили
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг	25	47	28	0
Чувствовали, что дальше так жить нельзя	18	43	39	0
Испытывали страх перед будущим из-за ситуации на работе <sup>1</sup>	14	48	37	1

*Примечание.* В последней строке данные приведены по работающим.

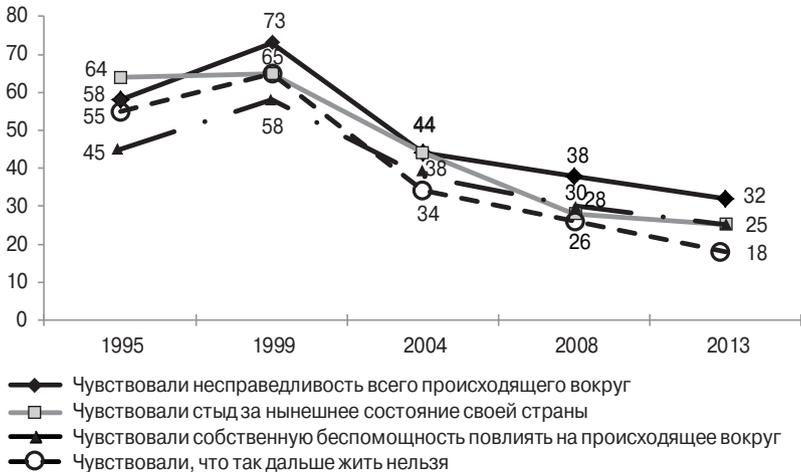
мощности повлиять на происходящее (по 25% респондентов испытывали их часто и 47–48% – иногда).

Наконец, наименьшая интенсивность переживаний была за прошедший год связана у россиян с чувством, что так дальше жить нельзя (18% – часто и 43% – иногда), и страхом перед будущим из-за ситуации на работе (14% – часто, 48% – иногда). Тем не менее, учитывая их значимость в формировании определенного эмоционального состояния человека, наличие данных чувств у большинства населения страны (61–62%) – очень тревожный показатель.

Сложившаяся на сегодняшний день иерархия негативных чувств, испытываемых россиянами, свидетельствует о том, что *наибольший негативный «вклад» в эмоциональное состояние россиян вносит общая ситуация в стране. Именно к ней наиболее часто обращены переживаемые негативные чувства – несправедливости всего происходящего вокруг и стыда за нынешнее состояние страны. Переживания личного порядка,*

связанные с собственным положением и невозможностью повлиять на происходящее, на этом фоне находятся на втором плане.

Динамика данных с 1995 г. подтверждает ранее отмеченную тенденцию снижения негативизма и улучшения социально-психологического состояния россиян. После 1999 г., когда наблюдался всплеск негативных переживаний, в целом фиксировалось их ослабление. Заметно улучшилась в этом отношении и ситуация самых последних лет по сравнению с 2011 г., когда общая неудовлетворенность людей выплеснулась после выборов в Государственную думу «на улицы». Важным позитивным свидетельством этого процесса можно считать ослабление ощущения, что «так дальше жить нельзя», аккумулирующего в себе самые разные негативные эмоции людей. На протяжении последних 10 лет его интенсивность была одной из самых низких (сейчас его часто испытывают 18% граждан), хотя в критическом для социально-психологического состояния россиян 1999 г. это переживание являлось частым спутником для 65% населения (рис. 9.8), а в 2011 г. — для 29% россиян.



**Рис. 9.8. Динамика распространенности негативных чувств среди россиян, 1995–2013 г., % (приведены доли ответов «часто испытывал»)**

В иерархии различных чувств обращает на себя внимание еще одно обстоятельство — динамика распространенности чувства стыда за свою страну. Это чувство вместе с другими негативными переживаниями все реже является постоянным спутником россиян с конца

1990-х гг. Но наиболее выраженными темпы его ослабления были, как видно из рис. 9.8, до 2008 г. В последние 5 лет освобождение россиян от чувства стыда за состояние страны идет уже не так быстро, и сегодня оно является вторым по интенсивности негативным переживанием после чувства несправедливости всего происходящего вокруг.

На общем, в целом благоприятном эмоционально-психологическом фоне группа бедных отличается повышенной интенсивностью негативных и дефицитом положительных переживаний. Если для населения в целом наиболее распространенное чувство – ощущение поддержки близких (40%), то у бедных россиян такие позитивные переживания встречаются заметно реже (31%). Главные доминанты в испытываемых ими чувствах – это чувство несправедливости всего происходящего вокруг (его испытывают 47% бедных) и чувство собственной беспомощности что-то изменить – 38% (рис. 9.9).



**Рис. 9.9. Распространенность различных чувств среди бедных, хронических бедных и небедных россиян, 2013 г., %** (приведены доли ответов «часто испытываю», позиции упорядочены по величине разрыва между ответами бедных и небедных)

Состояние хронической бедности еще больше усугубляет ситуацию. Респонденты, пребывающие в состоянии бедности три года и более, испытывают негативные чувства гораздо чаще остальных бедных, а если сравнивать их с представителями благополучных слоев общества, то смело можно говорить о пропасти между показателями их психоэмоционального состояния. Все негативные чувства в этой группе обострены, ощущения несправедливости происходящего вокруг и собственной беспомощности на это повлиять часто испытывает уверенное большинство хронически бедных россиян (66 и 62% соответственно). Почти каждый второй из них (47%) часто испытывает ощущение, что дальше так жить нельзя. Таким образом, группа хронической бедности буквально «погружена» в негативные мироощущения, причем компенсирующее этот негативизм чувство поддержки со стороны близких испытывает лишь каждый четвертый представитель группы (25%).

Очевидно, что с точки зрения их эмоционально-психологического состояния бедные отличаются от остального населения выраженным пессимизмом и негативизмом. И хотя общая тенденция на улучшение психологического климата в обществе не обошла и эту группу, она отразилась не во всех параметрах. За период с 2003 г. наиболее заметно ослаб негативизм бедных, вызванный стыдом за состояние страны (с 52 до 35%). Также снизилась, хотя заметно слабее, распространенность ощущения, что дальше так жить нельзя (с 39 до 30%), чувства несправедливости происходящего (с 55 до 47%). В то же время никаких позитивных изменений не произошло в отношении оценки собственных возможностей повлиять на происходящее вокруг, усилился связанный с работой страх перед будущим (с 21 до 24%) и, главное, заметно снизилось ощущение поддержки со стороны близких (с 44 до 31%). Таким образом, *если негативные чувства, относящиеся к стране в целом, за это время (возможно, в силу привыкания к ситуации) несколько притупились, то собственная жизненная ситуация стала тревожить бедных гораздо чаще.*

Еще один показатель социально-психологического состояния — набор тех конкретных страхов и опасений, которые господствуют в сознании людей. На сегодняшний день главный из них — это страх потери здоровья, собственного или здоровья близких. Он характерен для большинства россиян (54%). Актуальность этого опасения вполне естественна и ожидаема, так как базируется на витальной ценности жизни и здоровья человека. На втором месте стоит страх остаться без средств к существованию, его разделяют 40% россиян. Лидирование

этого страха свидетельствует о том, что, *несмотря на все позитивные тенденции, которые отмечаются в уровне и качестве жизни россиян и их социальном самочувствии, люди продолжают ощущать себя уязвимыми перед угрозой возможных материально-финансовых затруднений.*

Следующую группу опасений, свойственных 24–28% россиян, возглавляет традиционный для них страх перед войной, подкрепленный таким «современным» аспектом этой проблемы, как теракты. Высока также распространенность страха одиночества – очень личного переживания, отражающего боязнь оказаться перед лицом тех или иных жизненных трудностей один на один. И здесь же, в группе широко распространенных страхов, эти самые жизненные трудности: остаться без работы, не иметь возможности получить необходимую медицинскую помощь, столкнуться с резким ростом жилищно-коммунальных платежей.

Показательно, что неясность перспектив на будущее для россиян, имеющих весьма ограниченные по времени горизонты планирования, пугает не так сильно: так, страх перед неопределенностью своего будущего отметили только 20% опрошенных. В то же время этот показатель не так уж низок, он превышает уровень беспокойства россиян перед лицом собственной старости и тревоги за детей (отсутствие перспектив для них, опасность превращения в наркомана, невозможность дать им хорошее образование), (рис. 9.10).

В целом профиль страхов бедных совпадает с общей схемой распространения страхов в обществе, однако есть и несколько выраженных отличий. *Две главные доминанты, отличающие повышенные страхи бедных по сравнению с небедными, – это опасения остаться без средств к существованию и страх дальнейшего роста жилищно-коммунальных платежей, причем последний страх характеризуется наибольшим разрывом в распространенности его среди бедных и небедных (33% – у бедных и 21% – у небедных).* Это яркое свидетельство «пробуксовки» программы жилищных субсидий, предусмотренных для помощи малоимущим в оплате все возрастающих услуг ЖКХ, – программы, без эффективной реализации которой сама идея увязать бедность с расчетной величиной прожиточного минимума становится абсурдной. Ведь во многих регионах проживающий в однокомнатной квартире одиночка вынужден отдавать за услуги ЖКХ по ней до 5 тыс. руб., составляющих зачастую почти весь его ежемесячный доход.

Еще одна болевая точка у бедных – отсутствие жизненных перспектив для детей. При этом среди бедных заметно меньше, чем в группе благополучных россиян, встречаются опасения того, что



**Рис. 9.10. Распространенность различного рода опасений среди россиян, 2013 г., % (допускалось до пяти ответов)**

их дети станут наркоманами. Другими словами, бедные чаще боятся того, что их дети не «поднимутся», а богатые — того, что дети «упадут». В пользу этого вывода говорит и то, что среди бедных несколько чаще, чем среди богатых, актуализированы опасения невозможности получить самим или не дать детям хорошего образования. Так или иначе, но *все страхи, отличающие бедных от благополучных слоев, завязаны на финансовые мотивы и направлены на экономическое благополучие свое и своей семьи. Страхи же небедных россиян отличаются от страхов бедных своим социальным характером и обращенностью во внешнюю среду: опасения войн и терактов, преступности, втягивания детей в наркоманию* (рис. 9.11).

В последнее десятилетие заметно улучшилось социально-психологическое состояние бедных и с точки зрения распространенности конкретных страхов. Сегодня вдвое реже, чем в 2003 г., бедные россияне боятся войн и терактов (сокращение с 43 до 25%), существенно снизилась актуальность их страхов, связанных со здоровьем (с 66 до

51%), опасностью превращения ребенка в наркомана (с 23 до 13%). На 5–9% снизилась распространенность среди бедных опасений, связанных с преступностью, невозможностью получения образования для себя и детей, резким ростом жилищно-коммунальных платежей, превращением кого-то из близких в алкоголика. Расширение же числа испытывающих соответствующие страхи, да и то в пределах 4–5%,

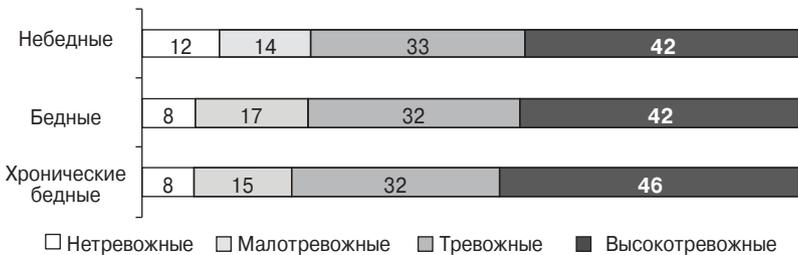


**Рис. 9.11. Распространенность различного рода опасений среди бедных и небедных россиян, 2013 г., %** (допускалось до пяти ответов, позиции упорядочены по величине разрыва между ответами бедных и небедных)

отмечено лишь в отношении страха остаться без работы и страха старости.

Обратим внимание, что при ответе на вопрос о том, чего они опасаются в жизни, респонденты могли дать до пяти вариантов ответа (выбрав их из предложенного списка). В группе бедных полностью воспользовались возможностью рассказать о своих тревогах 42%, которых можно отнести к группе **«высокотревожных»** респондентов. Еще 32% выбрали по 3–4 вида опасений (группа **«тревожных»**). Всего 17% бедных ограничились указанием 1–2 видов актуальных для них страхов и угроз (**«малотревожные»**), и лишь 8% не выбрали ни одной позиции, заявив, что никаких особых опасений в жизни у них нет (**«нетревожные»**, рис. 9.12).

Заметим, что если по отдельным видам страхов между бедными и небедными отмечаются существенные различия, то по уровню тревожности, т.е. по количеству видов опасений, которые отмечают респонденты, заметных расхождений между этими группами нет. Обращает на себя внимание только несколько бóльшая доля тех, кто вообще не отмечает никаких опасений, среди небедных по сравнению с бедными (12 и 8% соответственно). Если же рассматривать группу хронической бедности, то в ее составе отмечается несколько бóльшая доля высокотревожных респондентов, однако о кардинальных отличиях ситуации в группах бедных, хронически бедных и небедных по уровню тревожности говорить не приходится.

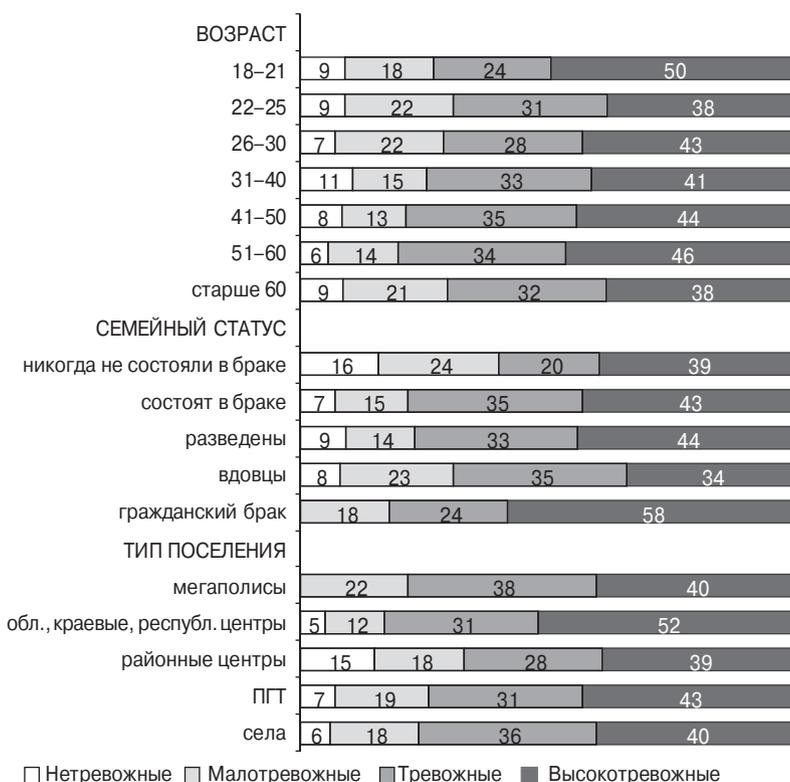


**Рис. 9.12. Распределение по уровню тревожности бедных, хронических бедных и небедных, 2013 г., %**

Кто же среди российских бедных составляет группу с высоким уровнем тревожности?

Как видно из рис. 9.13, в возрастном отношении наиболее тревожными оказались две полярные группы. Одна из них – молодежь

до 21 года, среди которой в группе высокотрещовных оказались 50%. По всей видимости, у них трещовность связана с одним из самых ответственных жизненных периодов, когда закладывается будущее человека, определяются его профессиональные перспективы. Другая возрастная группа, отличающаяся повышенным уровнем трещовности, – это 51–60 лет (46% трещовных). Для них характерны те же страхи, что и для людей самой старшей группы, связанные с наступлением периода естественных ограничений их возможностей, старости, высокого риска потери здоровья и невозможности получить необходимую медицинскую помощь. Но помимо этого их жизнь омрачена неустойчивостью положения на работе и ожиданием предстоящего перехода в другой социальный статус, шагом в «пенсионную жизнь», который представители самой пожилой группы уже сделали.



**Рис. 9.13. Распределение по уровню трещовности в различных социально-демографических подгруппах бедных, 2013 г., %**

Среди бедных с разным семейным статусом лидеры по части конкретных тревог и опасений — это состоящие в гражданском браке. Их страхи связаны, прежде всего, с воспитанием детей: невозможностью дать им образование, опасностью превращения ребенка в наркомана, отсутствием перспектив для детей. Таким образом, для бедных отсутствие официального брачного статуса содержит в себе мощный заряд жизненных опасений по выполнению их семьями одной из своих главных функций — рождению и воспитанию детей.

Что касается поселенческого разреза, то здесь главная зона тревожности — крупные города. В мегаполисах, например, среди бедных вообще нет тех, кто не указал бы хотя бы один вид своих страхов и опасений. При этом для бедных в крупных нестоличных городах чаще, чем для представителей других групп бедных, актуализированы опасения дальнейшего ухудшения собственного материально-финансового положения в связи с ростом жилищно-коммунальных платежей, а также отсутствием перспектив для детей. Кроме того, они испытывают повышенную тревожность в связи с угрозой потери здоровья (своего и близких) и невозможностью получить необходимую медицинскую помощь даже в случае острой необходимости. В свою очередь жители малой городской провинции боятся преступности и риска превращения детей в наркоманов, ожесточенности и утраты взаимоотношений между людьми, а также войн.

Подводя итоги анализа, можно констатировать, что на сегодняшний день бедность в России является одним из важных факторов формирования негативного социально-психологического фона жизни людей, источником их негативного эмоционального мировосприятия. Беднейшие слои российского населения резко отличаются от своих благополучных сограждан по всем показателям социально-психологического самочувствия в худшую сторону: значительная их часть пребывает в уверенности, что жизнь складывается плохо, они находятся в состоянии подавленности и апатии либо тревоги и даже агрессии, постоянно испытывают чувства несправедливости всего происходящего вокруг и собственной беспомощности повлиять на ситуацию, стыд за состояние страны и ощущение, что дальше так жить нельзя.

Еще 15–20 лет назад социально-психологический дискомфорт был обычным состоянием для большинства российского населения, переживавшего коренную ломку образа жизни и общегосударственные кризисные явления. Однако с тех пор в обществе произошли существенные изменения, на фоне общей социально-экономиче-

ской и политической стабилизации развились выраженные тенденции к улучшению самочувствия граждан. Эти тенденции не могли не затронуть и беднейшие слои населения, многие жизненные страхи и опасения российских бедных постепенно ослабевают перед лицом общей стабилизации и пусть медленного, но все же поступательного развития страны. Тем не менее общее состояние тревожности, пессимизм и негативизм бедных остаются важнейшими маркерами социального самочувствия этой группы. На фоне роста позитивных и оптимистичных настроений в обществе в целом беднейшие группы остаются в арьергарде, тенденции к улучшению самочувствия и эмоционально психологического состояния в них сильно заторможены, идут как бы по остаточному принципу и носят по отношению к благополучным слоям догоняющий характер.

В целом же в социально-психологическом отношении бедные представляют своеобразную оппозицию остальному, относительно благополучному населению, даже в периоды общей стабильности и развития постоянно и болезненно ощущая свою обездоленность и уязвимость. Бедность, особенно в ее хроническом варианте, как социальное явление выходит далеко за пределы социально-экономических деприваций, серьезно изменяя сознание людей и их отношение к обществу и происходящим в нем процессам.

# 10

## О ДОСУГЕ БЕДНЫХ

*Н.Н. Седова*

Одной из важнейших характеристик образа жизни представителей той или иной социальной группы и всего общества, своеобразной визитной карточкой, позволяющей получить яркое и информативное представление о том, чем живут в нем люди, является их свободное время и досуговые предпочтения. Сфера досуга выступает важным показателем уровня, качества, стиля жизни, ценностных и культурных предпочтений, повседневных привычек людей, которые, как известно, – их «вторая натура». Именно поэтому разговор о бедных и бедности был бы неполным, если бы в его ходе мы не обратились к вопросу о роли досуга в жизни бедных, его содержательном наполнении, об основных тенденциях в этой сфере.

Сфера досуга в современном обществе постепенно отвоевывает себе все большее место и обретает все большую значимость. Она перешагнула черту «вторичности» по отношению к сфере труда, вышла на авансцену жизни современного человека и стала рассматриваться как самостоятельная категория, имеющая статус «независимой переменной». Уже более полувека исследователи говорят о «цивилизации досуга», рождение которой французский теоретик досуга Ж. Дюмазедье датировал 1960–1970 гг., констатируя на основе эмпирических материалов, что для индивидов обладание свободным временем стало важнее обладания высоким заработком и что ценность свободного времени стала значимее ценности рабочего времени<sup>1</sup>. На фоне глобальной тенденции повышения ценности досуга в экономике современного общества гуманитарные отрасли и сфера услуг становятся одной из основных сфер занятости и источников дохода, а культура

---

<sup>1</sup> Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга / Ж. Дюмазедье // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1.

занимает место одного из важнейших ресурсов и приоритетов экономического развития<sup>2</sup>. Исследователи фиксируют изменения в жизненных стратегиях людей, добровольно отказывающихся от занятости в пользу досуга<sup>3</sup>.

Досуг становится не просто более значимой жизненной ценностью, а приобретает новое качественное звучание. В современном обществе потребления, как отмечает Ж. Бодрийяр, «время занимает привилегированное место. Спрос на это весьма особенное благо почти уравнивает спрос на все другие блага, взятые вместе». При этом «*качество* свободного времени, его ритм, его содержание, является ли оно остаточным по отношению к принудительному труду или автономным, — все это становится отличительным знаком индивида, группы, одного класса в отношении к другому... Индивид через свободное время требует... прежде всего демонстрации бесполезности своего времени как излишнего капитала, как *богатства*... Досуг не является свободой времени, он его *афиша*. Основная его черта состоит в *принуждении к различию в соотношении со временем труда*. Он поэтому не автономен: он определяется отсутствием времени труда. Это отличие, составляющее глубинную ценность досуга, повсюду коннотировано, отмечено многословно, чрезмерно выставлено... досуг существует этим выставлением и сверхвыставлением себя самого, непрерывным выставлением напоказ, ... *маркой, афишей*. Можно лишить его всего, все от него отсечь, за исключением этого, ибо именно это его определяет»<sup>4</sup>.

Можно предположить, что в соответствии с этими глобальными тенденциями досуг получает все большее значение и в жизни российского общества в целом, и среди представителей его беднейших слоев, начинает играть все большую роль в социальной стратификации. Так ли это? Чем сегодня является досуг для россиян и для их беднейшей страты? Насколько сильно отличаются досуговые практики бедных от

---

<sup>2</sup> По оценкам британских экспертов, в последние десятилетия доходы от экспорта музыки в Англии превысили доходы от экспорта машино- и автомобилестроения, вместе взятых (см. *Абанкина Т.* Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения. 2005. № 4 (25)).

<sup>3</sup> Есть свидетельства того, например, что небольшое, но возрастающее число американцев расширили свое участие в досуговой деятельности, добровольно выбирая безработицу, неполную занятость или досрочный выход на пенсию. Высказываются соображения, что трудовая этика в Северной Америке, где она имела самое большое число сторонников, утрачивает свои позиции (*Стеббинс Р.А.* Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7).

<sup>4</sup> *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика, 2006. С. 269.

досуга остальной части общества, насколько чувствительны бедные к этим различиям?

Первый и главный вопрос здесь — действительно ли Россия вслед за другими развитыми странами вошла в «цивилизацию досуга», главными признаками которой выступает рост ценности свободного времени по отношению к ценности рабочего времени, рост ценности отдыха по отношению к работе. Как показывают исследования последних десятилетий, вхождение России в «цивилизацию досуга» не столь однозначно и очевидно, как ее вхождение в «общество потребления», хотя эти две тенденции — развитие «общества потребления» и «цивилизации досуга» — очень близки и взаимосвязаны. «Второсортность» свободного времени и досуга по отношению к работе была и остается устойчивым стереотипом российского общественного сознания. В 1995 г. опросы показывали, что доля россиян, признающих приоритет работы над досугом, была вдвое больше доли россиян, для которых досуг стал важнее работы<sup>5</sup>. В этот же период исследователи отмечали противоречие тенденций, развивающихся в сфере досуга в России и в развитых странах: «Если в индустриально развитых странах трудоголики становятся все менее популярными и уважаемыми, а свободное время превращается во все большую ценность, то в России мы пока наблюдаем противоположную тенденцию»<sup>6</sup>. Об этом же рассуждали в начале 2000-х гг.: «Свободное время, необходимое для осуществления жизненно важных потребностей ... в США несколько больше, кроме того, имеет тенденцию к росту. В России же наметилась тенденция снижения его величины и его ценности»<sup>7</sup>.

На сегодняшний день кардинальных изменений в отношении к досугу, несмотря на существенные перемены в образе жизни и новые досуговые возможности, в России не произошло. По данным опроса 2010 г., проведенного в рамках уже упоминавшегося в данной книге международного проекта «Европейское социальное исследование» (ЕСС), в структуре жизненных ценностей российских респон-

<sup>5</sup> Высказывание «самое важное — это работа, а досуг нужен для того, чтобы восстановить силы для нее» набирало 35% сторонников против 17%, полагающих, что «самое важное — то, чем человек занимается в свободное время, а работа существует для того, чтобы иметь возможность проводить досуг так, как захочется». См.: Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Бюлл. ВЦИОМ. 1995. № 3.

<sup>6</sup> Бутенко И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 82.

<sup>7</sup> Патрушев В.Д. Свободное время работающих горожан России и США (сравнительный анализ) // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 40.

дентов досуговые предпочтения занимают одни из последних мест<sup>8</sup>. Вести полную событий жизнь, хорошо проводить время, заниматься тем, что доставляет удовольствие, – такие жизненные установки, характерные для идеологии «цивилизации досуга», россияне разделяют редко. По сравнению с другими установками в рейтинге ценностей россиян они занимают последние места (табл. 10.1).

Таблица 10.1

**Жизненные ценности россиян в контексте жизненных ценностей населения европейских стран, ЕСС-2010**

Ценности жителей России	Ранг ценности	Россия среди других стран по степени распространенности соответствующей ценности	Ранг России
Сильное государство, защищающее граждан	1	Богатство (деньги, вещи)	1
Безопасное окружение	2	Уважение со стороны окружающих	2
Верность друзьям, близким	3	Сильное государство, защищающее граждан	4
Забота об окружающей среде	4	Успех, признание	5
Равные возможности для всех	5	Демонстрация способностей	6
Самостоятельность, свобода, независимость	6	Безопасное окружение	6
Помощь людям, их благополучие	7	Традиции, религиозные и семейные обычаи	7
Традиции, религиозные и семейные обычаи	8	<b>Полная событий жизнь</b>	9
Уважение со стороны окружающих	9	Правильное поведение	11
Правильное поведение	10	Забота об окружающей среде	11
Внимание к любым мнениям и точкам зрения	11	<b>Хорошо проводить время</b>	12
Простота, скромность	12	Простота, скромность	13

*Окончание таблицы 10.1*

<sup>8</sup> Выводы сделаны на основе расчетов автора на базе данных волны проекта «Европейское социальное исследование» (ЕСС) 2010 г., проведенной в 26 странах, включая Россию. Массив данных в SPSS и инструментарий исследования (анкета) взяты с сайта проекта: <http://www.europeansocialsurvey.org/>. Использованы 3 переменные из вопросника Ш. Шварца, чья методика применяется в данном исследовании для замера ценностей, причем сама эта методика в целом нами не использовалась.

Ценности жителей России	Ранг ценности	Россия среди других стран по степени распространенности соответствующей ценности	Ранг России
Демонстрация способностей	13	Следование правилам	16
Успех, признание	14	Самостоятельность, свобода, независимость	18
Креатив, творчество, оригинальность	15	Верность друзьям, близким	20
<b>Хорошо проводить время</b>	16	Неожиданности, новые занятия, разнообразие	21
Следование правилам	17	<b>Удовольствия</b>	21
Богатство (деньги, вещи)	18	Равные возможности для всех	22
Неожиданности, новые занятия, разнообразие	19	Помощь людям, их благополучие	23
<b>Удовольствия</b>	20	Креатив, творчество, оригинальность	24
<b>Полная событий жизнь</b>	21	Внимание к любым мнениям и точкам зрения	24

*Примечания.* В основе приведенных рейтингов лежат оценки респондентами степени сходства, которое они обнаруживают между собой и предложенным описанием человека. Всего респондентам было предложено 21 описание, сходство с которыми фиксировалось по 6-балльной шкале от «совсем не похож на меня» до «очень похож на меня».

Ценности «**Хорошо проводить время**» соответствует описание «Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать»; ценности «**Удовольствия**» – описание «Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно заниматься тем, что доставляет ему удовольствие»; ценности «**Полная событий жизнь**» – описание «Он ищет приключений и ему нравится рисковать. Он хочет жить полной событиями жизнью».

По каждому описанию были рассчитаны средние баллы с интервалом значений от «1» («совсем не похож на меня») до «6» («очень похож»). Далее строились рейтинги: 1) ценностей-описаний применительно к России; 2) стран по принятию их респондентами той или иной ценности-описания.

Ранг «1» в колонке «Ценностей жителей России» означает, что в России данная ценность является наиболее распространенной *по сравнению с другими ценностями*.

Ранг «1» в колонке «Россия среди других стран...» означает, что в России данная ценность распространена в наибольшей степени *по сравнению с другими странами*.

Однако то же исследование свидетельствует, что и для жителей других стран концентрация на досуге – далеко не самая распространенная жизненная позиция. Более того, россияне в этом смысле могут даже многим дать фору. В частности, по распространенности установки на полную событиями жизнь, приключения и риск россияне стоят в международном рейтинге на 9-м месте, опережая такие страны, как Франция, Германия, Испания, Португалия, Швеция, Швейцария,

Норвегия, Великобритания. По установке хорошо проводить время 12-е место выводит Россию в лидеры по сравнению с Финляндией, Португалией, Нидерландами, Испанией, Норвегией и другими странами. По части получения от жизни удовольствий у России в европейском рейтинге скромное 21-е место, по этому показателю она опережает в основном страны бывшего соцлагеря – Словакию, Эстонию, Хорватию, Польшу, Украину. Поэтому оставим открытым вопрос о справедливости постулата о наступлении «цивилизации досуга» в принципе, особенно имея в виду актуализацию ценностей труда и занятости в связи с недавним мировым финансово-экономическим кризисом.

О том, что Россия пока еще так и не вступила в «цивилизацию досуга», помимо вышеприведенных данных, говорящих о весьма скромных позициях досуговых установок в общей иерархии жизненных ценностей, свидетельствуют и данные ЕСС о том, что для россиян значимость досуга сегодня вторична по отношению к работе. В табл. 10.2 приведены данные, характеризующие положение России в международных (европейских) рейтингах различных показателей досуговой активности и трудовой занятости. Россияне реже жителей других стран посвящают свое свободное время таким видам досуга, как слушание радио, чтение газет, пользование Интернетом для личных целей, встречи с друзьями, родственниками и коллегами во вне рабочее время, посещение религиозных служб. Единственный вид досуговой активности, по которой россияне поднимаются в международном рейтинге на 7-ю ступень, – это просмотр телевидения.

При этом нельзя утверждать, что все время россиян посвящено работе, поскольку показатели рабочего времени, переработок в России находятся на среднем уровне по сравнению с европейскими. Другое дело, что «послевкусие» от работы у россиян совершенно другое: они занимают лидирующие позиции по чувству усталости от работы, когда человек уже не может получать удовольствия от свободного времени (5-е место), по постоянному чувству, что работа не оставляет времени на семью (5-е место), и особенно по чувству, что семья, в свою очередь, мешает работе (3-е место). Причем среди россиян зафиксирован один из самых худших показателей по оценке баланса времени работы и отдыха (24-е место). Как итог, россияне демонстрируют один из самых низких в Европе показатель ценности работы (желания работать, если бы была финансовая возможность не работать) – 25-е место (табл. 10.2).

Таблица 10.2

**Положение России в международных рейтингах показателей  
досуговой и трудовой активности, ЕСС-2010**

<b>Индикатор</b>	<b>Показатель, на основе которого составлялся рейтинг стран</b>	<b>Место России в рейтинге (ранг)</b>
<b>ДОСУГОВАЯ АКТИВНОСТЬ</b>		
Просмотр телепередач	Доля респондентов, которые смотрят телевизор 2 часа и более в обычный будний день	7
Слушание радио	Доля респондентов, которые слушают радио 2 часа и более в обычный будний день	25
Чтение газет	Доля респондентов, которые проводят за чтением газет полчаса и более в обычный будний день	20
Пользование Интернетом	Доля респондентов, которые пользуются Интернетом или электронной почтой дома или на работе для своих личных целей ежедневно	21
Встречи с друзьями, родственниками, коллегами	Доля респондентов, которые встречаются с друзьями, родственниками, коллегами раз в неделю и чаще	22
Посещение религиозных служб	Доля респондентов, которые посещают религиозные службы раз в месяц и чаще	19
<b>РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ</b>		
Продолжительность рабочей недели	Доля респондентов, которые работают на основной работе более 40 часов в неделю	14
Работа по вечерам и по ночам	Доля респондентов, которые работают по вечерам или по ночам раз в неделю и чаще	11
Сверхурочная работа	Доля респондентов, которые работают сверхурочно раз в неделю и чаще	15
Удовлетворенность соотношением времени работы и досуга	Средний балл, рассчитанный по вопросу: «Насколько Вы удовлетворены соотношением времени, которое Вы тратите на работу, и времени, которое Вы посвящаете другим сторонам Вашей жизни?»	24
<b>СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И УСТАНОВКИ В СВЯЗИ С ЗАНЯТОСТЬЮ</b>		
Усталость от работы	Доля респондентов, которые часто/всегда чувствуют себя после работы настолько усталыми, что уже не могут получать удовольствие ни от чего другого, чем хотели бы заняться дома	5

Окончание таблицы 10.2

Индикатор	Показатель, на основе которого составлялся рейтинг стран	Место России в рейтинге (ранг)
Нехватка времени на семью из-за работы	Доля респондентов, которые часто/всегда чувствуют, что из-за работы не могут посвятить семье или партнеру столько времени, сколько хотелось бы	5
Нехватка времени на работу из-за семьи	Доля респондентов, которые иногда/часто/всегда чувствуют, что семейные обязанности мешают уделять должное время работе	3
Желание работать (независимо от потребности в деньгах)	Средний балл, рассчитанный по вопросу: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: «Я бы с удовольствием работал, даже если бы не нуждался в деньгах?»»	25

*Примечание.* Низкое значение места России (ранга) в рейтинге (ближе к 1) соответствует низкому значению данного показателя для России по сравнению с другими странами. Высокое значение места (ближе к 26) соответствует высокому значению показателя.

Таким образом, досуг в России следует рассматривать не только как то жизненное пространство человека, на которое у него осталось время, но и как то, на которое остались силы. Поэтому актуальность приобретает, прежде всего, вопрос о качестве досуга, а не только о его количестве. Как показывают данные ранее проведенных исследований<sup>9</sup>, возможность для разнообразного проведения досуга является более значимым фактором социального самочувствия россиян, чем наличие свободного времени как такового. Действительно, сам по себе факт наличия свободного времени еще не означает, что люди имеют полноценный досуг, который призван давать человеку возможности, с одной стороны, для восстановления сил и для отдыха, а с другой — для саморазвития, совершенствования, самореализации. Праздное «ничегонеделание», лишенное разнообразия, дает лишь видимость отдыха и тормозит развитие человеческой личности — или, говоря словами Б. Франклина, «праздность и досуг — два совершенно разных понятия».

<sup>9</sup> См., например: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2011.

Что же касается группы бедных, то для них сфера досуга могла бы предоставить не только возможности разнообразить свою жизнь, наполнить ее позитивными впечатлениями и эмоциями, отключиться от жизненных трудностей и лишений, но главное, досуг мог бы стать для них эффективным инструментом наращивания собственных ресурсов: укрепления здоровья, повышения общего культурного уровня, саморазвития и самообразования, расширения сферы общения, накопления знакомств и связей и т.д. А значит, способствовать преодолению бедными эксклюзии и появлению шанса вырваться из состояния бедности. Но так ли это на самом деле?

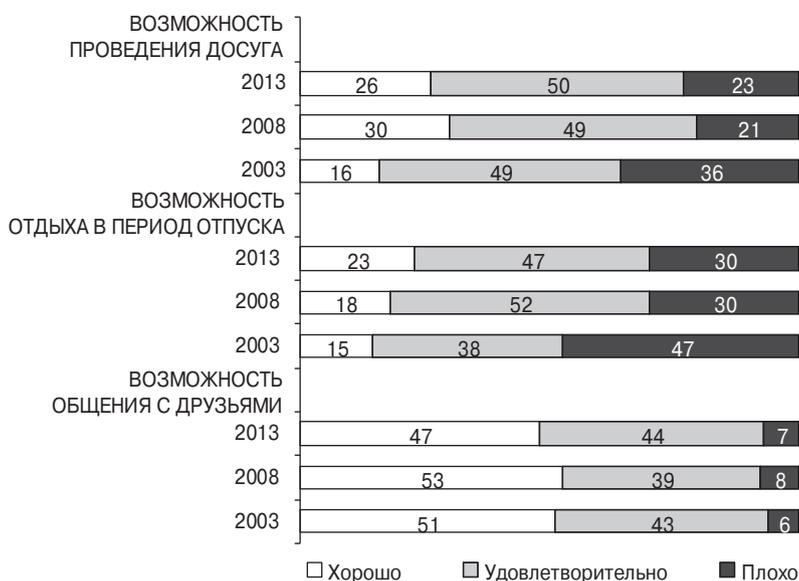
Ведь, говоря о досуге и свободном времени современного человека, нельзя не видеть того, что в значительной степени возможности их проведения предопределены финансовыми возможностями. Как образно выразилась И. Шмерлина, деньги – это тот ресурс, который позволяет многим людям осваивать «руду» свободного времени, переводить ее в полноценный, культурно обработанный «продукт»<sup>10</sup>. И, конечно, многие виды досуга развиваются сегодня как раз в логике тотальной коммерциализации вплоть до элитизации определенных видов времяпрепровождения. Однако в целом палитра имеющихся в распоряжении людей досуговых возможностей довольно разнообразна, и далеко не всегда они требуют больших финансовых затрат. Причем это касается и организованного досуга (от бесплатных общественно-культурных мероприятий до бесплатных же библиотек).

Насколько же полно российские бедные используют досуговые возможности как один из способов смягчения негативных сторон своей жизни? И как это соотносится с картиной по россиянам в целом?

Сразу подчеркнем, что россияне в целом скорее довольны теми досуговыми возможностями, которые у них есть: 50% оценивают их как «удовлетворительные», еще 26% полностью ими довольны (оценку «плохо» дали всего 23% опрошенных). За прошедшее с 2003 г. десятилетие удовлетворенность россиян своими возможностями для досуга в целом повысилась, при этом основной рывок произошел в период 2003–2008 гг. Однако следует отметить, что в последние 5 лет наблюдалось некоторое ослабление удовлетворенности досугом (рис. 10.1). Сходная картина отмечается и в показателях удовлетворенности возможностями отдыха в период отпуска (47% удовлетворенных, 23% полностью довольных и 30% недовольных). Обратим только вни-

<sup>10</sup> Шмерлина И. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 8. С. 15.

мание, что «стартовая позиция» данного показателя на 2003 г. была заметно хуже (суммарная доля оценок «хорошо» и «удовлетворительно» в отношении отдыха в период отпуска составляла 53%, а в отношении возможностей проведения досуга –65%), а его улучшение шло более плавно. При этом данные мониторинговых исследований Института социологии РАН свидетельствуют, о том, что нынешняя ситуация в оценках досуговых возможностей (даже несмотря на некоторый спад оценок по сравнению с замером 2008 г.) – одна из самых благоприятных за последние 20 лет и является результатом долгосрочного тренда на улучшение ситуации, который отмечается с 2000 г., ставшего переломным в динамике оценок.



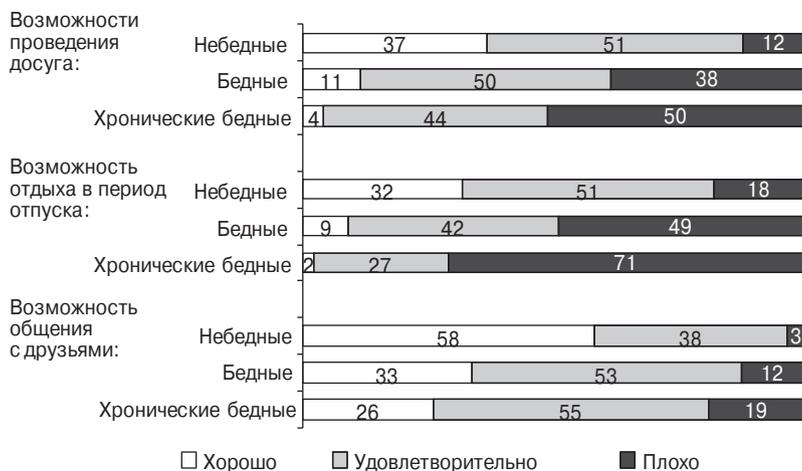
**Рис. 10.1 . Динамика оценок россиянами своего положения в различных сферах, связанных с досугом, 2003–2013 гг., %**

Широкий разброс оценок возможностей для качественного досуга и отдыха в период отпуска (большое число как однозначно позитивных, так и негативных оценок) и их динамика во времени свидетельствуют, что данные показатели сильно зависят от внешних для человека обстоятельств, прежде всего ситуации в стране в целом. Если сравнить приведенные данные с теми, которые характеризуют возможности людей для общения с друзьями (рис. 10.1), то мы увидим

совсем другую картину: стабильно высокий на протяжении долгих лет уровень удовлетворенности (47–53% полностью довольных, 39–44% удовлетворенных и 6–8% недовольных). Другими словами, удовлетворенность россиян своим общением с друзьями представляет собой своеобразную социальную константу по сравнению с динамично меняющимися оценками возможностей для досуга и отдыха в период отпуска.

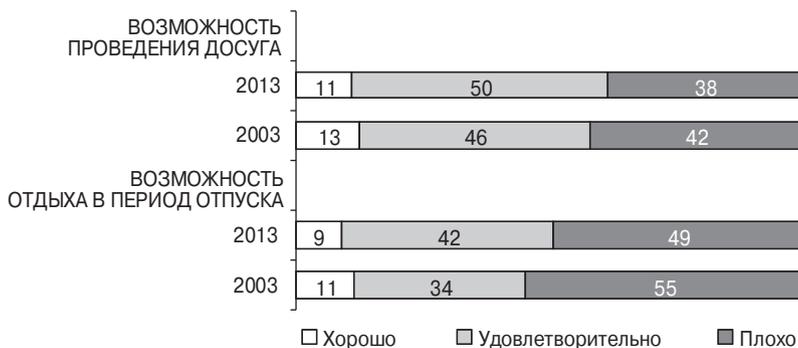
Как же воспринимают свои возможности в сфере досуга на этом в целом вполне благополучном фоне представители беднейших слоев? Полученные данные свидетельствуют, о том, что *самооценки бедными респондентами своих досуговых возможностей радикальным образом отличаются от общих тенденций и носят выраженный негативный характер*. Возможности для проведения досуга в целом и особенно возможности отдыха в период отпуска характеризуются значительным числом бедных как «плохие» (38 и 49% соответственно), тогда как доли бедных, довольных своим досугом и возможностью проведения отпуска, минимальны (11 и 9%). Наиболее рельефно отличие самооценок бедных, если рассмотреть группу хронических бедных. Здесь доли удовлетворенных возможностями проведения досуга и отдыха во время отпуска минимальны и составляют 4 и 2% соответственно. При этом имеющиеся у них возможности для отдыха во время отпуска – самая болевая точка, доля оценок «плохо» достигает здесь рекордные 71%. Таким образом, *собственный досуг воспринимается российскими бедными преимущественно в негативном ключе и вместо того, чтобы компенсировать жизненные трудности, напротив, является дополнительным источником для недовольства и пессимизма*.

Показательно, что даже такой параметр, как возможности для общения с друзьями, оценки которого, как было показано выше, высоки и стабильны в обществе в целом, существенным образом изменяет свои значения в группе бедных. Господствуют здесь не положительные, а удовлетворительные оценки, доля ответов «плохо» среди бедных составляет 12% (среди хронических бедных 19%), а доволен возможностями общения с друзьями только каждый третий (среди хронических бедных каждый четвертый, рис. 10.2). То, что бедные ощущают серьезные ограничения в использовании даже такого, казалось бы, вполне демократичного, доступного, не требующего больших финансовых трат досугового инструмента, как общение с друзьями, свидетельствует о системном характере досуговой эксклюзии данной социальной группы.



**Рис. 10.2. Оценки бедными, хроническими бедными и небедным населением своего положения в различных сферах, связанных с досугом, 2013 г., %**

Динамика данных показывает, что в отношении досуга и возможности отдохнуть во время отпуска нынешние оценки бедных в целом близки к показателям десятилетней давности, но имеют тенденцию к улучшению. За прошедшие 10 лет среди бедных наблюдается рост срединных оценок своих досуговых возможностей при некотором снижении, с одной стороны, выраженного оптимизма, а с другой – при снижении выраженного негативизма (рис. 10.3).

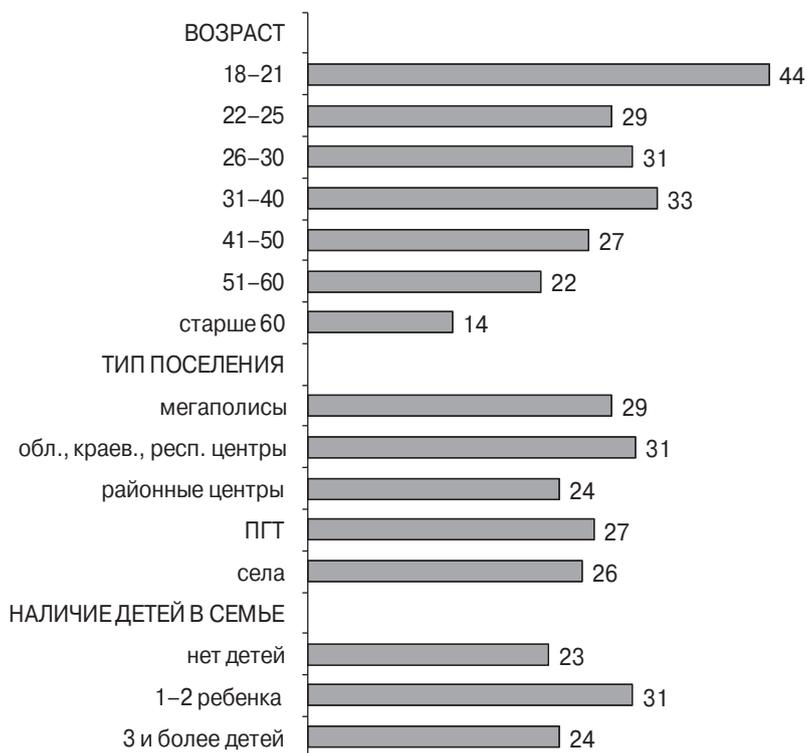


**Рис. 10.3. Динамика оценок бедными своего положения в различных сферах, связанных с досугом, 2003 и 2013 гг., %**

В целом отношение бедных к своим досуговым возможностям в последние годы, несмотря на определенную тенденцию к улучшению, отличается высоким уровнем недовольства положением дел в этой сфере. В то же время в ответах на вопрос о том, чем сегодня, по их мнению, жизнь бедных семей в России отличается от жизни всех остальных, позиции, связанные со сферой досуга, занимают далеко не первые места. Возможности проведения досуга и отпуска в качестве важного маркера бедности назвали лишь 27% бедных, доступность культурной жизни (посещение театров, кино, клубов, приобретение книг и т.д.) они указывали еще реже (13%), при том, что позиция-лидер (характер питания) набрала в группе бедных 74%. В результате в общем рейтинге главных отличий жизни бедных и небедных в России, составленном на основе ответов бедных, позиции, связанные со сферой досуга, занимают соответственно 8-е и 11-е места из 13 возможных. Показательно, что благополучные россияне оценивают дифференцирующую значимость сферы досуга для определения отличительных черт жизни бедных заметно выше: 34% из них отметили плохие возможности проведения досуга и отпуска, а 16% — недоступность культурной жизни для бедных как отличительные черты их образа жизни. Соответственно, в рейтинге отличий, составленном на базе ответов благополучных россиян, эти позиции заняли 7-е и 9-е места.

*Представляется, что подобная недооценка важности досуговой сферы в группе бедных сама по себе является тревожным знаком. Она демотивирует бедных к максимальному использованию имеющихся у них возможностей для эффективного проведения своего свободного времени и получения от этого соответствующих дивидендов в виде культурного роста, саморазвития и т.д., а значит, наращивания собственных социальных ресурсов и развития человеческого капитала.*

Среди представителей различных социально-демографических групп бедных наиболее часто досуг как признак отличия образа жизни беднейшей части населения отмечали: молодежь до 21 года (44%), респонденты 26–40 лет (возраст, характерный для родителей малолетних детей и подростков) и родители, имеющие одного-двух детей. Также несколько выше, чем в других типах поселений, доля упоминаний досуга как одного из важных маркеров бедности среди жителей областных, краевых и республиканских центров. Вероятнее всего, представители этих групп чаще других имеют неудовлетворенную потребность в досуге (как, например, молодежь или родители малолетних детей и подростков) либо сравнивают свой досуг и досуг людей своего круга с досугом окружающих в условиях особо глубоких социальных неравенств в этой сфере (жители крупных городов), (рис. 10.4.)



**Рис. 10.4.** Оценки досуга как признака бедности представителями различных социально-демографических групп бедных, 2013 г., % (допускалось до пяти ответов)

Еще одно свидетельство в пользу недооценки роли досуга прежде всего бедными дают ответы населения на вопрос о том, какие типы социальных неравенств в современной России являются самыми болезненными для населения, а от каких сильнее всего страдают лично они. По сравнению с неравенствами в других сферах: в доходах, жилищных условиях, доступе к медицинской помощи, образованию, рабочим местам, в возможностях детей из разных слоев общества, обладании собственностью — неравенство в досуговых возможностях занимает в глазах россиян по значимости последнее место как с точки зрения общества в целом, так и лично для респондентов. Причем такой взгляд характерен для представителей как благополучных (среди них на значимость неравенства досуговых возможностей для

общества в целом указали 10%, лично для себя – 11%), так и бедных (10 и 2% соответственно) слоев общества.

Чем же конкретно наполнен досуг россиян, в том числе беднейших слоев населения, каковы их наиболее распространенные досуговые практики, какое содержание стоит за приведенными трендами изменения «досугового самочувствия» россиян?

Как показывают эмпирические данные, по населению в целом самым распространенным видом досуга является просмотр телепередач и слушание радио: свободное время посвящают этому 68% россиян. Далее с приблизительно одинаковой степенью распространенности (48–54%) следуют такие досуговые альтернативы, как занятие домашним хозяйством<sup>11</sup>, встречи и общение с друзьями и «просто отдых».

Россия по-прежнему – «читающая страна»: 40% населения в свободное время читают газеты и журналы, 34% читают книги, слушают музыку и смотрят видео. Столь же популярны среди россиян (35%) и такие «простые радости», как прогулки, проведение времени на природе. Значительную роль в досуговых практиках опрошенных играют также занятия с компьютером, в том числе Интернет и компьютерные игры (28%).

Заметно меньшее место в структуре досуга россиян занимают такие культурные практики, как посещения театров и концертов (16%), популярность же проведения свободного времени на выставках и вернисажах, в музеях еще ниже (5%). Пока не привилась в России и такая массовая форма проведения свободного времени, как посещение кафе, баров и ресторанов (12%), хотя они сегодня все же популярнее досуга в ночных клубах, на дискотеках (7%).

Немало россиян отдают свое свободное время различным хобби (15%), а вот ранее популярные занятия в кружках и клубах по интересам сегодня практически полностью растеряли свою аудиторию (2%).

<sup>11</sup> По поводу того, насколько справедливо рассматривать время, отведенное на решение домашних проблем, в качестве досуга, однозначного мнения нет. С одной стороны – это своего рода обязанность, необходимость, которую человек не может избежать. Следовательно, «свобода» этого времени ставится под вопрос. С другой стороны, исследования показывают, что домашние хлопоты могут быть человеку в радость, доставлять ему удовольствие, а потому вполне вписываются в пространство свободного времени (см. Шмерлина И. Свободное время – навязанное пространство жизни? // Социальная реальность. 2007. № 8. С. 21–22).

Каждый десятый россиянин на досуге занимается здоровьем, поддержанием фигуры, посещая спортклубы, секции, тренировки (10%).

Особая тема – посещение церкви, религиозных собраний. Их сегодня практикуют 11% россиян. При этом религиозные собрания в разы популярнее каких бы то ни было кружков, объединений по интересам, политических организаций, молодежных объединений (2–4%), (рис. 10.5).

Динамика данных за последние годы показывает, что в досуговой активности населения произошли заметные изменения. Отмечается снижение распространенности многих практик так называемого «домашнего досуга»: просмотр телевидения и слушание радио, занятие домашним хозяйством, чтение периодики и книг, слушание музыки и просмотр видео. При этом, однако, нельзя сказать, что мы наблюдаем откат от индивидуализации и «одомашнивания» досуга. Для многих досуг все так же крепко привязан к дому, как и раньше, только теперь инструментом, который может заменить многое из вышеперечисленного, становится компьютер, и Интернет. Проведение времени за компьютером, в Интернете сегодня является одним из немногих видов досуга, по которым фиксируется заметный рост: так, за последние 10 лет его аудитория выросла более чем вдвое (с 12 до 28%).

Еще один вид досуга, по которому, как видно на рис. 10.5, за последние годы отмечен рост распространенности – это «просто отдых», расслабление (с 46 до 51%). По всей видимости, все большая популярность данного вида отдыха свидетельствует о высокой степени эмоционально-психологической напряженности людей, состоянии усталости и стресса, которые они пытаются преодолевать не путем активной разрядки, а с помощью полного отключения от реальности, физической и психологической релаксации. Эту версию подтверждают ранее приведенные данные, характеризующие самочувствие россиян в связи с их трудовой занятостью: высокий уровень усталости, не оставляющий сил на то, чтобы заниматься в свободное время чем хочется и получать от этого удовольствие; постоянное ощущение, что работа отнимает время у семьи, а семья мешает работе (табл. 10.2).

*На общем фоне досуг бедного населения отличается очень сильно – он намного скуднее.* По большинству рассматриваемых видов досуга их распространенность в группе бедных ниже, чем в группе благополучных россиян, причем во многих случаях эти отклонения весьма существенны (по 8 позициям они составляют от 11 до 19%). В равной



**Рис. 10.5. Динамика популярности различных способов проведения россиянами своего досуга, 2003 и 2013 гг., %**  
(данные отранжированы по частоте упоминаний в 2013 г.)

степени с небедными они практикуют только просмотр телепередач и слушание радио, занятия домашним хозяйством и детьми, просто отдых и расслабление, а также посещение церкви и других религиозных собраний. В результате бедные имеют совсем другой профиль досуговой активности. При безусловном лидерстве в их досуге телевидения (68%) далее с заметным отрывом следуют занятия домашним хозяйством и просто отдых, расслабление (54 и 51%). Следующие по популярности виды досуга — встречи и общение с друзьями, чтение периодики — заметно отстают от «лидеров», их практикуют соответственно 39 и 33% бедных. Лишь немногим более четверти бедных проводят время на природе, читают книги и слушают музыку, смотрят видео (26–27% упоминаний при 40–42% среди небедных россиян). Набирающий в обществе популярность досуг у компьютера, в Интернете среди бедных могут позволить себе только 16%, что вдвое ниже соответствующего показателя среди остальных (35%). Наконец, еще 10–12% бедных указали, что посещают церковь и религиозные собрания, имеют хобби.

Вторая половина списка возможных видов досуга у бедных практически не задействована. Лишь немногие посещают театры, концерты, кино, кафе, бары и рестораны (по 5%). Распространение же среди бедных таких досуговых практик, как посещение спортклубов, получение в свободное время дополнительного образования, участие в работе общественных организаций, посещение музеев, выставок и вернисажей, посещение дискотек и ночных клубов, занятия в кружках по интересам, участие в деятельности политических организаций и вовсе сведено к 1–2% (рис. 10.6).

*Ограниченность досуга бедных связана не только с финансовыми трудностями.* Так, исследование фиксирует существенные различия степени распространенности среди бедных и небедных встреч и общения с друзьями, чтения периодики, слушания музыки и чтения книг, прогулок на природе, т.е. видов досуга, доступных сегодня людям практически любого уровня обеспеченности. Очевидно, что скудость досуга, вызванная отчасти и особенностями их образовательного уровня, приобретает у бедных характер неотъемлемой черты образа жизни, а не просто трудностей, вызванных нехваткой денег. *Постоянная борьба за выживание, сконцентрированность на собственном бедственном положении (что очень ярко подтверждается данными об эмоционально-психологическом состоянии бедных) сужают их жизненный кругозор, ослабляют интерес к разнообразию впечатлений и саморазвитию.*



**Рис. 10.6. Распространённость разных способов проведения досуга среди бедных и небедных россиян, 2013 г., %**  
(данные отранжированы по упоминаниям бедными)

*Динамика распространенности среди бедных различных видов досуга свидетельствует, что нынешняя ситуация – результат долгосрочной тенденции ухудшения досуговой сферы жизни беднейших слоев российского населения.* Самое большое сужение аудитории за последние 10 лет наблюдается в отношении таких видов досуга, как чтение книг, просмотр видео и слушание музыки (с 52 до 26%), чтение периодики (с 61% в 2003 г. до 33% в 2013 г.). Существенное сокращение зоны распространенности фиксируется также в отношении встреч и общения с друзьями (с 59 до 39%), просмотра телевидения и слушания радио (с 83 до 68%), занятий домашним хозяйством (с 68 до 53%), прогулок и проведения времени на природе (с 37 до 27%). Обратим внимание, что все вышеперечисленные виды досуга отличаются тем, что не требуют больших финансовых затрат.

При этом данное падение не компенсируется ростом популярности других видов досуга, за исключением довольно скромного расширения среди беднейших слоев населения простого отдыха, расслабления (с 45 до 51%) и интернет-практик (с 10 до 16%), (рис. 10.7). *То, что отказ от различных досуговых практик связан не только с материально-финансовыми причинами, т.е. не является в этом смысле вынужденным, подтверждает вышеуказанную тенденцию и свидетельствует о снижении интереса и потребности в том, чтобы делать свою жизнь насыщенной и интересной. В результате можно ожидать дальнейшего сужения круга общения бедных, потери ими старых друзей и несоздания новых социальных связей и отношений, замыкания в своем «сером мире», а в конечном счете – и социальной деградации значительной части населения страны.*

В пользу этой гипотезы свидетельствуют данные, характеризующие досуг хронических бедных на фоне бедных в целом. Чаще других занимаясь на досуге домашним хозяйством (59% при 53% среди бедных в целом), а также примерно в такой же степени, как и остальные, проводя свободное время у телевизора (69 и 68%) и просто расслабляясь (49 и 51%), хронические бедные заметно реже встречаются и общаются с друзьями (31% при 39% среди бедных в целом), реже читают периодику (24 и 33%), смотрят видео, слушают музыку и читают книги (15 и 26%), меньше бывают на природе (21 и 27%), реже имеют хобби (7 и 10%). Доля хронических бедных, посещающих театры, музеи, кафе, спортклубы и т.п., занимающихся дополнительным образованием, участвующих в работе общественных и политических организаций, стремится к нулю. Единственный (помимо домашней работы) вид досуга, в который хронические бедные вовлечены несколько чаще других, – посещение церкви, религиозных собраний (14%).

Направленность досуговой активности, т.е. содержательная сторона наполнения свободного времени, является важным типологизирующим фактором, определяющим специфику и качество свобод-



**Рис. 10.7. Динамика популярности среди бедных различных способов проведения респондентами своего досуга, 2003 и 2013 г., %**  
(данные отранжированы по частоте упоминаний в 2013 г.)

ного времени той или иной социальной группы. Можно выделить три основных типа реальной досуговой активности<sup>12</sup>. Самые распространенные и не требующие никаких дополнительных затрат *домашние* формы проведения свободного времени (просмотр телевизионных передач, слушание радио, хозяйственные заботы или просто ничегонеделание) при отсутствии любой досуговой активности вне дома представляют собой самый простой тип досуговой активности. На сегодняшний день *доля «простых» форм досуга и отдыха составляет в России 15%*: именно столько наших сограждан не выходят за рамки этих простейших видов проведения своего свободного времени.

Добавление к этим домашним занятиям тех или иных увлечений, включая чтение периодики, книг, слушание музыки, занятия компьютером и другие хобби, проведение времени на природе, более активное общение, направленное на пребывание вне семьи, встречи с друзьями, посещение церкви, обогащает свободное время и несет в себе определенный развивающий компонент. Оставаясь домашним по своей сути, такой тип досуга более разнообразный и интересный, чем простое сидение перед телевизором и домашние хлопоты, и в целом наиболее **«традиционный»** для России, поскольку именно его практикует половина населения (50%). Эта часть населения, в свою очередь, распадается на две подгруппы. Во-первых, это те, кто дополняет «простейший досуг» чтением периодики, книгами, музыкой, прогулками на природе, а также такими «домашними хобби», как рукоделие, фотография и т.д. Их досуг остается в целом домашним, но носит более разнообразный и содержательный характер. *Такой «традиционный домашний» досуг предпочитают 15% опрошенных.* Заметно больше тех, кто в свое свободное время не ограничивается рамками дома, а предпочитает те или иные виды общения — интернет-сообщества, друзья, религиозные сообщества. Такой **традиционный, но направленный на общение** досуг свойствен *35% россиян.*

Однако та часть населения, которая использует только простые или традиционные формы заполнения свободного времени, остается не в состоянии проявлять активное социальное, политическое и культурное участие вне дома, являющееся признаком полноценности и разносторонности досуга, важным условием высокого качества жизни. **Активный** досуг, о котором идет речь как о важнейшем показателе качества жизни, начинается только при условии расши-

---

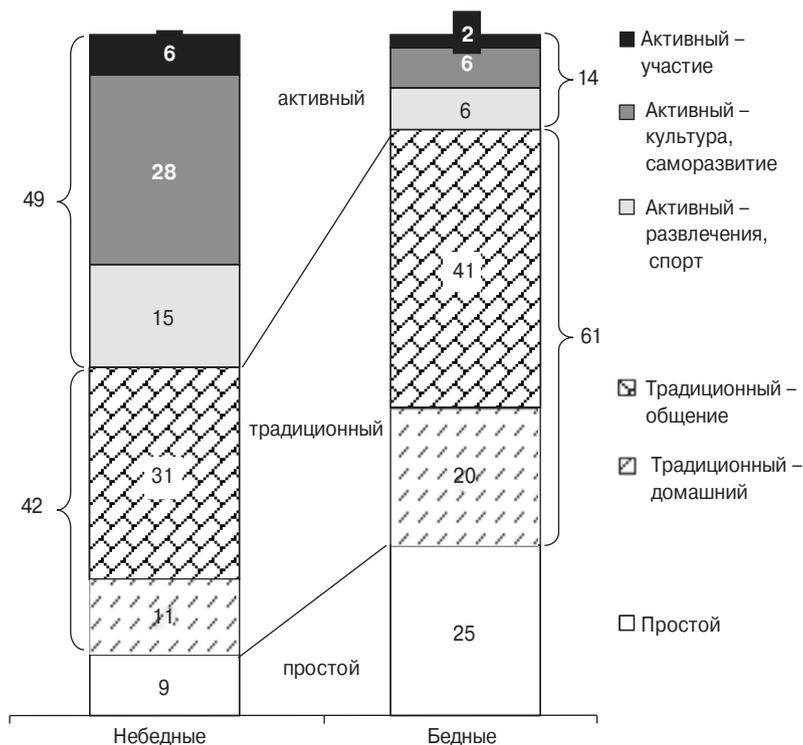
<sup>12</sup> Данный подход к анализу досуговой активности населения был разработан в начале 2000-х гг. Н.М. Давыдовой.

рения спектра досуговых предпочтений за счет внедомашних видов культурной, развлекательной, рекреационной, общественной или иной деятельности, дополнительного образования и т.д. Посещение кино, театров, музеев, концертов, клубов, кафе и т.п., включенность в деятельность общественно-политических институтов, любая другая социальная активность вне дома требуют заметных дополнительных затрат (как материального, так и интеллектуального плана). Однако именно это и придает социальной жизни людей наибольшую полноту. Поэтому «активный» тип досуга, венчающий собой иерархическую лестницу типологизации досуговой активности, наиболее богат, разнообразен и социально привлекателен. Такой «продвинутый», **активный внедомашний** досуг с характерным для него множеством развивающих, развлекающих, культурных, рекреационных, общественных компонентов практикуют 35% россиян.

В группе сторонников активного досуга можно выделить три подгруппы. Для первой характерен досуг, предполагающий дополнение традиционных досуговых «жанров» такими «легкими жанрами», как развлечения и спорт, посещение дискотек и ночных клубов, кафе и баров, а также кружков и клубов по интересам, спортивных залов и т.п. Этот **активный, направленный на развлечения и спорт** досуг присущ 11% россиян. Второй тип активного досуга — это **активный досуг, ориентированный на саморазвитие человека, его культурное и интеллектуальное самосовершенствование**. Являющиеся его приверженцами люди посвящают свободное время театрам и концертам, музеям и выставкам, а также дополнительному образованию. Таковых насчитывается 20%. Наконец, третий тип активного досуга — это **досуг, в ходе которого человек проявляет себя как активный гражданин, отдающий свободное время общественному участию**, в том числе в работе различных общественных собраний и ассоциаций или работе политических организаций. Распространенность **активного досуга с общественным участием** можно оценить в 4–5%.

Типологизация досуга ярко демонстрирует отличия в досуге бедных российских семей от досуга благополучной части общества. Самый простой, практически «растительный» вид досуга (просмотр телевизионных передач, домашнее хозяйство и просто ничегонеделание) распространен среди 25% бедных респондентов, т.е. встречается у них в два с половиной раза чаще, чем в группе небедных (9%). Традиционный досуг — несколько более разнообразный и содержательный — характерен для большинства бедных (61% при 42% у благополучных). Что же касается активного досуга, то среди бедных его

практикуют в целом не более 14%, тогда как среди небедных этот тип досуга, отличающийся направленностью на развитие человека в самых разных сферах, практикует половина (49%), (рис. 10.8).



**Рис. 10.8. Распространенность основных типов досуга по признаку его содержательной направленности среди бедных и небедных россиян, 2013 г., %**

Хронические бедные (находящиеся в состоянии бедности три года и более) характеризуются еще большей степенью «упрощения» своего досуга. Простой досуг является уделом более чем трети представителей этой группы (36%), а активный досуг выступает скорее исключением и встречается только в 6% случаях. Большинство же хронических бедных (58%) проводят свое свободное время по «традиционной» схеме.

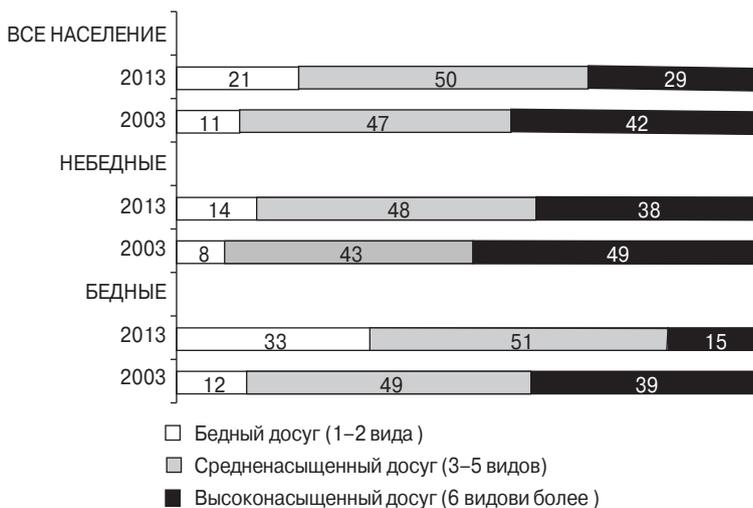
Необходимо подчеркнуть, что многие виды досуга, входящие в его активный тип, предполагают финансовые затраты (посещение спортивных залов, театров и концертов, музеев и выставок, дискотек и ночных клубов, кафе и баров, а также дополнительное образование). Поэтому невысокая доля активного типа в структуре досуга бедных ожидаема и естественна для этой группы. Другое дело – досуг традиционный, в том числе направленный на общение. Он малозатратен, и отказ от него не является для бедных вынужденной мерой. В то же время возможности, которые этот тип досуга предоставляет наряду с физической и эмоциональной разрядкой, (поддержание и расширение круга общения, приобретение новых знакомств и связей, повышение интеллектуального и культурного уровня) очень важны для бедных. Это своеобразные капиталовложения людей в самих себя и своих близких, инструмент повышения ресурсной базы группы, ее человеческого капитала. Как уже отмечалось выше, доля приверженцев этого типа досуга среди беднейшей части россиян даже больше, чем среди небедных (61% против 42% соответственно). Таким образом, *у российских бедных существует определенный потенциал улучшения положения и преодоления/ослабления эксклюзии с помощью расширения досуговых практик традиционного типа*. Однако, учитывая, что общение бедных в значительной степени проходит, что называется, «в своем кругу», данный потенциал не стоит переоценивать. При этом многие бедные остаются в зоне простого досуга (25%).

Для характеристики досуга как важнейшей сферы повседневной жизни населения важно понимать не только его содержательную направленность, но и степень его насыщенности, видовое разнообразие. Действительно, трудно назвать полноценным досугом сведение всего свободного времени человека только к одному-двум видам деятельности, даже если это посещение театров или участие в деятельности политической организации. Чем разнообразнее досуг, чем шире круг общения и интересов человека, тем эффективнее используется его свободное время, поскольку позволяет ему снять накопившийся стресс, восстановить силы, полноценно отдохнуть. Узконаправленный же досуг не несет в себе подобного рекреационного заряда, превращается в рутину.

Анализ полученных данных показывает, что большинство россиян имеют насыщенный досуг, в котором представлено три вида и более досуговой активности. При этом каждый второй (50%), как правило, отдает свободное время трем–пяти видам досуга, а еще 29% имеют досуг очень насыщенный, включающий шесть и более видов

деятельности. В то же время существует группа людей, досуг которых беден, малонасыщен: к этой группе относится каждый пятый россиянин (21%). По сравнению с 2003 г. нынешняя ситуация с точки зрения насыщенности и разнообразия досуга россиян заметно ухудшилась, поскольку выросла доля людей, имеющих бедный досуг (с 11 до 21%) и, напротив, сократилась доля тех, кто практикует разнообразный, высоконасыщенный досуг (с 42 до 29%).

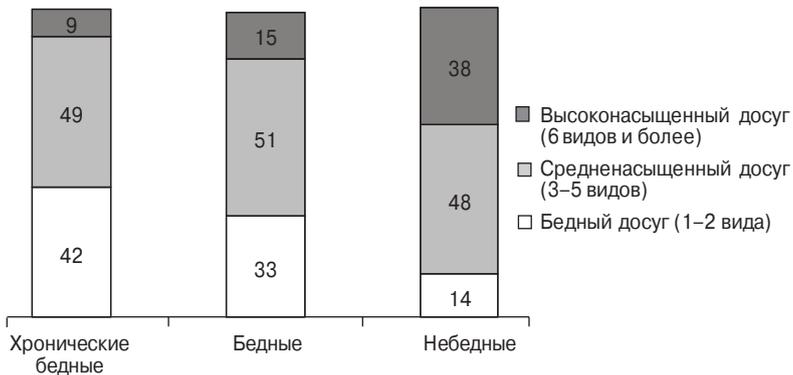
Эта тенденция характерна для всех социальных групп общества, в том числе бедных. Однако процесс обеднения досуга последних идет гораздо более быстрыми темпами, чем у небедного населения. Если в 2003 г. ненасыщенным досугом характеризовались 12% российских бедных, то сейчас он отличает досуг каждого третьего представителя этой группы (33%). Более трети бедных (39%) десять лет назад практиковали высоконасыщенный досуг, тогда как сегодня им могут похвастаться лишь 15% (рис. 10.9).



**Рис. 10.9. Динамика количества практикуемых видов досуговой активности среди всего населения, бедных и небедных россиян, 2003–2013 гг., %**

Узкий спектр видов досуговой активности характерен практически для всех социально-демографических групп бедных, но квинтэссенция «досугового однообразия» — группа хронической бедности. Пребывание в состоянии бедности в течение длительного времени

приводит не только к тому, что из досуговой палитры человека вымываются виды досуга, сопряженные с финансовыми расходами, необходимостью быть социально активным или хотя бы просто социально включенным, но и к тому, что сокращается «номенклатура» видов досуга, практикуемых им (рис. 10.10). Среди хронических бедных, по сравнению с бедными в целом и особенно по сравнению с благополучными россиянами, редко встречаются те, чей досуг составляют 6 видов активности и более (9%). И напротив, группа хронической бедности отличается самой высокой долей тех, чей досуг крайне беден и ограничен всего 1–2 ее видами: таких среди хронических бедных 42%.



**Рис. 10.10. Распространенность количества практикуемых видов досуговой активности среди бедных, хронических бедных и небедного населения, 2013 г., %**

Подводя итоги анализа развития сферы досуга в российском обществе в целом и досуга беднейшей его части, необходимо подчеркнуть, что свободное время и досуг, несмотря на их неоспоримое социальное значение, а также общемировую тенденцию движения к «цивилизации досуга», остаются в российском массовом сознании и в жизненных практиках людей «вторичными» по отношению к работе.

При этом характер досуга является одним из важнейших маркеров бедности в современной России. На фоне относительно благополучной ситуации в сфере досуга в обществе в целом и тенденции улучшения оценок населением своих возможностей в ней досуг российских бедных отличается ограниченными возможностями, скудным содер-

жанием, отсутствием видового разнообразия. Несмотря на то что в течение последних 10 лет негативизм в оценках бедными своих досуговых возможностей несколько снизился, сохраняется тенденция на дальнейшее обеднение досуга этой части российского населения, причем из досуговой палитры бедных вымываются даже виды досуга, не требующие финансовых затрат. При этом сами бедные не придают большого значения ограничениям своего досугового пространства.

В целом сегодня можно говорить о развитии системного характера досуговой эксклюзии российских бедных, о том, что скудость досуга становится неотъемлемой чертой их образа жизни. Происходит сужение их жизненного кругозора, ослабляется интерес к разнообразию, новым эмоциям и впечатлениям, саморазвитию. Российские бедные не воспринимают и не используют возможности досуга в качестве доступного для них инструмента развития собственных ресурсов — социально-коммуникативных, профессиональных, культурных и т.д., консервируя, таким образом, свое состояние бедности и не пытаясь нащупать выхода из него. В случае сохранения наблюдаемых сегодня тенденций можно ожидать дальнейшего сужения социального горизонта бедных, замыкания их в своем коммуникационно и культурно замкнутом мире.

Поэтому сегодня особое значение приобретают формирование нового отношения бедных к своему досугу, осознание ими тех возможностей, которые предоставляет современному человеку досуг, выступающий как источник самых разнообразных навыков и умений, возможность сделать карьеру вне «мира работы», канал включения в самые разнообразные социальные взаимодействия и сети, повод для поиска новой идентичности, а главное — как инструмент преодоления социальной эксклюзии. Однако не менее, а может, и более важной стороной этой проблемы выступает необходимость осознания ее обществом, формирование доступных для бедных, особенно для молодежи из бедных семей, каналов реализации развивающих способов своей досуговой активности.

## БЕДНЫЕ В РОССИИ: ОТНОШЕНИЕ К ВЛАСТИ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ, ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

*В.В. Петухов*

Бедность в России как социально-экономический феномен, что уже отмечалось в предыдущих главах данной книги, за последние 10–15 лет претерпела существенную трансформацию. Общая численность бедных заметно снизилась за счет некоторого повышения жизненного уровня многих представителей массовых профессий (медицинских работников, учителей, работников культуры и т.п.), живших в 1990-е гг. на зарплату, не всегда достаточную для того, чтобы обеспечить минимальные потребности. Также снизилось число бедных среди старшего поколения россиян, несмотря на то, что инфляция и рост коммунальных тарифов постоянно нивелируют рост доходов пенсионеров. Это резко отличается от ситуации второй половины 1990-х гг., когда социальное расслоение формировалось под воздействием процессов адаптации, оставлявших «за бортом» достойного существования и подавляющее большинство старшего поколения россиян, и жителей села, и неблагополучные семьи, и жителей многих депрессивных регионов страны. Что, в свою очередь, вело к глубокому идейно-политическому расколу общества, массовому голосованию указанных групп населения и регионов так называемого «красного пояса» за левую оппозицию.

Сегодня ситуация принципиально иная. Многоликость, гетерогенность российской бедности в качестве одного из важных своих следствий имеет то, что *бедные не являются сегодня в России самостоятельным субъектом социально-политического действия, формирующим особую повестку дня*. Тем не менее, жизнь бедных семей в современной России отличается от жизни всех остальных россиян материальными и нематериальными лишениями, что сказывается на их оценках окружающей реальности вообще и тех изменений, которые произошли в стране за последнее «путинское десятилетие» (2003–2013 гг.), в частности.

Как показал опрос, оценки этой эпохи обществом в целом носят умеренно позитивный характер, в основном за счет тех респондентов, которые не видят особых изменений (ни положительных, ни отрицательных) и которые чаще всего выбирают позицию «все осталось таким же, как и раньше». При этом россияне скорее со знаком «плюс» оценивают изменения, касающиеся состояния российской экономики, уровня жизни населения, положения с безработицей, своевременной выплатой зарплат, пенсий, пособий и т.п. Также позитивно оцениваются международное положение страны, эффективность государственного правления, положение в армии. Неоднозначно воспринимается деятельность В. Путина в сферах развития демократии и обеспечения безопасности граждан (и в том и в другом случае голоса разделились: 20% – «за», столько же – «против» при 60% неопределившихся). Однозначное ухудшение ситуации респонденты фиксируют в трех сферах – это морально-психологический климат в стране, положение в правоохранительных органах и борьба с коррупцией (табл. 11.1).

Таблица 11.1

**Динамика оценок россиянами положения дел в различных сферах жизни общества за период нахождения В. Путина у власти, 2003 и 2013 гг., %**

Сферы жизни общества	Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013
<b>1. Общее состояние российской экономики</b>				
Улучшилось	32	<b>19</b>	49	33
Осталось таким же	45	<b>61</b>	43	<b>53</b>
Ухудшилось	23	<b>20</b>	8	<b>14</b>
<b>2. Уровень жизни населения</b>				
Улучшился	13	<b>19</b>	27	<b>42</b>
Остался таким же	48	<b>54</b>	55	<b>45</b>
Ухудшился	39	<b>27</b>	18	<b>13</b>
<b>3. Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий</b>				
Улучшилась	63	<b>44</b>	70	<b>58</b>
Осталась такой же	28	<b>47</b>	25	<b>38</b>
Ухудшилась	9	<b>9</b>	5	<b>4</b>

Продолжение таблицы 11.1

Сферы жизни общества	Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013
<b>4. Положение с безработицей</b>				
Улучшилось	18	<b>15</b>	23	<b>33</b>
Осталось таким же	53	<b>59</b>	60	<b>50</b>
Ухудшилось	29	<b>26</b>	17	<b>17</b>
<b>5. Безопасность граждан</b>				
Улучшилась	6	<b>13</b>	8	<b>23</b>
Осталась такой же	50	<b>64</b>	61	<b>60</b>
Ухудшилась	44	<b>23</b>	31	<b>17</b>
<b>6. Международное положение страны</b>				
Улучшилось	46	<b>31</b>	56	<b>41</b>
Осталось таким же	36	<b>62</b>	31	<b>49</b>
Ухудшилось	18	<b>7</b>	13	<b>10</b>
<b>7. Общий психологический климат в стране</b>				
Улучшился	19	<b>10</b>	31	<b>23</b>
Остался таким же	45	<b>60</b>	48	<b>52</b>
Ухудшился	36	<b>30</b>	21	<b>25</b>
<b>8. Права и свободы граждан, развитие демократии в стране</b>				
Улучшилось	15	<b>12</b>	19	<b>22</b>
Осталось таким же	65	<b>70</b>	61	<b>58</b>
Ухудшилось	20	<b>18</b>	20	<b>20</b>
<b>9. Эффективность государственного управления страной</b>				
Улучшилась	26	<b>17</b>	35	<b>31</b>
Осталась такой же	55	<b>66</b>	53	<b>54</b>
Ухудшилась	19	<b>17</b>	12	<b>15</b>
<b>10. Ситуация на Северном Кавказе</b>				
Улучшилась	22	<b>33</b>	23	<b>37</b>
Осталась такой же	57	<b>53</b>	59	<b>51</b>
Ухудшилась	21	<b>14</b>	18	<b>12</b>
<b>11. Положение в армии</b>				
Улучшилось	9	<b>23</b>	11	<b>31</b>
Осталось таким же	50	<b>55</b>	57	<b>51</b>
Ухудшилось	41	<b>22</b>	32	18
<b>12. Положение в правоохранительных органах (суды, МВД, прокуратура)</b>				
Улучшилось	6	<b>15</b>	11	<b>25</b>
Осталось таким же	49	<b>55</b>	60	<b>51</b>
Ухудшилось	45	<b>30</b>	29	<b>24</b>

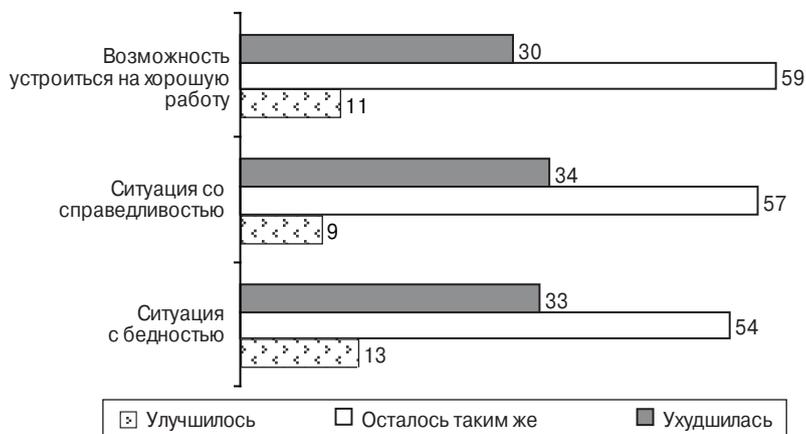
Окончание таблицы 11.1

Сферы жизни общества	Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013
<b>13. Борьба с коррупцией</b>				
Улучшилась	7	<b>17</b>	10	<b>23</b>
Осталась такой же	50	<b>57</b>	59	<b>49</b>
Ухудшилась	43	<b>26</b>	31	<b>28</b>

Если сравнивать показатели 2013 г. с оценками респондентов десятилетней давности, то зафиксирована разнонаправленность оценок состояния российской экономики и уровня жизни населения. В первом случае отмечается ухудшение баланса позитива и негатива (снижение с отметки +27 до +13), а во втором, напротив, заметное улучшение – (с –5 до +21). Сегодня многих экономистов тревожит опережающий рост доходов граждан страны на фоне депрессивной экономики.

Что же касается группы бедных, то их взгляд на «путинскую эпоху» носит, как и следовало ожидать, значительно более негативный характер, чем общества в целом. В первую очередь это касается оценок экономической ситуации и социальной сферы. Бедные, скорее, негативно оценивают перемены в уровне жизни (–8), в общем состоянии российской экономики (–1), в сфере занятости, безработицы (–11), безопасности (–10), общем психологическом климате в стране (–17), в состоянии демократии и прав человека (–5), положении дел в правоохранительных органах (–15), борьбе с коррупцией (–9). Позитивных оценок со стороны группы бедных удостоились лишь международная политика страны (+27), перемены в ситуации в Чечне (+19), своевременность выплат зарплат и пенсий (+35).

Отдавая должное тем позитивным изменениям, которые произошли за последнее десятилетие, большинство россиян, причем как бедных, так и небедных, полагают, что В. Путину не удалось реализовать одно из первых своих предвыборных обещаний – победить бедность. С тем, что В. Путин смог добиться этого, согласились лишь 13% опрошенных (7% бедных и 16% небедных). Еще меньшее число опрошенных (5 и 10% соответственно) полагают, что президент смог обеспечить социальную справедливость, включая возможности социальной мобильности, особенно для молодых россиян. Последнее признали лишь 11% всех опрошенных, среди которых 6% бедных и 14% небедных соответственно (рис. 11.1).

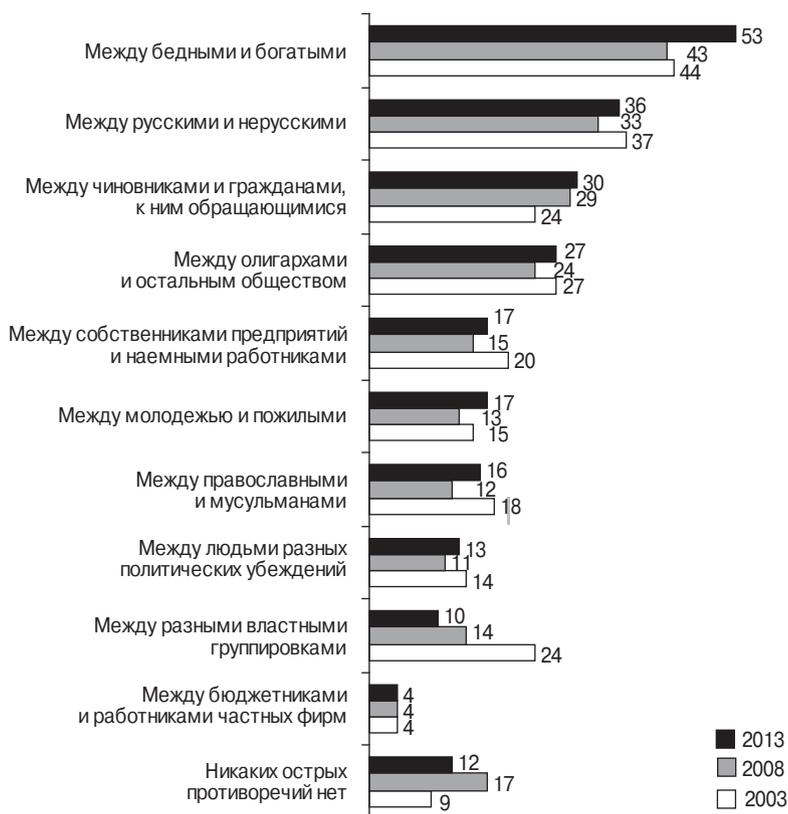


**Рис. 11.1. Распределение ответов на вопрос: «Как изменилось положение дел в стране за время пребывания В. Путина у власти?», 2013 г., %**

Тот факт, что бедность и несправедливость в первую очередь обусловлены политикой государства в социальной и экономической сферах, подтверждают и данные о существующих в обществе противоречиях. Выше уже отмечалось, что отношение россиян к разного рода неравенствам, определяющимся различиями в трудовых усилиях, образовании, квалификации и т.п., спокойное и даже в большинстве случаев позитивное. В то же время эти неравенства, по мнению россиян, не должны носить чрезмерного характера, влиять на правовую и судебную защищенность граждан, а правительству следует целенаправленно работать над снижением неоправданно высокой дифференциации доходов, которая сегодня столь высока, что стала угрожать целостности общества.

И это понятно, учитывая, что проблема общественного неравенства, разрывов и противоречий между бедными и богатыми со временем не только не смягчается, но становится все более острой, нетерпимой. Если 10 лет назад ее отмечали в числе трех самых острых проблем 44% опрошенных, 5 лет назад – 43%, то в 2013 г. – уже 53%. По своей остроте она на 17 пунктов опережает еще одну острейшую проблему нашего времени – национальную, проблему нарастающих противоречий между русским большинством и нерусскими диаспорами. Причем указанный рост фиксируется как среди бедных, так и небедных, которые, впрочем, на фоне роскоши, навязчиво демон-

стрируемой верхами общественной пирамиды, также выглядят «бедными» (рис. 11.2).



**Рис. 11.2. Динамика представлений россиян о том, между какими группами российского общества существуют наиболее острые противоречия, 2003 и 2013 гг., %**

Естественно, это не может не беспокоить российские власти, которые недавно предприняли попытку представить реально существующее противоречие между полюсами общественной пирамиды в качестве раскола между социальными возможностями, культурой и образом жизни российской глубинки и «жирующими» и при этом вечно недовольными столицами, «традиционалистским» большинством и «либеральным» меньшинством молодого среднего класса Москвы и крупных городов.

Положение собственно бедных, особенно в глубинке, действительно становится объективно все более затруднительным, так как реалии нашего общества становятся менее приспособленными для них. Это безудержный рост тарифов ЖКХ, значительно опережающий средние показатели инфляции, это вымывание из ассортимента магазинов дешевых товаров, это фактическое исчезновение бесплатной медицины и частично – бесплатного образования. Однако фиксируемое противоречие между богатыми и бедными пока не трансформировалось в классовый антагонизм. Так, противоречия между собственниками предприятий и наемными работниками отметили лишь 17% всех опрошенных и 21% бедных, а показатель по противоречию между бюджетниками и работниками частных фирм и вовсе не превышает 4–5%.

Иное дело – симбиоз крупного российского бизнеса и статусного чиновничества. В перечне актуальных общественных противоречий они занимают третью и четвертую позиции среди всех групп опрошенных. В этом вопросе солидарны и бедные, и небедные россияне (табл. 11.2).

Таблица 11.2

**Динамика представлений бедного и небедного населения о том, между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия, 2003–2013 гг., %**

Противоречия	Бедные			Небедные		
	2003	2008	2013	2003	2008	2013
Между богатыми и бедными	51	50	<b>60</b>	41	40	<b>51</b>
Между русскими и нерусскими	31	32	<b>31</b>	41	34	<b>38</b>
Между молодежью и пожилыми людьми	14	16	<b>19</b>	16	12	<b>16</b>
Между православными и мусульманами	15	11	<b>14</b>	21	11	<b>17</b>
Между людьми различных политических убеждений	12	8	<b>11</b>	14	12	14
Между олигархами и остальным обществом	32	27	<b>26</b>	25	21	<b>27</b>
Между собственниками предприятий и наемными работниками	24	11	<b>21</b>	18	17	<b>16</b>
Между разными властными группировками	22	14	<b>6</b>	27	16	<b>11</b>
Между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися	28	29	<b>30</b>	25	30	<b>31</b>
Между бюджетниками и работниками частных фирм	4	2	<b>5</b>	4	4	<b>4</b>
Никаких острых противоречий нет	9	17	<b>11</b>	10	17	<b>12</b>

На фоне переживаний по поводу несправедливости происходящего современное российское общество, включая его бедные слои, не демонстрирует стремления что-либо менять в окружающей реальности, что выглядит на первый взгляд неожиданным. Бедные отнюдь не жаждут перемен, предпочитая стабильность (по 71% и среди бедных «по доходам», и среди бедных «по лишениям» против 28 и 29% стремящихся к изменениям соответственно). Сторонников перемен среди них даже меньше, чем среди вполне благополучных граждан. Большая их часть (70% среди бедных «по доходам» и 67% среди бедных «по лишениям») традиционно связывает надежды на лучшую жизнь с сильным лидером, «твердой рукой», а не с собственными усилиями, в том числе и посредством политического волеизъявления. Они ценят свободу, прежде всего, как свободу частной жизни (возможность быть самому себе хозяином), чем как набор политических прав и свобод, реализуемых в политическом участии. И наконец, большая часть бедных готова и дальше поддерживать нынешнюю власть: по 63% и среди бедных «по доходам», и среди бедных «по лишениям». И это несмотря на то, что власть им нравится далеко не во всех ее проявлениях. Необходимо отметить, что практически по всем позициям, за исключением ориентации на «твердую руку», мнение рассматриваемых групп населения мало чем отличается от мнения небедных и общества в целом (табл. 11.3).

Многие исследователи объясняют подобного рода оценки усилившейся в последнее время апологией самовластия, являющейся якобы чуть ли не высшей ценностью особой русской цивилизации. Представляется, однако, что ориентация многих наших сограждан на статус-кво в гораздо большей степени связана с тем, что современная Россия — это классическое «общество риска», в котором, по словам З. Баумана, никакая работа не может быть гарантирована, никакое положение не является прочным, никакая специальность не имеет устойчивой ценности. Права человека в их современном понимании не обеспечивают права на работу, как бы хорошо она ни выполнялась, или, выражаясь в более общей форме, права на заботу и внимание, соразмерные прошлым заслугам. Уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения<sup>1</sup>. Иначе говоря, у многих россиян, а у бедных особенно, страх потерять то немногое,

---

<sup>1</sup> Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 107.

Таблица 11.3

**Политические установки различных групп россиян в отношении политических свобод, необходимости перемен и поддержки власти, 2013 г., %**

Альтернативные суждения	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок	70	67	60
Политические свободы, демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах	29	33	39
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	71	71	67
Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	28	29	33
При всех своих недостатках нынешняя власть все-таки заслуживает поддержки	63	63	73
Нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало	34	34	25

*Примечание.* В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

что имеешь, сильнее, чем надежды на перемены. Отсюда и спайка в сознании многих россиян идей свободы и порядка и надежды на сильное государство, которое обеспечивало бы и то и другое.

Впрочем, эти надежды, особенно на фоне замедления экономического роста и снижающегося уровня доверия большинству общественных и государственных институтов, постепенно улечиваются. Соответственно, горизонт будущего экономического процветания и формирования подлинного демократического государства в глазах общества постепенно отодвигается. В то, что если не при их жизни, то при жизни их детей Россия станет страной, в которой будут реализованы такие базовые для нормальной жизни принципы, как справедливость, равенство всех граждан перед законом, солидарность, благополучие для всех, социальная защищенность, равенство возможностей, верят от четверти до трети всех опрошенных респондентов. Оптимизм сохраняет в основном небедная молодежь, чего нельзя сказать об их сверстниках из бедных семей, особенно в самой молодой когорте – 18–21 год. Здесь полярность мнений в отношении возможности реализации указанных принципов особенно рельефна.

Так, в реализацию принципов справедливости и равенства всех перед законом верят 17% бедной молодежи и 43–44% – небедной.

Еще хуже обстоит дело с таким чрезвычайно важным для вступающих в сознательную жизнь новых поколений условием реализации жизненных планов, как равенство возможностей. Лишь 8% бедной молодежи полагают, что их дети будут жить в обществе равных стартовых возможностей. Среди небедной молодежи таковых почти в 5 раз больше. Тем не менее, даже среди небедной молодежи практически по всем позициям негативный взгляд в будущее является преобладающим. Единственное исключение – лозунг «свободы». Среди всей опрошенной молодежи, за исключением когорты 18–21 год, фиксируется позитивный взгляд на возможность ее реализации. Это связано, по-видимому, с тем, что в сфере частной жизни большинство россиян не испытывают особого в ней дефицита. Что же касается политических прав и свобод, то, как показали предыдущие исследования ИС РАН, большинство россиян уже давно потеряли веру и в эффективность демократических институтов, и в собственную способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы и не рассматривают большинство этих прав и свобод в качестве инструментальных ценностей (табл. 11.4).

Отсюда высокий уровень поддержки россиянами власти, который представляет собой, по сути, делегирование не только полномочий, но и ответственности «наверх» и фактическое самоустранение от всего, что выходит за рамки жизни своей семьи и ближайшего окружения. Политика все больше начинает восприниматься ими как отчужденная от общества сфера деятельности «политического класса» и его непосредственного окружения (активистов и волонтеров политических партий, работников СМИ, аналитиков, имиджмейкеров и т.д.). Особенно это касается бедных, для которых приоритетным остается поддержание более-менее достойного уровня и качества жизни: ведь возможности здесь если и увеличились, то отнюдь не для всех. Сегодня политика, полноценный досуг, общественная самодеятельность, путешествия и т.п. – привилегия меньшинства. Удел же всех остальных – работа и дом, а дома – телевизор. И нельзя сказать, что такое положение дел для всех неприемлемо. В России впервые за многие десятилетия, если не за столетия, появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и неучастием. Судя по нынешнему уровню политической и иной активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

Таблица 11.4

Распределение ответов на вопрос: «А как Вы думаете, те, кто сегодня еще дети, будут жить в обществе, где на практике реализуются такие лозунги, как ....?», 2013 г., % по возрастным группам 18–30 лет

Лозунги	Возрастные группы					
	18–21 год		22–25 лет		26–30 лет	
	бед- ные	небед- ные	бед- ные	небед- ные	бед- ные	небед- ные
<b>1. Справедливость</b>						
Скорее, да	17	44	25	32	26	43
Скорее, нет	83	56	75	68	74	57
<b>2. Равенство всех перед законом</b>						
Скорее, да	17	43	38	35	26	36
Скорее, нет	83	57	62	65	74	64
<b>3. Свобода</b>						
Скорее, да	33	65	50	52	46	58
Скорее, нет	67	35	50	48	54	42
<b>4. Солидарность</b>						
Скорее, да	33	47	38	37	29	49
Скорее, нет	67	53	62	63	71	51
<b>5. Благополучие для всех</b>						
Скорее, да	17	39	25	30	26	32
Скорее, нет	83	61	75	70	74	68
<b>6. Социальная защищенность</b>						
Скорее, да	8	44	21	42	31	40
Скорее, нет	92	56	79	58	69	60
<b>7. Равенство возможностей</b>						
Скорее, да	8	41	33	39	26	34
Скорее, нет	92	59	67	61	74	66

Доля тех, кто лично участвует в политической жизни, не изменилась за минувшее десятилетие, оставшись на отметке 2%. Причем эта цифра идентична и для бедной, и для небедной части населения. Количество респондентов, внимательно следящих за политикой, за это же время снизилось с 32 до 24%, в том числе среди бедных – с 29 до 12%. Число же тех, кто совсем не интересуется политикой, выросло с 31 до 42%, среди бедных – с 36 до 62%. Все это, наряду с уже обозначенными выше результатами исследования, говорит о *нарастающем отчуждении большей части россиян, особенно представителей среднего*

и нижнего уровня общественной пирамиды, и от политики, и от общественной жизни в целом (табл. 11.5).

Таблица 11.5

**Динамика интереса к политике бедного и небедного населения, 2003–2013 гг., %**

Отношение к политике	Бедные			Небедные		
	2003	2008	2013	2003	2008	2013
Лично участвовали в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках)	2	1	2	1	2	2
Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	29	22	12	31	30	26
Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	32	26	24	37	37	30
Политикой не интересуются	36	51	62	31	31	42

Присущие сегодня российскому обществу политическая пассивность и социальная инертность проявляются даже в гипотетических форс-мажорных обстоятельствах. В случае существенного ухудшения социально-экономической ситуации в стране практически каждый второй россиянин либо никак не отреагирует на это, либо пока вообще не задумывается, что ему в таком случае предпринять. При этом 37% россиян в случае ухудшения своей жизни намерены искать дополнительные заработки, а для бедных аналогичный показатель составляет лишь 26%. Впрочем, учитывая ограниченный спектр возможностей, которые им предлагает в этом отношении современное российское общество, что уже отмечалось в главах 3 и 4 данной монографии, это не удивительно. Времена, когда бедняки, безработные и пенсионеры массово перепродавали батоны из булочной, остатки семейных сервизов и картошку со своего огорода, прошли. Многие виды приработка, популярные в 1990-е гг., либо запрещены, либо сильно ограничены, либо «оккупированы» членами нерусских диаспор. Отсюда заметное снижение надежды на новую работу у всех категорий опрошенных.

Обращает на себе внимание рост, хоть и небольшой, числа тех, кто готов связывать решение своих жизненных проблем с протест-

ными формами активности (митингами, демонстрациями, голодовками). И напротив, фиксируется отсутствие какого-либо доверия к институциональным формам политического участия: вступить в политические партии для защиты своих интересов готовы лишь 2% россиян и менее 1% бедных. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении профсоюзных организаций, надежды на которые возлагают лишь единичные участники опроса. О своей готовности «идти на баррикады», отстаивать свои интересы с оружием в руках заявляют 3% (табл. 11.6).

Таблица 11.6

**Динамика представлений бедного и небедного населения о том, как они готовы реагировать в случае значительного ухудшения своей жизни, 2003 и 2013 гг., % (два варианта ответа)**

Варианты	Бедные		Небедные	
	2003	2013	2003	2013
Вступят в какую-либо политическую партию для защиты своих интересов	3	0	2	3
Будут отстаивать свои интересы через профсоюзные организации	4	2	4	5
Примут участие в митингах, демонстрациях, голодовках	7	9	4	6
Возьмутся за оружие для отстаивания своих интересов	5	3	6	3
Примут решение о переезде в другой регион страны	2	3	4	4
Примут решение о выезде из России в другую страну	4	1	6	5
Будут искать дополнительные источники заработка	38	26	52	39
Никак не будут реагировать, станут терпеть дальше	8	8	1	2
Что-то предпримут, но что, еще не решили	30	38	37	36
Ничего предпринимать не будут	8	21	4	17

В то же время широко тиражируемый сегодня тезис о консервативном «путинском большинстве», которое негативно относится к московским «бузотерам», верен лишь отчасти. Пока большая часть представителей бедных, как и население в целом, к протестам относятся с безразличием (52 и 51% соответственно). При этом более трети симпатизируют им, а с неодобрением относятся к ним лишь 13%

(15% небедных, 7% бедных «по доходам» и 11% бедных «по лишениям»), (табл. 11.7).

Таблица 11.7

**Распределение ответов на вопрос: «Как Вы лично относитесь к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т.п.?', 2013 г., %**

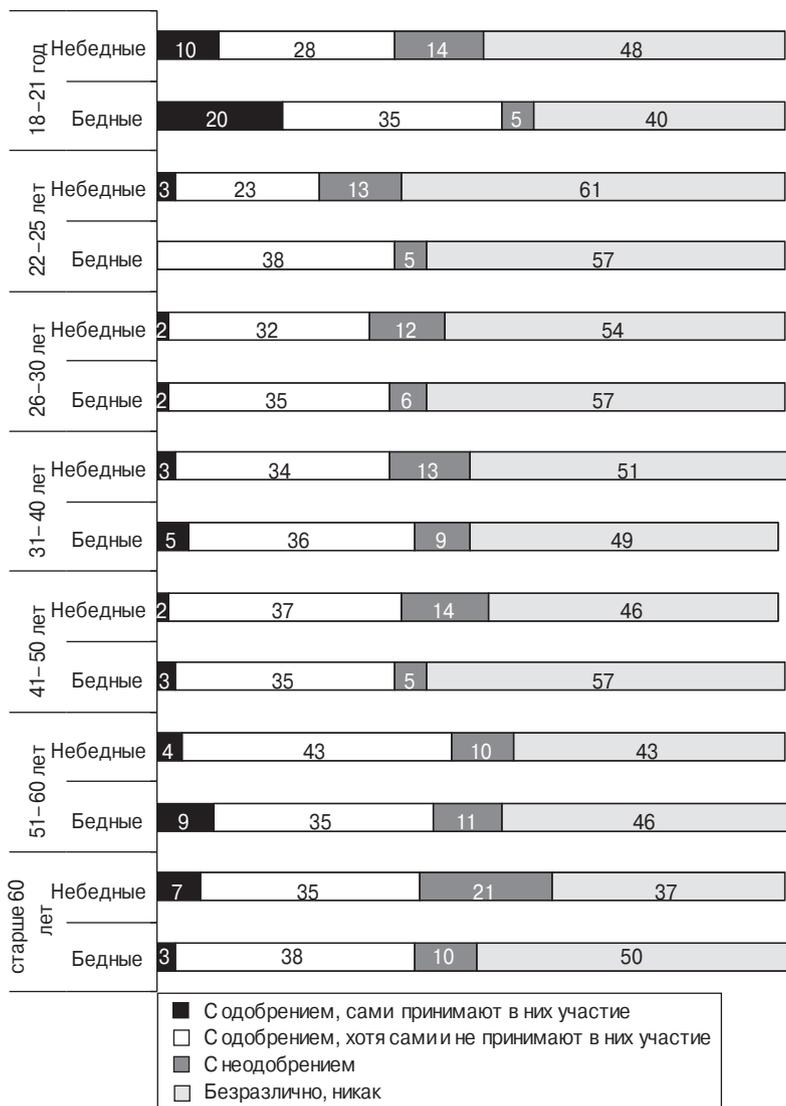
Варианты	Бедные		Небедные
	по доходам	по лишениям	
С одобрением, сами принимают в них участие	5	4	4
С одобрением, хотя сами и не принимают в них участие	36	34	34
С неодобрением	7	11	15
Безразлично, никак	52	51	47

Что же касается личного участия, то, как видно из данных табл. 11.7, лишь 4% россиян в нынешнем году выходили на улицы российских городов протестовать. На первый взгляд, это немного, однако, по оценкам некоторых экспертов, даже 1–2% «пассионариев» обладают эффектом, способным побудить к активным действиям еще 5–7% населения<sup>2</sup>.

Следует также обратить внимание на довольно высокий уровень боевитости молодежи в возрасте 18–21 года, особенно бедной: 10 и 20% их представителей соответственно уже участвовали в акциях протеста. Безусловно, за этими цифрами скрывается свойственная молодости бравада. Тем не менее, совершенно очевидно, что у значительной части молодежи есть основания и для недовольства, и для его выражения в открытых формах (рис. 11.3).

Для молодых людей из относительно состоятельных семей чрезвычайно важна перспектива самореализации, карьерного и материального роста. Однако для многих из них очень быстро становится понятным, что карьерную лестницу, по которой они мечтали забраться на максимально возможную высоту, давно уже убрали за собой те, кому удалось забраться по ней раньше. Кроме того, в отличие от США, где заработная плата работников растет до 55 лет,

<sup>2</sup> Мамонов М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1 (107), январь–февраль ([http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/107/2012\\_107\\_2\\_Mamonov.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/107/2012_107_2_Mamonov.pdf))



**Рис. 11.3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы лично относитесь к людям, принимающим участие в акциях протеста, митингах, демонстрациях и т.п.?», 2013 г., %**

в нашей стране, по оценке Р. Капелюшникова, накопление человеческого капитала фактически завершается к 35 годам, когда заработки достигают пика<sup>3</sup>. Единственным выходом из такой ситуации для многих представителей так называемого «креативного класса» становится смена работы путем перехода в сегмент с большой заработной платой даже за счет нисходящего профессионального статуса. Еще в большей степени это относится к миллионам молодых людей из небогатых семей, особенно учащихся, которые зарабатывают себе на жизнь, что называется, «по-бразильски» — перехватывая время от времени случайную, краткосрочную работу без каких-либо социальных гарантий. Более того, наметилась тенденция сохранения такого типа заработка у многих и после окончания учебы. Особенно это характерно для Москвы, где масштаб и разнообразие «нестандартных» форм занятости столь велик, что начинает восприниматься как норма трудовых отношений.

Все это, безусловно, вызывает недовольство, а иногда и открытый протест. Поэтому одна из главных причин, выводящих внешне благополучную молодежь на улицы российских городов, — это пугающая перспектива многолетнего застоя, сопряженная с резким сужением возможностей личностной самореализации. Ю. Левада в этой связи совершенно справедливо отмечал, что при работе с показателями общественных настроений важно видеть присутствие по меньшей мере двух составляющих: запросы и их удовлетворение. Например, динамика позитивных оценок социальных настроений может свидетельствовать как о насыщении существующих запросов, так и об их уменьшении, а иногда о том и другом одновременно<sup>4</sup>. И, наоборот, недовольство может развиваться на фоне благополучной ситуации не потому, что граждане испытывают какой-то социальный стресс, а потому, что не реализуются их опережающие ожидания и нет уверенности, что они реализуются в будущем. Обществу, особенно молодой его части, необходима пусть небольшая, но постоянная позитивная динамика, поддерживающая социальный оптимизм и надежду на лучшие времена.

Характерно и то, что в случае прямого столкновения власти и оппозиции готовность поддержать оппозицию значительно интенсивнее проявляется как раз на нижних этажах общественной пирами-

---

<sup>3</sup> Капелюшников Р.И. Записка об отечественном человеческом капитале // Отечественные записки. 2007. № 3.

<sup>4</sup> Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 55.

ды (рис. 11.4). Впрочем, подавляющее большинство россиян в случае указанного конфликта останется дома и по телевизору будет наблюдать «чья возьмет». И если победит власть, то на ближайших выборах они пойдут и проголосуют за нее.

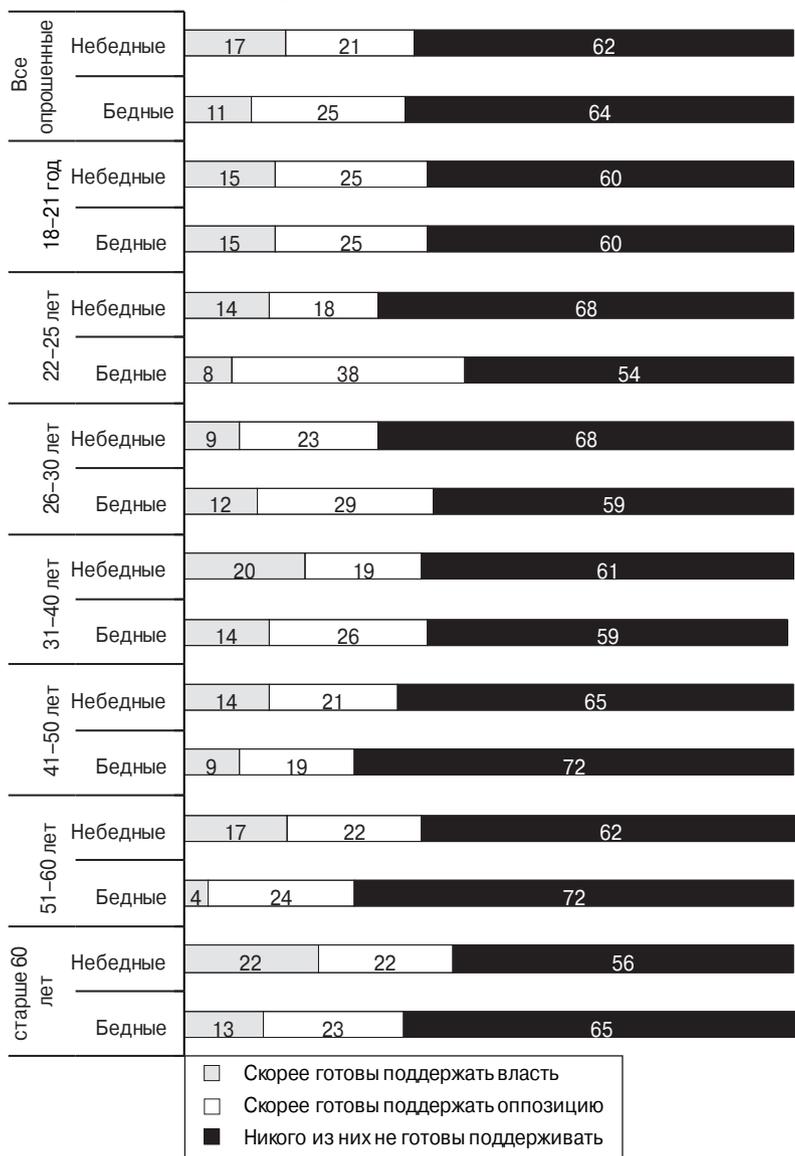
Некоторые наблюдатели связывают причины социальной апатии этого большинства с более или менее благополучной экономической ситуацией в стране, некоторым ростом доходов если не всех, то значительных слоев населения и, следовательно, отсутствием объективных оснований для открытого выражения недовольства. Между тем зимой и весной 2011–2012 гг., когда и объективные показатели социально-экономической сферы внушали умеренный оптимизм и настроение людей было в принципе неплохое, началась волна массовой протестной активности, что еще раз подтверждает известную социологам закономерность, согласно которой между уровнем участия, включая протестное, и социальным самочувствием масс нет прямой зависимости.

Ряд экспертов обращают внимание также на то, что в России крайне слабо выражена такая важная первооснова любых форм активности, включая политическую, как общественная солидарность. Б. Кагарлицкий объясняет это наследием советской эпохи, сформировавшей такой тип работника, который сам по себе способен вызывать восхищение преданностью своему предприятию, отождествлением себя с ним, но которому в новой капиталистической реальности только предстоит пройти школу социальной борьбы и самоорганизации<sup>5</sup>. Другие авторы усматривают причины в том, что в России практически с самого начала реформ из «демократического оборота» были выведены корпоративный сектор и рынок труда, а это сделало российскую демократию, по мнению, например, Б. Капустина, дефектной, неспособной служить справедливости, защите от экономической эксплуатации, социальной дискриминации и политического угнетения, снижению уровня неравенства в обществе, облегчению доступа к благам культуры и образования<sup>6</sup>. Вследствие этого российскому капитализму удалось далеко «продвинуться» по пути демонтажа социальной защиты населения, коммерциализации здравоохранения, образования и культуры, почти полного искоренения профсоюзного

---

<sup>5</sup> Кагарлицкий Б. Два мира рабочего класса. Интернет-издание «Свободная пресса». 29.11.2012.

<sup>6</sup> Капустин Б.Г. Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир // Русский журнал. 9.11.2011.



**Рис. 11.4. Распределение ответов на вопрос: «В последнее время оппозиционные политические силы все чаще критикуют власть, призывают людей выходить на улицу, участвовать в массовых акциях протеста. Кого Вы скорее готовы поддержать в этом случае – власть или оппозицию?», 2013 г., %**

движения, «виртуализации» жизни и т.д.<sup>7</sup> Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, также предполагает более равномерное распределение богатств и ресурсов, нежели это имеет место в современной России, и контроль за экономической деятельностью крупных корпораций со стороны общества в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде. Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкосновенности частной собственности» привел не только к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Между тем в мире накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса. В современной же России, где сращивание крупного бизнеса с властью достигло невиданных размеров, создать их так и не удалось.

Реальность такова, что в обществе не сформировался механизм перевода многообразных индивидуальных и групповых экономических интересов на язык общезначимых проблем. Поэтому и не возникает «связки» между социально-экономическим и политическим участием россиян даже в тех случаях, когда затрагиваются их коренные социально-экономические права. Судя по имеющимся данным, количество забастовок сократилось с 6 тыс. в 2004 г. до почти двухсот в 2012 г. Из них «стоп-акций», т.е. забастовок, приводящих к частичной или полной остановке предприятий, еще меньше — около ста<sup>8</sup>. Такое невиданное сокращение числа забастовок часто объясняется чисто формальными причинами — изменением методики подсчета: ведь с 2007 г. стали учитываться только те акции трудящихся, которые проводятся в полном соответствии с Трудовым кодексом. Но тенденция очевидна: принятие данного кодекса *сделало фактически нереализуемым право граждан на забастовку в законных, легальных формах*, тем более что подавляющее большинство официальных профсоюзов «играют на стороне работодателей». Например, довольно крупная, по российским меркам, забастовка 500 рабочих Байкальского ЦБК не была поддержана местным профсоюзом на основании того, что участники акции несвоевременно уведомили руководство предприятия о готовящейся забастовке. Письмо же рабочих, направленное

---

<sup>7</sup> См. там же.

<sup>8</sup> Мониторинг ЦСПП: трудовые протесты в России. Сайт «Все о трудовых правах». Ноябрь 2012. Сайт «КМ.РУ» 16.11.2012.

за месяц до начала забастовки в адрес губернатора и президента РФ, «профсоюзные боссы» таким уведомлением не сочли<sup>9</sup>. Не случайно массовые выступления, которые получали широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т.п.), приходилось «разруливать» высшим руководителям государства в ручном режиме.

Сегодня трудно даже представить, что может сподвигнуть россиян на активный протест и обеспечить «связку» политического и социального действия. Современное российское общество пребывает в некоторой растерянности, дезориентации в отношении настоящего и будущего. Это связано с тем, что, с одной стороны, сохраняется инерция, надежда на то, что все само как-нибудь «рассосется», надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. С другой — все большее число людей понимает, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые доминировали в минувшее «сытое» десятилетие, страна вряд ли сможет успешно двигаться вперед.

Вряд ли «триггером» (термин М. Дмитриева) протеста может стать новая волна кризиса. Маловероятным представляется и существенный рост политической активности в ходе разного рода выборов (на что делает ставку часть оппозиции). В современной России есть лишь одна проблема, способная «зацепить», консолидировать богатых и бедных, столицы и провинцию, молодых и старых и тем самым политизировать общество, — это страх за настоящее и будущее детей. Но, учитывая разнонаправленность интересов разных групп, а иногда и прямое недовольство их друг другом, в частности конфликт интересов «продавцов образовательных и смежных с ними интеллектуальных услуг» и их «потребителей», ожидать масштабных, солидарных действий, к которым подключились бы ведущие политические игроки, не приходится. Каждый, как и раньше, будет «биться за себя». Кроме того, Россия — не Америка, где реформы здравоохранения и образования являются центральными темами президентских избирательных кампаний. В России сферы здравоохранения и образования не считаются политически значимыми. Вот менять каждые пять лет формат избирательных систем считается политикой, а реформа образования — это в лучшем случае предмет для обсуждения на парламентских слушаниях или в Общественной палате.

В целом же в обозримой перспективе наиболее вероятным представляется спад протестной активности при одновременном росте гражданских волонтерских форм участия. Протестная активность все

---

<sup>9</sup> Сайт «КМ.РУ» 16.11.2012.

чаще будет выливаться в спонтанные выплески социальной агрессии, особенно в глубинке, где крайне сложно «достучаться» до властей. Чтобы этого не было, необходимо вернуть обществу, всем его группам и слоям потерянную в какой-то момент веру в эффективность демократии и ее институтов, а также в свою способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы. Сегодня есть все основания полагать, что идея «демократии равных возможностей», главным предназначением которой становится обеспечение индивидуальных и групповых прав граждан, начиная от снижения уровня социального неравенства и заканчивая расширением возможностей политического участия более широких слоев населения, чем это имеет место сегодня, может стать ключевым общественным запросом в самое ближайшее время.



## «БЕДНОСТЬ ПО-РОССИЙСКИ» НА ФОНЕ ДРУГИХ СТРАН

*В.А. Аникин, Н.Е. Тихонова*

Как было показано выше, бедность в России имеет свой четко выраженный портрет. Однако для того, чтобы ответить на вопрос о том, насколько «специфичен» этот портрет, необходимо оценить его на фоне портрета бедности в других странах. Лишь такое сопоставление позволит понять, в каких точках система неравенств, лежащих в основе «бедности по-российски», является уникальной, чего России по сравнению с другими странами уже удалось добиться в этой области, а что все еще остается ее национальной бедой.

Выберем для сравнения разные страны, включив в наш список те из них, которые либо находятся на схожем или близком этапе экономического развития, либо по крайней мере, на первый взгляд, так далеко оторвались от России в плане экономического развития, что могут рассматриваться как своего рода «проекция в будущее» и при этом представляют разные экономические модели. Заданным критериям удовлетворяют, с одной стороны, страны, входящие в состав БРИКС, а с другой – Великобритания (англо-саксонская экономическая традиция) и Германия («рейнский» капитализм).

Сложность сопоставления бедности в России одновременно с развитыми и развивающимися странами в немалой степени обусловлена тем, что лежащие в основе бедности неравенства складываются в них в рамках быстроэволюционирующей экономики и общественных отношений. Поэтому для обеспечения общего основания для сравнений необходимо учитывать изменяющийся институциональный контекст этих стран: ведь характер бедности может претерпевать в них существенные изменения за относительно короткий промежуток времени, исчисляемый несколькими десятилетиями. Вот почему необходимо начинать сравнительный анализ бедности в разных странах с изучения тех институциональных рамок, в которых она существует.

Рассмотрим хотя бы вкратце эти институциональные рамки. Сравнительная статистика по странам, представленная в табл. 12.1, позволяет увидеть, что ключевые показатели, используемые в статистике для оценки ситуации с уровнем жизни населения вообще и бедностью в частности, малоинформативны для отображения *качественных различий*. Например, показатель национального дохода, приходящегося на два нижних дециля в Индии и Германии, практически совпадает, хотя для всякого знакомого с ситуацией с бедностью в этих странах ясно, что ни о какой схожести их в данном вопросе говорить не приходится. Аналогичная картина наблюдается по России и Великобритании и т.д. При этом *Россия практически по всем ключевым показателям социально-экономического развития, формирующим рамочные условия существования бедности как особого феномена общественной жизни, занимает промежуточное положение между Великобританией и Германией, с одной стороны, и остальными странами БРИКС – с другой, при несколько большей близости ее к развитым, нежели к развивающимся, странам.*

Близость России при всех ее отличиях, скорее, к странам Запада, чем к странам БРИКС, становится особенно наглядной при анализе соотношения городского и сельского населения вообще и доле городской занятости в общей структуре занятости в особенности, поскольку уровень занятости в аграрном секторе экономики по рассматриваемым странам различается в десятки раз – от 1,2% в Великобритании до 51,1% в Индии (при 9,7% по России).

Эти данные говорят о том, что *если в Великобритании, Германии и России процесс урбанизации уже завершился, то в Бразилии, Индии и Китае он до сих пор не завершён и находится на разных фазах своей эволюции*. Так, Китай сейчас переживает этап урбанизации, в рамках которого происходит бурное развитие малых городов, аккумулирующих потоки мигрантов из деревень в условиях ограниченных возможностей миграции в крупные города, где жестко действует институт ограничения прописки<sup>1</sup>. В отличие от Китая, в Бразилии практически неконтролирувшийся процесс урбанизации уже подходит к точке своего насыщения (темпы прироста городского населения за последние 30 лет снизились почти в 3 раза), но за минувшие десятилетия он буквально «обрушил» на пригороды крупных

---

<sup>1</sup> *Bai X.* Urban Transition in China: Trends, Consequences and Policy Implications // The New Global Frontier: Urbanization, Poverty and Environment in the 21st Century, *G. Martin, G. McGranahan, M. Montgomery and R. Fernández-Castilla* (eds). London: EarthScan, 2008.

Таблица 12.1

**Основные статистические показатели, связанные с бедностью,  
для стран БРИКС, Великобритании и Германии<sup>2</sup>**

	Доля населения, находящегося ниже национальной линии бедности, % от всего населения					Коэффициент Джини				
	1981	1990	2001	2005	2009	1980	1990	2001	2005	2011
Великобритания	-	-	-	-	-	25,2	33,5	35	34,6	33
Германия	-	-	-	-	-	-	30,8	30,1	26,1	29,0
Бразилия	-	-	-	30,8	21,4	56	60,5	61,2	57,4	51,2
Россия	-	-	27,5	17,7	13,0	26,4*	25,9	42,2	37,5	41,7
Индия	-	-	-	37,2	29,8	31,4	29,6	-	36,8	-
Китай	-	-	4,6*	2,8	-	29,5	34,0	44,8	42,3	47,4
<i>Доля национального дохода, принадлежащая низшим 10% населения (нижнему децилю), %</i>										
	1980	1990	2001	2005	2009	1980	1990	2000	2005	2009
Великобритания	-	-	2,1*	-	-	-	-	6,1*	-	-
Германия	-	-	4,0	-	-	-	-	8,5*	-	-
Бразилия	0,9	0,7	0,5	0,7	0,8	2,7	2,2	2,1	2,8	2,9
Россия	-	4,2*	2,5	2,7	2,8	-	10*	6,1	6,5	6,5
Индия	-	3,9*	-	3,8	-	-	8,8*	-	8,6	-
Китай	3,7	3,5	2,3*	1,8	-	8,7	8,0	5,5*	5,0	-
<i>Доля национального дохода, принадлежащая низшим 20% населения (двум нижним децилям), %</i>										

<sup>2</sup> Источник: Статистика Всемирного банка. Доступно: <http://data.worldbank.org/indicator>, а также UNU/WIDER World Income Inequality Database. Доступно: [http://www.wider.unu.edu/research/Database/en\\_GB/wiid/](http://www.wider.unu.edu/research/Database/en_GB/wiid/) Дата последнего обновления: 10.04.2013

Окончание таблицы 12.1

	ВВП на душу населения по ППС, долл. <sup>3</sup>					Занятость в аграрном секторе экономики, %				
	1980	1990	2000	2005	2011	1980	1990	2000	2005	2010
Великобритания	8267	16289	26039	32958	35598	2,6	2,1	1,4	1,3	1,2
Германия	9853	18504	25757	31115	39456	-	4,2*	2,6	2,4	1,6
Бразилия	3613	5183	7017	8509	11640	29,3*	22,8	20,6*	20,5	17,0*
Россия	-	8014	6833	11853	21921	-	13,9	14,5	10,2	9,7*
Индия	419,9	873,8	1528	2209	3650	-	60,5	59,9	55,8	51,1
Китай	250,2	794,9	2366	4115	8400	68,7	60,1	50,0	44,8	36,7
	Доля городского населения, % <sup>4</sup>					Естественный прирост населения, % <sup>5</sup>				
	1980	1990	2000	2005	2012	1980	1990	2000	2005	2010
Великобритания	78,5	78,1	78,7	79	79,7	-	-	-	-	-
Германия	72,8	73,1	73,1	73,4	74,1	-	-	-	-	-
Бразилия	65,5	73,9	81,2	82,8	84,9	-	-	13,4	1,0	8,6
Россия	69,8	73,4	73,4	72,9	74	-	-	-6,5	-5,9	-1,7
Индия	23,1	25,5	27,7	29,2	31,6	-	-	16,1	14,8	13,4
Китай	20,6	26,2	36,1	42,9	52,6	-	-	6,4	5,4	4,4

Примечания. Для Великобритании доля национального дохода, принадлежащая низшим 10% населения, а также доля национального дохода, принадлежащая низшим 20% населения, указана за 1999 г. Для Германии доля национального дохода, принадлежащая низшим 10% населения, указана за 2000 г.; уровень занятости в аграрном секторе указан за 1991 г.; коэффициент Джини – за 1992 г. Для Бразилии уровень занятости в аграрном секторе указан за 1981, 2001 и 2009 гг. Для России коэффициент Джини, доля национального дохода, принадлежащая низшим 10 и 20% населения, указаны за 1988 г.; уровень занятости в аграрном секторе – за 2009 г. Для Индии уровень занятости в аграрном секторе указан за 1994 г.; коэффициент Джини – за 1983 и 2004 гг. Для Китая доля населения, находящегося ниже национальной линии бедности, указана за 1998 г.; доля национального дохода, принадлежащая низшим 10 и 20% населения, указана за 2002 г.

городов лавины сельского населения. Эта масса переселившихся в города людей плохо адаптируется в новой для себя среде и либо массово уходит во вторичный сектор городской занятости, либо пополняет ряды безработных. Индия вообще в основном еще сельская страна.

Картина особенностей тех демографических процессов, которые, как и уровень социально-экономического развития, прямо влияют на бедность, также различается по анализируемым странам достаточно сильно, причем Россия и в этом отношении гораздо ближе к странам Запада, чем к странам БРИКС. Так, Россия, Германия и Великобритания — страны с отрицательным естественным приростом населения, который компенсируется потоком низкоквалифицированных мигрантов из-за рубежа. В то же время в Китае, даже несмотря на жесткую демографическую политику, численность населения продолжала расти все последние десятилетия, а в Индии и Бразилии рождаемость в значительной степени и сейчас еще носит неконтролируемый характер.

Таков тот экономический и социально-демографический фон, на котором должна рассматриваться ситуация с бедностью в названных странах. И уже один только этот фон заставляет усомниться, может ли в них одинаково пониматься сам феномен бедности и можно ли для понимания сути происходящих в них процессов в данной области пользоваться одними и теми же измерительными инструментами. Не случайно международные организации обычно используют, говоря о развитых и развивающихся странах, разные

← <sup>3</sup> ВВП на душу населения, рассчитанный Всемирным банком по паритету покупательной способности, представлен в «международных долларах» на соответствующий период: World Development Indicators, The World Bank, 2013. GDP per capita, PPP (current international \$). <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>. Дата обновления: 27.11.2013.

<sup>4</sup> Данные Всемирного банка: World Development Indicators, The World Bank. Population growth, 2013. <http://databank.worldbank.org/ddp/home.do>. Дата обновления: 27.11.2013; для Китая данные указаны на основе переписи населения 1982 г.

<sup>5</sup> BRICS Joint Statistical Publications 2012. Статистические данные по Великобритании, Германии и России взяты из источника: Eurostat, European Commission, Statistical Office of the European Communities. The European Union and the BRIC countries. Luxembourg: Statistical Office of the European Communities, 2012; Бразилии, Индии и Китаю — United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2012 Revision, Highlights and Advance Tables. ESA/P/WP.228. N. Y.: Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2013.

показатели бедности: в первом случае относительные, а во втором — абсолютные.

Попыткой отчасти обойти проблему сопоставимости данных зачастую выступает использование в сравнительных международных исследованиях такого показателя, как «национальная линия бедности». В рамках этого подхода в качестве критерия бедности задается определенный стандарт потребления в денежном эквиваленте. Все, чей уровень потребления ниже этой границы, относятся к числу бедных. Однако такой подход, скорее, затушевывает, чем проясняет, картину, поскольку для определения национальной черты бедности в разных странах используются абсолютно разные методики. В итоге, например, уровень бедности в Китае оказывается в 3 раза ниже, чем в России, и почти на порядок ниже, чем в Бразилии и Индии, и это при том, что ВВП на душу населения в Китае в 2,5 раза ниже, чем в России, а доля национального дохода, приходящегося там на два нижних дециля (табл. 12.1), еще меньше, чем в России. Да и многочисленные публикации китайских коллег по проблеме бедности позволяют предполагать, что за этими оптимистическими цифрами стоит очень непростая реальность<sup>6</sup>.

Вот почему для более глубокого понимания феномена бедности в разных странах необходима классификация типов бедности, учитывающая как ее структурные, связанные с развитием общества в целом и его экономики в частности, так и индивидуальные причины, приводящие конкретных людей к «скатыванию» в бедность на определенном этапе их жизненных траекторий. Богатая традиция изучения бедности, накопленная мировой и отечественной наукой, позволяет предложить *классификацию, включающую, как минимум, три разных типа «структурной бедности», а также «индивидуальную бедность», вызванную семейной или личной ситуацией человека*. Все многообразие форм бедности, которое можно встретить в мире, является лишь вариацией этих типов. В числе упомянутых трех основных структурных типов бедности — предындустриальная, индустриальная и постиндустриальная бедность.

---

<sup>6</sup> *Zhu C., Wan G.* Rising Inequality in China and the Move to a Balanced Economy // China & World Economy. Special Issue: Rebalancing of China's Growth. Vol. 20. Issue 1. P. 83–104, January-February 2012; *Zhang J.* (Ed.) Unfinished reforms in the Chinese economy. London: World Scientific Publishing, 2013. *Zhang C., Xu Q., Zhou X., Zhang X., Xie Y.* An Evaluation of Poverty Prevalence in China – New Evidence from Four Recent Surveys // IFPRI Discussion Paper 01293, September 2013.

Ключевой вопрос состоит в том, *является ли бедность в России специфической вариацией одного из этих «идеальных типов» бедности, или же бедность «по-российски» характеризуется уникальным сочетанием в ней различных типов бедности?* Только после получения ответа на этот вопрос можно выбрать и наиболее адекватную для России методологию измерения бедности, и методы минимизации численности бедных: ведь разные типы бедности предполагают не только разную концептуализацию самого феномена бедности, но и разные формы и приоритеты помощи им.

### **Преиндустриальная бедность в современных обществах**

Тип бедности, с которым человечество столкнулось раньше всего, — это доиндустриальная (или, что применительно к современной ситуации точнее, преиндустриальная) бедность, спутник докапиталистического этапа развития. Она существует в двух основных формах — массовой сельской бедности и бедности люмпенизированных городских низов в период «взрывной урбанизации».

**1) Преиндустриальная (доиндустриальная) сельская бедность** концентрируется в селах и связана с наличием избыточного сельского населения и низкой эффективностью сельскохозяйственного производства. Для этой разновидности преиндустриальной бедности характерны широкое распространение натурального хозяйства, сильная зависимость от геоклиматических условий, перенаселенность сельской местности и очень низкий уровень доходов сельских жителей.

Если говорить о роли государства в борьбе с бедностью этого типа, то она обычно ограничивается минимальной помощью беднейшим с учетом необходимости их простого физического выживания. Более того, иной уровень поддержки при ней нецелесообразен не только из-за массовости этого типа бедности, но и потому, главное, что в бедных аграрных или полуграрных обществах такой уровень жизни характеризует повседневную реальность большинства его членов, являясь своего рода стандартом жизни населения. Так, например, в Индии, где этот тип бедности представлен из рассматриваемых стран наиболее широко, национальная «черта бедности» соответствует денежному эквиваленту 650 г зерна в сутки<sup>7</sup> — именно

---

<sup>7</sup> Planning Commission. Draft Five Year Plan 1978–83. New Delhi: Government of India, 1978.

такое количество пищи не позволяет человеку умереть от истощения. При такой трактовке «черты бедности» доля бедных составляла в Индии в 2005 г. 37,2%<sup>8</sup>, а к марту 2012 г. число выделенных в соответствии с ней бедных сократилось до 29,8%<sup>9</sup>.

Естественно, что с точки зрения стандартов жизни в более развитых странах эта цифра выглядит весьма дискуссионной. Сильно заниженной она кажется даже при применении Оксфордской методики измерения бедности (индекса МРІ)<sup>10</sup>, специально ориентированной на анализ бедности в развивающихся странах и обеспечивающей возможность более корректных международных сопоставлений для прединдустриальной бедности, чем данные национальной статистики. Так, из данных табл. 12.2 видно, что показатель бедности, основанный на индексе МРІ, составлял для Индии в 2005 г. 53,7%, что почти в полтора раза выше официального значения уровня бедности в Индии на тот момент.

Если говорить о путях ликвидации бедности этого типа, то стратегически избавление от нее предполагает ускорение процессов urba-

---

<sup>8</sup> Статистика Комиссии по планированию [<http://www.pbplanning.gov.in>]. Последнее обновление 9.04.2013 г.

<sup>9</sup> *Tendulkar S. et. al. Planning Commission. Report of the Expert Group to Review the Methodology for Estimation of Poverty. New Delhi: Government of India, 2009; Planning Commission. Press Note on Poverty Estimates, 2011–12. New Delhi: Government of India, 2013.* Стоит отметить, что сейчас Комиссия по планированию назначила новую экспертную группу для пересмотра прежней методологии оценки бедности. Есть высокая вероятность того, что к середине 2014 г. подход к бедности в Индии изменится.

<sup>10</sup> Инициативная группа ученых по исследованию бедности и человеческого развития из Университета Оксфорда разработала основанный на депривационном подходе к бедности Многомерный индекс бедности (Multidimensional poverty index – МРІ), широко используемый в настоящее время международными организациями в своих статистических обзорах. Первоначально он разрабатывался для Индии, однако достаточно быстро был рассчитан для всех развивающихся стран, в том числе и для России. В расчет индекса МРІ входят 10 индикаторов, объединенных в три большие группы: образование, здоровье, стандарты жизни. Наиболее крупная группа индикаторов – «стандарты жизни» – включает в себя такие виды депривации, как отсутствие электричества, отсутствие доступа к чистой питьевой воде, земляной пол в жилище, использование навоза, дерева или угля для приготовления пищи, наличие в собственности не более одного предмета из следующего их набора: радио, телевизор, телефон, велосипед, мотоцикл, холодильник. Согласно Оксфордской методике люди, которые находятся «на грани бедности», испытывают депривацию по 20–33% из 10 индикаторов, в то время как испытывающие «тяжелую бедность» депривированы по 50% индикаторам и более (См.: Oxford Poverty and Human Development Initiative. Country Briefing, Multidimensional Poverty Index Data Bank. ОНРІ, University of Oxford, 2013. Доступно: [www.ophi.org.uk/multidimensional-poverty-index/mpi-country-briefing/](http://www.ophi.org.uk/multidimensional-poverty-index/mpi-country-briefing/)).

Таблица 12.2

**Многомерный индекс бедности (MPI) и официальный уровень бедности в странах БРИКС<sup>11</sup>**

Страна	Опрос, на данных которого производились расчеты	Год	MPI	Доля бедных, в том числе:			
				по национальной линии бедности	находящихся «на грани бедности» по MPI	бедных по MPI	находящихся в «тяжелой бедности» по MPI
Индия	DHS <sup>12</sup>	2005	0,283	37,2	16,4	<b>53,7</b>	28,6
Китай	WHS <sup>13</sup>	2003	0,056	2,4	6,3	<b>12,5</b>	4,5
Бразилия	PNDS <sup>14</sup>	2006	0,011	26,8	7,0	<b>2,7</b>	0,2
Россия	WHS	2003	0,005	20,3	0,8	<b>1,3</b>	0,2

низации и утверждение высокоэффективного современного сельскохозяйственного производства. Тактически эффективным способом борьбы с прединдустриальной бедностью выступает распространение в сельской местности системы производственного обучения молодежи по требующимся не только в селах, но и в городах специальностям с последующей организованной миграцией части сельской молодежи в города.

Борьба с массовой сельской бедностью прединдустриального типа достаточно сложна и требует ряда десятилетий. В отличие от других стран БРИК, в России бедность такого типа не доминирует в бедности в целом, и массовое распространение этого типа бедности было ликвидировано еще в 30–50-е годы прошлого века в ходе индустриализации. Однако локализация этой разновидности бедности в определенных регионах с весьма отличающимися от основной их массы моделями экономики и национальной культуры сильно

<sup>11</sup> См.: *Alkire S., Seth S. Multidimensional Poverty Reduction in India between 1999 and 2006: Where and How? // OPHI Working Paper No. 69, 2013 (March). Oxford Poverty and Human Development Initiative, University of Oxford.*

<sup>12</sup> Исследование Demographic and Health Surveys (Обследования демографической ситуации и здоровья). Подробнее см.: <http://www.measuredhs.com/What-We-Do/Survey-Types/DHS.cfm>.

<sup>13</sup> Исследование World Health Survey (Международное исследование здоровья). Подробнее см.: <http://www.who.int/healthinfo/survey/en/index.html>.

<sup>14</sup> Исследование Pesquisa Demografia e Saúde da Mulher e da Criança (Национальное обследование демографической ситуации и здоровья детей и женщин). Подробнее см.: <http://bvsmis.saude.gov.br/bvs/pnds/index.php>.

затрудняет возможности кардинального решения проблемы с ней. Более того, проблема сельской бедности прединдустриального типа может актуализироваться в будущем в ряде регионов, характеризующихся расширенным демографическим воспроизводством сельского населения, прежде всего, в регионах Северного Кавказа и ряде других национальных республик, особенно тех, где сельское население уже сейчас составляет большинство. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе доля сельского населения на 1 января 2010 г. достигала 51,1%, при том, что например, в Северо-Западном федеральном округе она составляла на ту же дату 17,5%. Отдельные субъекты Федерации демонстрируют еще больший разрыв в этом отношении: если в Чеченской Республике доля сельского населения в 2010 г. составляла 63,6%, то в Магаданской обл. она была лишь 4,4%. Более того, согласно данным ФСГС эта картина к 2031 г. претерпит лишь незначительные изменения, и общая численность сельского населения к этому времени составит в России 22,6%<sup>15</sup>. При этом, как было показано выше, в числе российских бедных доля сельских жителей велика и имеет тенденцию к увеличению.

Однако, если описанный выше тип прединдустриальной сельской бедности особенно характерен для Северного Кавказа и других регионов страны со значительной долей сельского населения, с высокой рождаемостью и со значительной ролью натурального хозяйства в доходах населения, то вся сельская бедность к этому ее типу не сводится. Характерной особенностью России на фоне других стран БРИКС является совсем иной тип массовой сельской бедности – бедность умирающих сельских поселений, уже не кормящихся «с земли». Такова в значительной степени сельская бедность Нечерноземья или Северо-Западных районов страны. Впрочем, при всех буквально «бьющих в глаза» различиях их ситуации с описанной выше формой прединдустриальной сельской бедности и эта ее форма связана, в конечном счете, с технологической отсталостью сельского хозяйства соответствующих регионов, с одной стороны, и отсутствием достаточного спроса на местную рабочую силу на локальных рынках труда – с другой.

В этом смысле *сельская бедность в России, по сути своей, идентична с сельской бедностью любой страны с незавершенными процессами*

---

<sup>15</sup> [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat\\_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc\\_1140095525812](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812) (Сборник ФСГС «Предположительная численность населения Российской Федерации». Раздел «Численность населения»).

урбанизации, наличием в селах избыточного населения трудоспособного возраста с низким качеством человеческого капитала и, соответственно, высокой долей незанятого или частично (сезонно, временно и т.д.) занятого населения. Однако она имеет и свою качественную специфику по отношению, например, к сельской бедности в других странах БРИКС, где натуральное хозяйство все еще играет в жизни сельских жителей гораздо большую роль, чем в России, а доля сельских жителей (и сельской бедности) намного выше.

**2) Предындустриальная бедность люмпенизированных городских низов.** В классическом ее варианте, известном еще из истории развитых европейских стран конца XVIII – середины XIX вв., эта разновидность предындустриального типа бедности возникает как следствие неконтролируемой и стихийной миграции сельского населения в города из перенаселенной сельской местности, где завершился или завершается первый демографический переход. Особенно тяжелые последствия этот процесс имеет в случае, если в обществе отсутствуют институты (например, институт прописки), которые регламентировали бы приток в города переселенцев из сельской местности. Экономическая основа бедности «новых горожан» заключается в недостатке соответствующих их уровню квалификации структурных позиций на городских рынках труда или крайне низкой зарплате на них из-за несоответствия уровней спроса и предложения в данном сегменте рынка труда.

Этот тип бедности наиболее ярко проглядывается сегодня из рассматриваемых стран БРИКС на примере Бразилии, где массовый отток населения из деревень в города за последние 20 лет произошел не по причине роста индустриального сектора в городах, как это в большей или меньшей степени происходило в Европе и СССР, а из-за активной технологической и институциональной<sup>16</sup> модернизации первичного сектора экономики, который пришелся в ней на вторую половину XX в. В настоящее время аграрный сектор Бразилии, представленный крупным агробизнесом, является высокотехнологичным производством, для обслуживания которого требуется лишь немногочисленная, но квалифицированная рабочая сила.

Отсутствие работы на селе для многих в Бразилии стало причиной смены места жительства. Это привело к образованию особого типа

---

<sup>16</sup> Имеется в виду инициированная в 1960-х гг. в Бразилии всесторонняя государственная поддержка сельского хозяйства – субсидирование кредитов, минимальные цены, покупка и регулирование излишка сельхозпродукции.

городских агломераций, связанных с хаотичным и стихийным заселением пригородов крупных мегаполисов в местах, непригодных и даже запрещенных для проживания, — так называемых *favelas*. Несмотря на то что такой тип жилья впервые возник в Бразилии еще в 1890-х гг., массовое распространение его стало нормой лишь во второй половине XX в. Это явилось своеобразным ответом неформальных институтов бразильского общества на процесс интенсивной модернизации сельского хозяйства в условиях отсутствия резкого роста спроса на рабочую силу в городах.

*Основная причина воспроизводства этой формы предындустриальной бедности кроется в существовании условий, при которых не может быть устранена главная ее причина — дефицит рабочих мест для низкоквалифицированной рабочей силы, что, с одной стороны, приводит к безработице, а с другой — к очень низким заработным платам и росту нестандартной, неформальной и эпизодической занятости, а главное, к очень высоким показателям безработицы городских «низов».*

Для России этот тип бедности пока нехарактерен. Тем не менее, быстрый рост в российских городах числа неквалифицированных или низкоквалифицированных мигрантов из-за рубежа, в основном нелегальных, заставляет говорить о возможности актуализации в российском обществе проблемы бедности городских «низов» предындустриального типа. Это тем более опасно, что в странах с таким типом бедности относительно быстрее растут преступность и прочие формы социальной девиации (наркомания, алкоголизм и т.п.).

В целом можно отметить, что *корни обеих разновидностей предындустриальной бедности — вне рынка труда, это бедность «лишних людей», оказавшихся ненужными даже как объект эксплуатации независимо от того, в селах или городах они проживают. При этом в силу их плохой социализации в современной культуре и низкой квалификации их очень сложно включить в рынок труда, по крайней мере так, чтобы вопрос их бедности был тем самым снят. Им можно только оказывать гуманитарную помощь и пытаться социализировать и обучать детей и молодежь из этих семей, чтобы они могли со временем занять более благоприятные структурные позиции. Размер помощи бедным этого типа зависит, прежде всего, от возможностей общества, уровня его социально-экономического развития, особенностей национальной культуры, в частности распространенности в них ценностей солидарности.*

*Именно от этого обычно и отталкиваются в странах с доминированием такого типа бедности при установлении прожиточного минимума.*

*И именно поэтому, а не только из-за разных климатических, культурных и прочих условий прожиточный минимум в них всегда очень различается по размеру. При этом в подавляющем большинстве случаев в странах с доминированием преиндустриальной бедности для выделения бедных используется абсолютный подход к бедности, т.е. «черта бедности» задается на основе расчетов экспертов, формирующих некий набор благ, обеспечивающих, как правило, возможность простого физиологического выживания.*

### **Индустриальная бедность**

Этот тип бедности характерен для всех стран, находящихся на этапе индустриального развития. Бедность этого типа обусловлена определенным состоянием рынка труда, при котором предложение низко- и среднеквалифицированного труда превышает спрос на него. Отсюда вытекают и низкие зарплаты таких работников независимо от того, относятся ли они к представителям физического (рабочие) или нефизического (работники торговли и т.п.) труда. При этом часть соответствующего типа работников в зависимости от особенностей структуры экономики в конкретной стране заранее обречена на бедность, а другие оказываются в бедности при малейшем ухудшении их семейной ситуации (рождение ребенка, особенно второго, потеря работы супругом или развод, болезнь кого-то из членов семьи и т.д.).

Индустриальная бедность была хорошо описана еще в романах французских и английских писателей второй половины XIX — начала XX в. Это бедность «эксплуатируемого труда». Поскольку экономической причиной этого типа бедности является специфика состояния рынка труда в каждый конкретный исторический момент и в конкретной точке пространства, она затрагивает только занятую часть населения, в том числе и имеющих полную формальную занятость. Индустриальная бедность тем шире, чем сильнее позиции работодателей на рынке труда. При этом с точки зрения собственно бедности не так важно, кто именно «недоплачивает» работнику — отдельный капиталист или государство.

Этот тип бедности также обычно измеряется и анализируется с точки зрения абсолютного подхода к ней, только прожиточный минимум в странах с доминированием этого типа структурной бедности задается уже не исходя из задачи обеспечения элементарного физического выживания человека, а с учетом необходимости сохранения его как работника и обеспечения межпоколенческого воспроиз-

изводства рабочей силы. Именно поэтому в так называемых «развитых странах» минимальная заработная плата давно уже соответствует не менее чем 1,5 прожиточным минимумам, как это и рекомендовано МОТ. Впрочем, для них период безусловного доминирования этого типа бедности — уже прошедший этап.

Все страны БРИКС, хотя и в разной степени, являются, как и Россия, примерами распространенности этого типа бедности. Так, например, в Китае бурный рост экономики наблюдается на фоне неуклонного снижения участия нижних децилей населения страны в распределении национального дохода<sup>17</sup>. Рост эксплуатации, последовавший за изменениями в структуре собственности китайской промышленности в ходе реформ последних десятилетий, усугубляется в Китае многими явлениями, характерными именно для этой страны: роль членства в государственных профсоюзах, ставящего трудящегося в относительно более благополучное положение, очень жесткая система прописки (*hukou*) и т.д. В итоге риск бедности наиболее велик прежде всего для мигрантов<sup>18</sup>, приезжающих в города в поисках работы в рамках фабричного производства.

Ограниченный доступ мигрантов к образованию приводит в Китае к снижению их шансов на рынках труда в отношении рабочих мест, обеспечивающих стабильную занятость, перспективу карьерного роста и приемлемую заработную плату<sup>19</sup>. Таким образом, в этом отношении ситуация в Китае напоминает ситуацию в России. Однако, в отличие от Китая и других стран БРИКС, в России в структуре занятости вообще сокращается доля рабочих и растет доля нефизического труда низкой и средней квалификации, прежде всего занятость на простых позициях в торговле и сфере бытового обслуживания (табл. 12.3), что связано с идущими в ней процессами деиндустриализации.

Если посмотреть на российскую бедность с этой точки зрения, то, как было показано в главе 4 данной книги, «*костяк*» работающих бедных действительно составляют сегодня в России те, кто традиционно

---

<sup>17</sup> См. табл. 12.1, а также: *Nee V., Stark D. (Eds.) Remaking the Economic Institutions of Socialism: China and Eastern Europe.* Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1989.

<sup>18</sup> О роли изменений в структуре собственности и структуре промышленности в трансформации классовой структуры Китая см.: Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. редакторы М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2012.

<sup>19</sup> *Wan G. Accounting for income inequality in rural China a regression-based approach // Journal of Comparative Economics.* 2004. Vol. 32. No. 2.

Таблица 12.3

**Динамика численности укрупненных профессиональных групп  
по населению России в целом в 1994–2011 гг., РМЭЗ<sup>20</sup>,  
% от работающих<sup>21</sup>**

<b>Укрупненные профессиональные группы по ISCO-88</b>	<b>1994</b>	<b>2005</b>	<b>2011</b>
Высококвалифицированные «белые воротнички» (0, 1, 2, 6 классы)	19,4	17,7	18,3
«Белые воротнички» средней и низкой квалификации (3, 4 классы)	20,3	23,9	27,4
Занятые на простых позициях в торговле и бытовом обслуживании (5 класс)	8,2	10,7	11,7
Квалифицированные рабочие (7, 8 класс)	37,6	33,1	28,6
Неквалифицированные рабочие (9 класс) <sup>22</sup>	14,5	14,6	14,0

*Примечание.* Светло-серый фон в таблице использован для показателей по группам с тенденцией устойчивого и значительного роста их численности, темно-серый – с тенденцией сокращения.

*относится к бедным на индустриальном этапе развития. На складывающуюся в этой области ситуацию влияет и тот факт, что в России до сих пор минимальная заработная плата по стране в целом ниже, чем прожиточный минимум<sup>23</sup>.*

<sup>20</sup> Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения страны (РМЭЗ) – панельное исследование, проводимое с 1992 г. Его базы представлены как в репрезентирующей население страны за каждый год версии, так и в более полной версии панели респондентов за весь период наблюдений. В таблице данные приведены по репрезентативным базам РМЭЗ.

<sup>21</sup> Расчеты численности групп проводились в соответствии с учитывающей особенности российских условий методикой кодировки профессиональных статусов по ISCO-88, разработанной В.А. Аникиным (*Аникин В.А. Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции // Профессиональные группы: динамика и трансформация / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2009*).

<sup>22</sup> Примерно половину этой группы в России составляют представители элементарных форм занятости неиндустриального и несельскохозяйственного труда – уборщицы, гардеробщицы, дворники и т.п.

<sup>23</sup> В то же время в отдельных регионах ситуация может складываться иначе в зависимости от переговорной силы и организованности работников, а также позиции местных властей. Так, например, в Москве относительно низкая доля бедных обеспечивается не только гораздо лучше организованной и финансируемой системой социальной защиты, чем в большинстве других регионов РФ, но и тем, что минимальная заработная плата работника в соответствии с тройственными соглашениями выше регионального прожиточного минимума.

С бедностью индустриального типа стратегически принято бороться за счет стимулирования создания высокоэффективных рабочих мест методами инвестиционной и налоговой политики, развития общедоступных систем образования и получения квалификации. Тактически же хорошо зарекомендовали себя очень жесткий контроль миграции извне, особенно миграции неквалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силы, детальная проработка трудового законодательства и усиление контроля за его соблюдением, а также установление обеспечивающей социально приемлемый образ жизни минимальной почасовой оплаты труда<sup>24</sup>. К слову сказать, подобный набор мер, успешно реализовывавшихся в так называемых «развитых странах» на соответствующем этапе их развития, преследовал, независимо от сопутствовавшей им политической риторики, отнюдь не гуманитарные цели, ассоциирующиеся с понятием «государства всеобщего благосостояния». Он формировал для экономики этих государств работников с хорошим качеством человеческого капитала, а также способствовал росту социального капитала общества, обеспечивающего дополнительные возможности управленческого маневра. Все это давало дополнительные и очень серьезные конкурентные преимущества на мировой арене и возможности иметь более высокие темпы экономического роста. Социальная помощь, на которую мог рассчитывать при этом оказавшийся в сложной ситуации человек, зависела от его классовой позиции и была сильно дифференцирована, но в целом достигала гораздо больших размеров, чем в случае с бедностью прединдустриального типа.

### **Постиндустриальная бедность**

О бедности этого типа, с которой ассоциируется понятие «новые бедные», активно заговорили на Западе с 70-х годов прошлого века. Возникновение ее было вызвано в развитых странах деиндустриализацией их экономик (точнее, сокращением индустриального сектора в развитых странах, прежде всего США, с одновременным выносом индустриальных производств из них в развивающиеся страны). В ходе этих процессов произошло сокращение числа рабочих мест, традиционно относившихся к среднему и рабочему классам с одновременным ростом структурных позиций верхнего среднего и низшего классов, т.е. произошла поляризация классовой структуры. Одновременно

---

<sup>24</sup> Распространенность среди бедных разного рода нестандартных форм занятости требует регулирования именно почасовой, а не месячной оплаты труда.

резко обострилась конкуренция за эффективные рабочие места представителей квалифицированного труда. Это, в свою очередь, привело, с одной стороны, к демпингу стоимости легко взаимозаменяемой («родовой»<sup>25</sup>) рабочей силы даже на рабочих местах профессионалов и углублению дифференциации внутри ранее куда более гомогенных профессиональных групп, а с другой — к «выталкиванию» наименее конкурентоспособной в силу разных причин части квалифицированных работников за пределы не только их старых профессиональных статусов, но подчас даже классов. В итоге многие ранее вполне благополучные представители среднего класса и особенно их дети, которым после получения ими образования не находилось работы<sup>26</sup>, оказались в числе бедных. *Экономическая основа этой бедности — структурные изменения в экономике и рост глобальной конкуренции за рабочие места, т.е. конкуренции в рамках международного рынка труда.*

*Таким образом, принципиальное отличие постиндустриального типа бедности от индустриальной бедности заключается в том, что хотя эта бедность также формируется с участием рынка труда, но это уже не столько локальный, сколько глобальный рынок труда. Кроме того, путь к бедности в обществах, находящихся на этапе перехода от поздней индустриальной к постиндустриальному этапу развития, очень индивидуален, вероятностен, и ее наступление в каждом отдельном случае кажется во многом случайным.* Причем место жительства и характер занятости не предопределяют достаточно жестко попадания конкретного человека в бедность, как это происходит в обычной живущей натуральным хозяйством крестьянской семье при прединдустриальной бедности, и даже не делают для него жизнь в бедности наиболее вероятной судьбой, как для разнорабочего при доминировании индустриального типа бедности. Однако они повышают риски бедности и при сочетании с другими неблагоприятными факторами ведут человека к бедности столь же неумолимо.

При этом общества на соответствующем этапе развития обычно уже достаточно богаты для того, чтобы обеспечить своих бедных не только средствами для элементарного физического выживания, но и вполне сносным прожиточным минимумом, и на первый план в интерпретации проблемы бедности выходит не столько нехватка

---

<sup>25</sup> Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

<sup>26</sup> Именно молодежная бедность, обусловленная высоким уровнем безработицы среди молодежи, является одной из характерных особенностей бедности в развитых странах.

денежных средств, сколько сопутствующая бедности эксклюзия, т.е. выпадение из «мейнстрима», невозможность поддерживать стандарты жизни, принятые большинством, что постепенно ведет к дискриминации (как было показано в данной книге, эти процессы начинают разворачиваться и в России, хотя еще 20 лет назад ни о какой дискриминации бедных говорить не приходилось). Соответственно, *на смену логике анализа бедности через призму абсолютного подхода приходит депривационный подход к бедности, причем в признаках депривации все большую роль постепенно начинают играть нематериальные виды лишений, связанные, скорее, с доступом к ресурсам* (вспомним в этой связи концепции А. Сена и П. Таунсенда, Оксфордский индекс бедности и т.д.). *Таким образом, бедность перестает рассматриваться как абсолютная бедность, и на смену ей как предмету анализа и объекту воздействия в рамках государственной политики приходят сначала относительная бедность, а потом и социальная эксклюзия.*

В этом русле сосредотачивается и обеспокоенность общественности соответствующей проблематикой. Так, в современной Великобритании бедность, понимаемая в терминах социальной эксклюзии, связывается прежде всего с ограниченностью шансов на рынке труда, с одной стороны, и доступом к социальным услугам — с другой<sup>27</sup>. Согласно официальной статистике в 2011 г. в Великобритании в зоне риска социальной эксклюзии находились 22,7% населения (около 14 млн человек). Доля людей, не способных справиться с неожиданными финансовыми тратами, вследствие кризиса 2008–2012 гг. значительно выросла (с 26,6% в 2007 г. до 36,6% в 2011 г.). Пропорция граждан, не способных позволить себе ежегодный отпуск, что рассматривается в Великобритании как важный признак депривированности, тоже возросла — с 21,4 до 29,7% за тот же период<sup>28</sup>. В итоге сегодня в Великобритании происходит самое резкое с середины 1970-х гг. обеднение населения<sup>29</sup>, и уровень бедности работающих граждан (*in-work poverty*) составляет в ней почти 9%.

Эта ситуация похожа на ситуацию и в других европейских странах, где также остро стоит проблема бедности работающих. Фактически это панъевропейский феномен, затронувший примерно в том же

---

<sup>27</sup> Pierson J. Tackling social exclusion. London: Routledge, 2002.

<sup>28</sup> A National Statistics Publication. Poverty and Social Exclusion in the UK and EU, 2005–2011. Доступно: [http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776\\_295020.pdf](http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_295020.pdf).

<sup>29</sup> Jin et al Poverty and Inequality in the UK: 2011. London: The Institute for Fiscal Studies, May 2011.

масштабе Германию, Францию и другие страны Западной, а тем более Южной Европы, в которых уровень бедности работающего населения превосходит 15%<sup>30</sup>. При этом бедность постиндустриального типа затрагивает все профессиональные группы. В орбиту этой бедности попадают офисные работники, занятые на простых позициях в сфере торговли и услуг, помощники профессионалов и даже сами профессионалы. Это отражается в росте эксплуатации работников нефизического труда капиталом и, как следствие, дальнейшей «пролетаризации профессионалов» и других профессиональных групп<sup>31</sup>.

*Таким образом, у постиндустриальной бедности существуют три основные причины: 1) структурная перестройка экономики и деиндустриализация в развитых странах с одновременным выносом производств из них в страны «третьего мира»; 2) рост в этих условиях конкуренции за привлекательные профессиональные позиции при общем сокращении их числа, ведущий, с одной стороны, к относительному снижению заработных плат, а с другой – к снижению занятости молодежи и других менее конкурентоспособных и социально слабых групп; 3) массовый уход с рынка труда в хроническую безработицу многих квалифицированных работников из-за неготовности части их не только сменить свой профессиональный статус на более низкий, но даже поменять при этом классовую принадлежность (например, при возможности перехода с работы инженера-конструктора на позиции продавца мобильных телефонов или водителя).*

Сократить постиндустриальную бедность посредством развития системы массового образования и подобных традиционных «лифтов» социальной мобильности практически невозможно. Основной государственной политики борьбы с бедностью в этих условиях стратегически выступает не столько материальная помощь неимущим, сколько меры, связанные с регулированием рынка труда и определенной инвестиционной и налоговой политикой. Тактически же для развитых стран, где процессы деиндустриализации исторически сопровождалась

<sup>30</sup> См.: The iron triangle, women's poverty, children's poverty and in-work poverty. ESAD: TUC, June 2008 (Доступно: <http://www.tuc.org.uk/extras/irontriangle.pdf>). В ряде стран меры по борьбе с бедностью, связанной с работой, идут в связке с фискальными механизмами по поддержке детей (Corak M., Lietz C., Sutherland H. The impact of tax and transfer systems on children in the European Union // IZA Discussion Paper, 2005, No. 1589).

<sup>31</sup> Murphy R. Proletarianization or bureaucratization: the fall of the professional? / Torstendahl R., Burrage M. (Eds) The formation of professions. Knowledge, state and strategy (Advanced studies in the social sciences). London: SAGE Publications, 1990; Standing G. The precariat: The new dangerous class. London: Bloomsbury, 2011.

активным ростом четвертичного сектора экономики, наиболее эффективным способом борьбы с бедностью такого типа были масштабные программы переквалификации рабочей силы с выплатой достаточно высоких пособий по безработице для предотвращения потери групповой идентичности в период поиска нового рабочего места. Одновременно сохранялась политика умеренных адресных пособий по нуждаемости для сохранения интегрированности бедных в общество, при этом адресность должна была предотвратить развитие иждивенческих настроений. Наконец, с годами все жестче становилась относительно мягкая в 1950–1960-х гг. миграционная политика.

Бедности постиндустриального типа в странах БРИК практически нет (за исключением России), поскольку процессов деиндустриализации в них не наблюдается. В России же ситуация особая: процессы деиндустриализации в ней идут, но, в отличие от развитых стран, они не сопровождаются развитием четвертичного сектора. Поскольку они выступают следствием реформ 1990-х гг. и перехода к рыночной экономике, то деиндустриализация сопровождается в ней ростом не четвертичного, а третичного сектора, и прежде всего торговли. Однако именно в торговле велика доля низкооплачиваемых рабочих мест. В отличие от Великобритании и Германии в России, как было показано в данной книге, велика доля не только относительной, но и абсолютной бедности.

### **Индивидуальная бедность, вызванная семейной или личной ситуацией человека**

В этом типе бедности в современном обществе можно выделить две ее основные формы, вызванные с растущей индивидуализацией жизненных траекторий и судеб, ослаблением механизмов социального контроля и усложнением жизни общества при переходе к поздним и постиндустриальным этапам развития.

**1) Бедность из-за неблагоприятных семейных обстоятельств** (смерть кормильца, тяжелая болезнь кого-то из членов семьи, развод в семье с несколькими несовершеннолетними детьми и т.п.). Ситуация с ней достаточно очевидна и не требует подробных комментариев. Стоит упомянуть лишь, что эта форма бедности в современных обществах, в том числе и в России, носит вероятностный характер. При борьбе с бедностью этого типа в развитых странах учитывается, что некоторые события в жизни домохозяйств предполагают для предотвращения сползания таких семей в хроническую бедность активную

помощь им со стороны государства и местных сообществ (и такого рода помощь, в том числе и через стимулирование развития соответствующих страховых программ, активно реализуется во всех развитых странах уже более полувека). Обычно для предотвращения расползания этого типа бедности в развитых странах используются детские и семейные пособия, а также различные семейные налоговые льготы.

Однако в России, хотя этот тип бедности представлен в ней достаточно широко, такого рода политика практически отсутствует. В итоге, как было показано в главе 5 данной книги, на распространенности этой формы бедности сказывается прежде всего то, что при в среднем низких зарплатах и слабой семейной политике под угрозой бедности многие семьи оказываются уже в силу простого наличия в них несовершеннолетних детей, а тем более при каких-то семейных несчастьях.

**2) Бедность люмпенизированной части населения.** Учитывая рост в условиях усложнения общественной жизни числа социально дезадаптированных людей, этот тип бедности особенно сложен для борьбы с ним. Наиболее активно для помощи представителям этого типа бедности используются различные программы социальной интеграции (для мигрантов) и реинтеграции для всех остальных. Другие индивидуальные причины бедности (алкоголизм, наркомания и т.п.) по-разному воспринимаются в развитых странах в зависимости от особенностей их предшествующего исторического развития и национальной культуры, что прямо влияет и на признание в них права поддержки со стороны общества для такого рода бедных.

В России эта форма бедности также распространена достаточно широко. Так, каждый двадцатый бедный, по данным исследования Института социологии РАН 2013 г., сам признает, что оказался в бедности из-за алкоголизма или наркомании – собственной или кого-то из членов своей семьи. Если же говорить о том, как оценивают роль этого фактора россияне в целом, то среди имевших, по их оценкам, бедных в своем ближайшем окружении треть назвали причиной бедности хорошо им знакомых людей алкоголизм или наркоманию и каждый пятый – лень и неприспособленность к жизни.

Подведем итоги.

Гетерогенность бедности в России отражает особенности переживаемого российским обществом этапа социально-экономического развития и обуславливается сохраняющейся до сих пор многоукладностью российской экономики и колоссальными региональными различиями в уровне социально-экономического развития различных

регионов. Именно *эта ярко выраженная гетерогенность, при которой в отдельных регионах и типах поселений разные типы бедности, характерные, казалось бы, для взаимоисключающих эпох, не просто присутствуют, но присутствуют в подчас диаметрально противоположных пропорциях, и составляет основную специфику «бедности по-российски».*

Эта ее специфика сильно затрудняет борьбу с бедностью в России. При такой глубинной, сущностной гетерогенности бедности те меры, которые будут эффективными для борьбы с бедностью, например, в Москве, могут не дать никакого эффекта в Ингушетии и наоборот. При этом передавать борьбу с бедностью полностью на уровень регионов сейчас тоже нецелесообразно: у многих из них нет для этого не только ресурсов, но и четкого понимания того, как должна выглядеть эта борьба в их конкретных условиях. Кроме того, ключевые «рычаги» борьбы с бедностью (инвестиционная политика, политика занятости, миграционная политика, налоговая политика, социальная политика) находятся преимущественно в распоряжении центральных органов власти. А это значит, что именно они и должны в первую очередь принять на себя ответственность в решении этой сложнейшей и болезненной проблемы, чреватой для развития страны в целом серьезными рисками.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в данной книге анализ ситуации с бедностью и бедными в России и динамики в этой области за последние 10 лет, в основе которого лежали результаты ряда исследований Института социологии РАН, позволил сформулировать ряд важных общих выводов. Суммируя ключевые из них, нужно особо выделить следующие:

1. В современной России достаточно выражено прослеживается ухудшение отношения к бедным. При этом сами бедные называют три главные причины собственной бедности: длительная безработица, недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и семейные несчастья. Бедность чаще стала ассоциироваться в общественном мнении с пьянством и наркоманией, а также другими асоциальными формами поведения. Еще 10 лет назад 70% населения относились к бедным слоям с сочувствием, жалостью, а некоторые даже с уважением. Однако за прошедшие годы более чем в полтора раза сократилось число относящихся к бедным сочувственно, и втрое выросла доля тех, кто стал относиться к ним безразлично. В то же время россияне в большинстве своем признают, что к бедности в современном российском обществе могут привести и не зависящие от людей обстоятельства — болезнь, смерть кормильца и т.д., которые в условиях недостаточности государственной поддержки зачастую играют роковую роль.

В результате такого видения причин бедности исчезает сложившееся ранее отношение к бедным как к единой социальной группе, происходит, по сути, «дробление» проблемы бедности на ее отдельные случаи (бедность конкретных людей). В условиях сокращения общей численности бедных в последние годы и значительного уменьшения доли россиян, имеющих бедных в своем ближайшем окружении, это приводит к сдвигу проблемы бедности на периферию сознания насе-

ления. Идеология усиления адресности социальной помощи, при которой главным критерием выступает степень нуждаемости вне реального и индивидуального контекста, приходит во все большее противоречие с жизненным опытом и видением приоритетов государственной поддержки населения со стороны рядовых граждан страны. Тем самым вопросы «Кто именно нуждается?» и «По каким причинам?», ответу на которые был посвящен ряд глав данной книги, приобретают особый смысл в определении эффективной модели социальной политики по отношению к бедным слоям населения.

2. У россиян существуют четкие представления как о «черте бедности», т.е. том уровне доходов, который обеспечивает прожиточный минимум, так и о конкретных признаках бедности. Если говорить о среднедушевых ежемесячных доходах, то в среднем по России «черта бедности», по мнению населения, составляет в нынешний период около 9 тыс. руб., т.е. порядка 60% средних доходов основной массы россиян (без учета наиболее обеспеченных 5% граждан, практически не попадающих в выборки массовых опросов). Установленная официально в России «черта бедности» (прожиточный минимум) ниже массовых представлений о ней примерно в 1,3 раза. Однако этот разрыв существенно отличается по регионам и типам поселений, отражая разницу стоимости жизни в них.

Примечательно, что малоимущие россияне в последнее десятилетие стараются, скорее, приукрасить свое положение, чем преувеличить собственную бедность. И это принципиально отличает нынешнюю ситуацию от 1990-х гг., когда бедность обуславливалась в основном структурной перестройкой экономики, была распространена очень широко, и к бедным относились прежде всего как к жертвам ошибочной государственной политики. Отказ многих бедных признавать себя таковыми является своего рода асимметричным ответом на складывающийся в обществе образ бедных и свидетельствует о том, что постепенно в России быть бедным становится стыдно. В итоге многие реально бедные не готовы принять на себя подобную социальную роль, даже теряя при этом право на разного рода льготы и выплаты, им полагающиеся.

3. В массовом сознании россиян есть устойчивое представление о том, что именно выступает признаками бедно живущего человека. Такими характерными признаками образа жизни бедных для большинства россиян являются: плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей

получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести так, как хочется, свободное время, а детям – добиться того же, что и большинству их сверстников. Подобные представления, в сущности, обозначают разного рода жизненные лишения. И, что особо примечательно, они практически не изменились за последние 10 лет.

Это позволяет использовать для оценки бедности в России широко распространенный в мире подход, основанный на выделении бедных не только по критерию душевого дохода, но и по критерию испытываемых ими лишений. Применение данного подхода на эмпирических данных дает основание утверждать, что численность бедного населения «по лишениям» составляет в России около 25% населения. Это намного меньше, чем в 2008 г. и даже в 2003 г., но в разы больше, чем количество бедных «по доходу», выделяемых на основе официально принятой в России методики.

Российская бедность очень многолика, неоднородна и чувствительна к инструментам ее измерения. Однако у нее есть свое «ядро» – представители хронической бедности. Доля таковых бедных достаточно велика, не менее 4% населения.

В целом, используя социологические методы измерения российской бедности, на сегодняшний день можно представить следующую картину ее общего количественного состояния, включающую основные группы бедных:

- ❖ 13% – бедные «по доходу», т.е. те, чей среднедушевой доход в домохозяйстве ниже официально установленного прожиточного минимума в данном регионе (по официальным данным Росстата, в 1-м квартале 2013 г. таковых было 13,8%);
- ❖ 25% – бедные «по лишениям», в число которых попадают не только те, у кого среднедушевой доход ниже прожиточного минимума (он может быть и равен ему, и даже выше него), но и те, кто испытывает многомерную депривацию (нужду в удовлетворении таких базовых потребностей, как питание, жилищные условия, приобретение одежды и обуви, получение качественной медицинской помощи и т.п.).

Общее количество бедных в составе российского населения на период проведения настоящего исследования составило более 30%. Причем удивляться тому, что данная цифра меньше суммы слагаемых по выделенным группам бедных, не стоит. Сложившееся положение дел объясняется тем, что и в группу бедных «по доходу», и в группу бедных «по лишениям» входит то или иное количество представите-

лей российской бедноты из другой группы, т.е. это «пересекающиеся множества».

Безусловно, рост в 2 раза (с 34 до 68%) за последнее десятилетие небедного населения России, по крайней мере, если ориентироваться на два ведущих подхода к определению бедности, демонстрирует значительный успех государственной политики преодоления бедности. Однако в целях дальнейшего осуществления в стране эффективной социальной политики следует учитывать, что реально в РФ бедных не 13,8%, а более 30%.

При этом надо учитывать также и то, что в процессе применения других методик выделения бедных, широко распространенных среди специалистов во всем мире, эта цифра вырастет еще больше. Если же учесть и такую широко используемую в мире применительно к развивающимся странам методику, как выделение бедных с учетом расходов на продукты питания (т.е. выделить тех, кто тратит на эти цели более 50% своих доходов), то доля бедных продолжит свой рост и достигнет 40% населения.

Особо тревожно положение хронических бедных, т.е. той части бедного населения, которая находится в состоянии бедности три года и более и характеризуется застойной бедностью, качественно отличающейся от других форм бедности.

4. Анализ доходов и уровня жизни представителей различных групп бедных убеждает, что все они находятся в достаточно близком, а порой и вовсе одинаковом положении. Более того, бедные «по доходам» далеко не всегда оказываются самой неблагополучной частью российского общества. Такая ситуация означает, что бедность в ее социологической (заметим, наиболее близкой к реальной жизни и восприятию бедности населением) трактовке, т.е. как невозможность поддерживать образ жизни, считающийся в определенном сообществе обычным («жить как все»), распространена в российском обществе гораздо шире, чем принято думать. Это связано с тем, что в своих расчетах прожиточного минимума Росстат, несмотря на то, что методика выделения бедных им действительно постоянно совершенствуется, не учитывает пока ряд важных обстоятельств — от разницы в стоимости жизни в различных населенных пунктах до особенностей потребительского поведения разных возрастных групп населения. Кроме того, оценивать уровень жизни только на основании текущих доходов вообще не совсем правильно. Ведь понятно, что на реальном уровне жизни бедных заметно сказываются также накопленный ранее объем имущества, ресурсы, которые они могут привлечь через разные

формы кредитов или, скажем, псевдокредитов (фактически маскирующих простую помощь со стороны окружающих и часто стоящих за понятием «мелкие долги»), а кроме того, санкции, которые следуют (или не следуют) за невозврат этих кредитов. И уж тем более нельзя не учитывать, что на реальные расходы людей влияют и особенности здоровья членов их домохозяйств, а также значительно различающиеся в разных регионах и даже отдельных управляющих компаниях размеры оплаты за услуги ЖКХ.

5. В современной России широко распространена бедность работающих, и в этом она похожа на ситуацию с бедностью как в развитых, так и в развивающихся странах. Иначе говоря, в наши дни наличие работы не гарантирует россиянам защиту от бедности. Не случайно собственные доходы работающих российских бедных существенно отстают от доходов работающих небедных, а у пятой части работающих российских бедных даже не превышают 7 тыс. руб. Это говорит о неизбежности нахождения последних, в случае если им не помогут другие члены семьи, в абсолютной бедности, критерием которой выступает прожиточный минимум.

Вектор восприятия процессов, происходящих на отечественном рынке труда, опосредуется принадлежностью наших сограждан к «бедным» либо «небедным» слоям населения: так, текущее состояние и динамика положения дел с безработицей, своевременностью выплат зарплат, возможностями устроиться на хорошую работу и самореализоваться в профессиональной сфере и т.п., оцениваются бедными с гораздо большим пессимизмом.

Модели занятости бедных россиян в значительной степени олицетворяют собой практики классического вторичного рынка труда с присущим ему невысоким уровнем социальной защищенности работников и распространенностью теневой занятости. Специфика положения бедных в системе производственных отношений проявляется также в особенностях характерных для них профессиональных позиций и в том, что куда большая, нежели среди небедных, доля их трудится на приватизированных и вновь созданных частных предприятиях. Причем в отличие от Запада, где большинство бедных сконцентрировано в крупных городах, специфика российской работающей бедности состоит в преимущественной концентрации ее представителей в селах и малых городских населенных пунктах, отличающихся узким и депрессивным рынком труда, и в этом отношении российская бедность напоминает ситуацию в других странах БРИКС.

В настоящее время большинство работающих россиян ориентировано главным образом на обретение интересной работы, дающей человеку шанс реализоваться и применить на практике имеющиеся у него способности. Вместе с тем в пореформенной России возможность иметь интересную работу доступна далеко не всем. И фактором, опосредующим доступность такого рода возможности, выступает, в большей или меньшей степени, нахождение в состоянии бедности. Так, лишь каждый седьмой россиянин убежден в том, что возможность иметь интересную работу следует считать отличительной чертой жизни российских бедных, и высокая доля среди их представителей лиц неквалифицированного и низкоквалифицированного труда с характерным для него рутинным, малосодержательным характером деятельности подтверждает оправданность этих суждений. Удел бедных в современной России – постоянная «борьба за выживание», вынуждающая их куда чаще обращать внимание на размер оплаты труда, чем его содержание.

Насущной проблемой современной России является неравенство в доступе к хорошим рабочим местам, болезненность которого применительно к обществу в целом отмечает около трети населения независимо от того, к какой группе – бедных либо небедных – они принадлежат. При этом, оценивая его остроту для себя лично, бедные «обгоняют» небедных примерно на 10%. Незавидное положение на рынке труда, помноженное на очевидную ограниченность возможностей в сфере профессионально-трудоустройственной деятельности, влияет на характер страхов и опасений, испытываемых бедными россиянами. Как сегодня, так и 10 лет назад численность работающих бедных, испытывающих страх перед будущим у себя на работе, часто оказывается больше аналогичной доли среди занятых небедных, а доля последних, не испытывающих его практически никогда, устойчиво превышает показатели, фиксируемые по бедным. Аналогичная картина наблюдается и в том случае, когда речь заходит об опасениях, связанных с утратой работы. Эскалации указанных страхов способствует и дефицит располагаемого россиянами вообще и бедными в особенности социального капитала, который, так или иначе, мог бы быть использован ими для решения проблем в сфере занятости.

6. Существенными факторами, предопределяющими возможности россиян на рынке труда, выступают активность и инициативность работников в развитии индивидуального человеческого капитала и, прежде всего, собственных профессиональных ресурсов. Пока же можно говорить об отчетливо выраженной пассивности работающих

граждан России в части, касающейся наращивания последних: практически половина опрошенных не использует ни один из имеющихся способов их пополнения. Причем доля пассивных резко (практически в 1,5 раза) возрастает в группах работающих бедных, обделенных вследствие этого навыками, необходимыми сегодня для успешной профессиональной деятельности. Впрочем, при их профессиональных статусах, локализации значительной их части в поселениях с депрессивным рынком труда и отсутствии у них социального капитала, который позволил бы им устроиться на «хорошую работу», такая стратегия выглядит для них экономически оправданной.

Отчасти на пассивности бедных в отношении наращивания своего человеческого капитала (в отличие от 15% работающих небедных, лишь менее 5% работающих бедных сумели за последние три года повысить уровень образования и (или) квалификацию) сказываются и объективно худшие у бедных возможности получения необходимого образования и знаний. Так, например, в группе бедных «по доходам» доля оценивающих их на «хорошо» в 4 раза меньше доли таковых среди небедных россиян. При обращении к тем, кто оценивает их как «плохие», наблюдается прямо противоположная картина. Неудивительно, что опасения, связанные с невозможностью получить самим или дать детям желаемое образование, испытываются ими чаще, чем небедными россиянами. Как следствие, каждый шестой среди бедных убежден, что причиной его плачевного положения является низкий уровень образования и квалификации.

7. Реальный уровень жизни бедных, несмотря на формальный рост в последнее десятилетие их доходов, понизился. При этом обеспеченность их домашним имуществом выросла. Отчетливо выраженное стремление жить «как все» и неготовность принять на себе роль «живущего за чертой бедности» все больше подталкивают бедное население страны к демонстративному потреблению. В российских условиях оно выражается, прежде всего, в активной покупке товаров длительного пользования (ТДП). Ради покупки престижных ТДП — своего рода маркеров благополучия их владельца — многие бедные отвлекают деньги от других статей семейных расходов, включая питание, и залезают в долги. В итоге кредитная нагрузка на бедные домохозяйства, в том числе и за счет дорогостоящих банковских кредитов, не просто очень велика: так, распространенность разного рода задолженностей, особенно кредитов банкам, в среде бедных за последние годы выросла в разы, что позволяет прогнозировать неизбежность дальнейшего ухудшения их положения.

Причины ухудшения положения бедных связаны не только с ростом долговой нагрузки за счет покупки товаров длительного пользования. Учитывая характер этих товаров, такая модель их потребительского поведения характерна, скорее, для молодежи, хотя последствия ее отражаются на домохозяйствах в целом. А для домохозяйств с теми, кому «за 50», и домохозяйств с хронически больными людьми относительно большую роль в ухудшении их положения играют вынужденные расходы на медицинские цели. И хотя при крайней необходимости средства «на здоровье» расходуются бедными в первую очередь, получить полный объем необходимой медицинской помощи они все равно не могут, и ситуация в данной области продолжает ухудшаться.

Ресурсообеспеченность бедных в последнее десятилетие заметно уменьшилась. Это касается и их финансовых ресурсов, и наличия находящейся у них в собственности недвижимости, и их человеческого капитала. Причем, судя по разрывам в инвестировании в человеческий капитал своих детей со стороны бедных и небедных россиян, уже в ближайшие годы можно ожидать дальнейшего углубления неравенств и межпоколенческого воспроизводства бедности, а не просто ее консервации. Это неизбежно будет способствовать падению качества человеческого потенциала страны и росту социальной напряженности.

8. В целом россияне дают достаточно сдержанные оценки возможности в ближайшее время улучшить материальное положение своей семьи. На общем пессимистическом фоне выделяются еще более скептические оценки представителей бедных, особенно бедных «по лишениям». В значительной степени это связано с нарастанием ощущения безысходности, невозможности улучшения своего положения за счет собственной активности, так как опыт мобилизации собственных возможностей бедных на микроуровне не привел в последние годы к сколько-нибудь заметному улучшению их материального положения. Как следствие этого, сокращается доля тех, кто прибегает к каким-либо конкретным действиям для улучшения своего материального положения. Прежде всего это касается использования компонентов «трудовой стратегии». Еще более заметно снижение числа респондентов, прибегающих к стратегии использования ресурсов домохозяйства и, в первую очередь, — к выращиванию продуктов питания.

При этом результаты исследования не фиксируют каких-либо значимых различий в активности между бедными и небедными, что

позволяет говорить о существовании в современном российском обществе системных ограничений и барьеров, не позволяющих формировать эффективные стратегии выхода из зоны бедности и поддержания приемлемого для себя уровня жизни. Особенно тревожно это выглядит на фоне углубления социального расслоения небедных россиян с ростом в их составе социально уязвимых групп, которые по своему положению и особенностям социально-экономического поведения приближаются к ситуации бедности.

Отчасти на нарастании пессимизма и бедных, и небедных россиян сказалось сокращение ресурса социальной поддержки в последние годы, затронувшее, впрочем, не столько количественные характеристики социального капитала россиян (частота оказания различных видов помощи), сколько качество этого капитала (какие серьезные жизненные проблемы можно решить с его помощью).

9. Наиболее значимыми среди социально-демографических характеристик человека для риска попадания в бедность оказываются в настоящее время в России те из них, которые отражаются на возможностях эффективной занятости как самих респондентов, так и членов их домохозяйств. Так, пенсионный возраст и плохое состояние здоровья, непосредственным образом влияющие на возможности занятости, существенно увеличивают вероятность бедности. Именно поэтому пенсионеры и инвалиды, а также их домохозяйства составляют значительную долю бедных, зачастую попадая и в зону хронической бедности.

Оба этих фактора — пенсионный возраст и плохое здоровье — более значимы для попадания в бедность «по лишениям» по сравнению с бедностью, которая выделяется «по доходам». Объясняется данное обстоятельство тем, что в соответствующих группах населения рост риска бедности связан не только с худшим доступом к эффективным рабочим местам, что, безусловно, отражается на их доходах, но также со структурой и характером расходов, по сути, «выталкивающих» их в бедность даже при доходах выше прожиточного минимума. При этом для пенсионеров как группы в целом ситуация в последние годы заметно улучшилась, хотя риск бедности продолжает оставаться для них выше, чем в среднем по населению, а для инвалидов и лиц с плохим здоровьем (в том числе и пенсионеров с плохим здоровьем) — ухудшилась.

Усугубляет влияние плохого здоровья на риск бедности и территориальный фактор, поскольку при напряженности на локальных рынках труда, а соответственно, и затрудненности доступа к эффективной

занятости роль плохого здоровья как фактора попадания в бедность резко возрастает. К этому следует добавить, что и такая традиционно относимая к социально-демографическому блоку характеристика, как тип населенного пункта, в котором проживает индивид, также заметно влияет на вероятность попадания в бедность. При этом для бедности «по доходам» основной риск представляет проживание в сельской местности.

10. Далеко не последнюю роль в формировании рисков бедности играет и такой социально-демографический фактор, как иждивенческая нагрузка. И хотя очень высокими риски бедности становятся только при критических значениях иждивенческой нагрузки (соотношение иждивенцев и работающих как 3:1), сам факт ее наличия, как и ее характер (т.е. кто именно выступает иждивенцем), способен существенно изменить положение домохозяйства. Особенно ярко влияет на бедность «по доходам» наличие в домохозяйстве безработных, а на бедность «по лишениям» — инвалидов и неработающих пенсионеров. Сегодня в отличие от ситуации десятилетней давности критичной становится и нагрузка, связанная с несовершеннолетними детьми, так как их наличие в семье заметно увеличивает для нее риск бедности, что свидетельствует о недостаточности реализуемых в последнее время мер государственной политики в отношении материнства и детства. Особенно тяжелой является ситуация у многодетных и неполных семей. Именно данным обстоятельством объясняются и некоторые гендерные особенности бедности «по доходам», хотя в целом гендерный фактор за счет более рациональной структуры расходов в домохозяйствах женщин не слишком значим в российских условиях для реальной депривации, и это одно из важных отличий российской бедности от бедности в подавляющем большинстве других стран.

11. В настоящее время в российском обществе наблюдается консервация бедности. Речь идет о росте в составе российских бедных по мере общего сокращения их численности доли хронических бедных, находящихся в состоянии бедности четыре года и более.

Наряду с процессами консервации бедности в российском обществе активно идут и процессы межпоколенческого воспроизводства бедного населения. Почти половина нынешних российских бедных — это люди, которые еще с детства принадлежали к «социальным низам». Собственный негативный опыт бедные проецируют и на возможности своих детей, априори низко оценивая не только их жизненные шансы в целом, но даже шансы вырваться со временем из состояния бедности.

Одновременно с процессами консервации и межгенерационного воспроизводства в нем хронической бедности российское общество характеризуется и возникновением в достаточно массовом масштабе такого феномена, как попадание в бедность выходцев из ранее вполне благополучных слоев. Причем сегодня это уже не результат реформ 1990-х гг., как принято думать, а феномен, постоянно воспроизводящийся именно за счет современных российских реалий. Появление этих «новых бедных» как массовой (составляющей более половины всех бедных) группы свидетельствует об очень высоких рисках оказаться в группе бедных даже для вполне благополучных в данный момент россиян, которых может подтолкнуть к бедности при их уровне зарплат и отсутствии всякого «запаса прочности» даже малейшее ухудшение ситуации в экономике или в их домохозяйстве в силу различных причин (развод, смерть кормильца, потеря работы и т.д.).

12. Процессы социальной мобильности имеют у бедных и небедных россиян противоположный вектор, что усиливает поляризацию даже массовых слоев российского общества и все дальше разводит бедных россиян и остальное население страны: в отличие от типичной именно для них нисходящей мобильности, процессы восходящей мобильности, в том числе и восходящей межгенерационной социальной мобильности, свойственны бедным в значительно меньшей степени, чем остальному населению.

Осознавая, что человеческий и социальный капитал являются ключевыми ресурсами для восходящей социальной мобильности, и желая сформировать у своих детей, в первую очередь, те качества, которые могут помочь им «пробиться выше», бедные, тем не менее, прилагают весьма умеренные усилия по реализации соответствующих задач. Они меньше инвестируют в накопление данных ресурсов как у себя, так и у своих детей. Отчасти это объясняется спецификой их профессиональных позиций и жизненного опыта, не предполагающего навыков подобного рода инвестирования и привычки к нему, а отчасти элементарной нехваткой средств на него.

Попавшие в ситуационную бедность относительно высокоресурсные россияне обычно достаточно быстро выходят из состояния бедности. Основными факторами, стимулирующими восходящую социальную мобильность бедных, выступают человеческий, социальный и культурный капитал. Для россиян, обладающих этими видами капитала, состояние бедности является в основном временным. Однако, если культурный, социальный и человеческий капитал ограничены, то состояние бедности становится хроническим.

13. Всеми слоями населения, но в наибольшей степени именно бедными россиянами очень остро и болезненно воспринимается проблема неравенств в современном российском обществе. Подавляющее большинство из них отмечает, что лично страдает от тех или иных типов неравенств. Однако, оценивая распространенность практически всех типов неравенств, бедные чаще говорят о неравенствах, болезненных для всего общества, чем о тех неравенствах, от которых страдают они сами. Данный факт свидетельствует о критических несоответствиях между реалиями современного российского общества и представлениями о должном и справедливом, характерными для россиян вообще и бедных в частности.

Рейтинг наиболее острых и болезненных типов неравенств для общества в целом и для самих бедных в их оценках в основном совпадает. На первом месте со значительным отрывом оказывается неравенство по доходам, затем следуют неравенство в доступе к медицинской помощи и неравенство жилищных условий, а также неравенство в доступе к рабочим местам. Все эти типы неравенств действительно ярко проявляют себя в повседневной жизни бедного населения, характеризуясь некоторой возрастной спецификой.

В последние годы в России формируется и закрепляется новая форма социального неравенства бедных и небедных, характерная именно для начала XXI в., — цифровое неравенство. Причем, раз возникнув, оно начинает, в свою очередь, препятствовать социальной мобильности бедных, поскольку навыки в области информационных технологий являются сегодня своего рода «входным билетом» на наиболее привлекательные рабочие места. И хотя наличие этих навыков само по себе не гарантирует занятие такого рода рабочих мест, отсутствие соответствующих компетенций достаточно жестко предопределяет отсутствие доступа к ним.

14. При явно избыточных неравенствах в современной России, от которых страдают прежде всего именно бедные россияне, последние не являются безусловными противниками большой разницы в доходах. Однако столкновение нормативных представлений о необходимости неравенств, основанных на легитимных основаниях (по эффективности работы, уровню образования в условиях равенства возможностей для всех), с реалиями современной России приводит к запросу на снижение этих неравенств, а также к снижению толерантности к ним. Показательно в связи с этим, что более низкая толерантность к неравенствам характеризует тех бедных, кто оценивает ситуацию не только исходя из своих нормативно-ценностных

представлений «о должном», но и учитывая реальность, в которой им приходится работать и выживать, а именно работающих бедных. Сталкиваясь в своей повседневной жизни с ситуацией, в которой неравенства избыточны и часто не имеют под собой справедливых оснований, а личные усилия отнюдь не всегда приводят к улучшению положения, работающие бедные гораздо менее толерантно относятся к различным типам неравенств по сравнению с бедными, которые не работают.

Общая ситуация с неравенствами и их восприятием бедным населением в последние годы ухудшается. Среди бедных растет ощущение того, что неравенства, связанные с доступом к образованию и здравоохранению, являются несправедливыми, хотя это ощущение и приходит в противоречие с нормативно-ценностной моделью, характерной для российской национальной культуры в целом. Неверие в то, что российское общество сможет стать справедливым в среднесрочной перспективе, характеризует более 70% бедных. Более того, подавляющее большинство из них не фиксирует никаких положительных изменений в ситуации со справедливостью в последние годы. Все это свидетельствует о том, что проблема неравенств и справедливости становится все острее и может привести к значимым негативным последствиям не только для бедных, но и для всего общества.

15. Нормативно-ценностные системы, характерные для бедного населения, качественно не отличают их от небедного населения. Поэтому говорить о ценностном расколе между бедным и небедным населением или о формировании особой культуры бедности в России пока не приходится, хотя по ряду позиций количественные различия между бедным и небедным населением достаточно заметны и в случае их нарастания вопрос о наличии в России особой субкультуры бедных может актуализироваться.

На нынешний период времени в отношении к свободе, совести, морали бедные выражают ценности, характерные и для небедных россиян. Так, в представлениях большинства из них свобода имеет безусловный приоритет над ценностями материального характера, а спокойная совесть и гармония — над властью и влиянием на других. При этом большинство бедных считает, что иметь можно только те доходы, которые получены честным трудом, хотя доля сторонников подобных взглядов заметно сократилась за последние 10 лет, демонстрируя разочарование в возможностях добиться улучшений своей жизни с помощью честного труда. Что касается трудовых мотиваций бедных, то для

них материальная компонента работы оказывается важнее, чем для небедных.

Ценности и установки, характерные для современных обществ: индивидуализм, внутренний локус-контроль и приоритет равенства возможностей, — оказываются в меньшей степени распространены среди бедного населения, чем среди небедного. Однако сама группа бедных россиян не является однородной, и по всем этим вопросам в ней выделяются и сторонники модернистских ценностей, и сторонники традиционных ценностей. Важным фактором дифференциации самих бедных здесь оказывается опять-таки возраст: ценности современных обществ в значительно большей степени свойственны молодым бедным, чем бедным из старших возрастных когорт.

В то же время молодые бедные характеризуются одновременно и большим стремлением к власти и возможности влиять на других в ущерб чистой совести, а также одобрением любых доходов независимо от способа их получения и готовностью при необходимости преступить нормы морали ради материального успеха в жизни. Однако, несмотря на разную степень распространенности тех или иных ценностей и установок как среди бедных и небедных, так и среди разных возрастных когорт в составе всех слоев населения, у большинства россиян существует определенный консенсус относительно «особого пути» России и невозможности копировать для нее западный путь развития.

16. Бедность в пореформенной России является одним из важных факторов негативного психоэмоционального состояния и мировосприятия беднейших слоев российского населения. Бедные резко отличаются от остальных россиян по всем показателям социально-психологического самочувствия в худшую сторону. Значительная часть бедных пребывает в уверенности, что жизнь их складывается плохо, они массово находятся в состоянии подавленности и апатии, либо тревоги и даже агрессии, постоянно испытывают чувства несправедливости всего происходящего вокруг и собственной беспомощности повлиять на ситуацию, стыда за состояние страны и ощущение, что дальше так жить нельзя.

Эта ситуация резко контрастирует с происходящим в обществе в целом. Социально-психологический дискомфорт 15–20 лет назад был обычным состоянием для большинства российского населения, переживавшего коренную ломку образа жизни, последствия структурной перестройки экономики, «уход» государства из социальной сферы. Однако с тех пор в обществе произошли суще-

ственные изменения, на фоне общей социально-экономической и политической стабилизации развились выраженные тенденции к улучшению социально-психологического климата и самочувствия граждан. Такие тенденции не могли не затронуть беднейшие слои населения, многие жизненные страхи и опасения российских бедных стали постепенно ослабевать перед лицом общей стабилизации и хотя и медленного, но все же поступательного развития страны. Не может не сказываться на изменении уровня тревожности бедных слоев населения и эффект «привыкания» к жизни в новых, непростых условиях. Тем не менее, общее состояние тревожности, пессимизм и негативизм бедных остаются важнейшими маркерами социального самочувствия данной группы, все больше отличающими их от небедных россиян.

17. В структуре политической жизни общества представителей бедных слоев населения нельзя отнести к числу субъектов социально-политической активности, тем более, если речь идет о субъектах, обладающих самостоятельностью и своеобразием политического поведения. К тому же и такой важный мотив, как интерес к политике, в среде бедных не только остается на низком уровне, но с течением времени даже падает. За последние 10 лет интерес бедных слоев населения к событиям и процессам политической жизни снизился более чем в 2 раза (с 29 до 12%).

Выбирая между правом на участие и неучастие в политической жизни общества, бедные явно предпочитают неучастие. О готовности включиться в какие-либо институциональные формы политического участия заявляют менее 1% представителей российской бедноты. В целом результаты проведенного исследования дают основания для весьма неутешительного вывода о нарастающем отчуждении наименее благополучной части российского общества от социально-политической жизни страны.

Впрочем, снижение общественно-политической активности характеризует не только бедных, но и представителей благополучных слоев населения. Но вот в чем группа бедных обращает на себя особое внимание, так это более острые негативные оценки положения дел в различных сферах жизни общества. Прежде всего это относится к оценкам экономической ситуации и эффективности функционирования социальной сферы. При этом наиболее резко бедными оцениваются результаты борьбы с бедностью, утверждение социальной справедливости, а также состояние общего психологического климата в стране.

Негативно оцениваемые бедными сферы современной российской жизни вполне объяснимо дополняются характером восприятия в их среде существующих в стране противоречий. Если еще 10 лет назад противоречие между бедными и богатыми по остроте восприятия было вполне сопоставимо с противоречиями между чиновниками и рядовым населением, между олигархами и подавляющим большинством россиян, то ныне это противоречие не только вышло на первый план, но и стало усиливаться от «наложения» на не менее остро воспринимаемую проблему социальных неравенств и вопиющие проявления в обществе социальной несправедливости.

В любом другом развитом обществе подобный настрой наименее благополучной части населения, скорее всего, обернулся бы радикализацией сознания и поведения. Однако при всем недовольстве россиян сложившейся ситуацией признаков того, что российские бедные отличаются радикальным, а уж тем более революционным духом, не наблюдается. В настоящий период в бедных слоях населения доминирует установка не на глубокие и всеобъемлющие перемены, а на стабильность. Более того, несмотря на довольно негативные оценки бедными отдельных сторон жизни общества, две трети их представителей выражают поддержку действующей власти и на какие-либо активные формы массовых протестных действий не настроены.

18. Важными отличительными чертами образа жизни бедных являются особенности их досугового поведения. На фоне относительно благополучной ситуации в сфере досуга в обществе в целом досуг российских бедных отличается скудным содержанием и отсутствием видового разнообразия. С течением времени эта ситуация только усугубляется: тенденцией последнего десятилетия становится дальнейшее обеднение досуга беднейшей части российского населения, причем из досуговой палитры бедных вымываются даже такие виды досуга, которые не требуют финансовых затрат. Это позволяет говорить о развитии системного характера досуговой эксклюзии российских бедных, о том, что скудость досуга становится неотъемлемой чертой их образа жизни.

При этом сами бедные не придают большого значения ограниченности своей досуговой активности. Происходит сужение их жизненного кругозора, ослабляется интерес к разнообразию, эмоциям и впечатлениям, саморазвитию. Российские бедные не воспринимают и не используют возможности досуга в качестве доступного для них инструмента развития собственных ресурсов — социально-коммуникативных, профессиональных, культурных и т.д. — консервируя таким образом

свое состояние бедности. При сохранении этих негативных тенденций можно ожидать дальнейшего сужения социокультурного горизонта бедных, замыкания их в своем коммуникационно и культурно закрытом мире и, как следствие, их дальнейшей социальной деградации.

19. Российская бедность очень гетерогенна, и эту гетерогенность необходимо учитывать как при ее анализе, так и при выработке способов борьбы с ней. Гетерогенность российской бедности проявляется не только в чуткости к методам ее определения и измерения (абсолютная бедность, бедность как состояние многомерной депривации, субъективная бедность и т.д.) или в ее разных формах в зависимости от времени и типа пребывания в бедности (ситуационная, плавающая, хроническая, межпоколенно воспроизводящаяся и т.п.). Главная специфика российской бедности заключается сегодня в том, что она концентрирует в себе все типы бедности, характерные для самых разных эпох исторического развития (прединдустриальную в двух ее формах, индустриальную бедность, постиндустриальную бедность), а также бедность в силу индивидуальных особенностей человека (также существующую в двух основных формах). Именно это отличает «бедность по-российски» от ситуации в развитых странах, где нет прединдустриальной бедности и можно говорить лишь о различных сочетаниях индустриальной и постиндустриальной бедности. В то же время это отличает российскую бедность от бедности в других развивающихся странах, прежде всего, странах БРИКС, которые идут пока по пути индустриализации, а не деиндустриализации, как Россия а, следовательно, в них нет бедности постиндустриального типа, и можно говорить лишь о доминировании в них прединдустриальной (как в Индии) или индустриальной (как в Китае в последнее время) бедности.

Соотношение этих типов и форм бедности по-разному проявляется в различных регионах. В основе этой региональной гетерогенности типов бедности, не позволяющих ограничиваться использованием унифицированных методов борьбы с ней в масштабах всей страны, — пространственная дифференциация социально-экономического развития страны, многоукладность ее экономики и разные масштабы процесса деиндустриализации в отдельных регионах. Борьбу с ней дополнительно усложняет многообразие понимания целей и задач в этой области, обусловленное спецификой исторического прошлого и культурным своеобразием регионов, различиями в демографическом поведении их жителей и многими другими факторами.

*М.И. Горшков*



# ОПИСАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ДАННЫЕ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАНЫ В КНИГЕ

## **«Богатые и бедные в современной России», 2003 г.<sup>1</sup>**

Исследование «Богатые и бедные в современной России» проводилось в марте 2003 г. Институтом комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН)<sup>2</sup> в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ. Его основная выборка включала в себя 2106 человек. Принципы построения этой многоступенчатой стратифицированной случайной выборки носили стандартный для большинства общероссийских исследований ИКСИ РАН характер. Сначала определялась численность респондентов в каждом территориально-экономическом районе согласно районированию Росстата, а затем внутри региона задавались квоты по полу, возрасту и типу поселения.

Наряду с основной выборкой использовалась и выборка дополнительного экспертного опроса по богатым, которая насчитывала 209 человек. Из них 50% были опрошены в Москве и Санкт-Петербурге, а 50% — равными долями во всех территориально-экономических районах страны. Кроме того, выборка экспертного опроса формировалась таким образом, чтобы в каждом регионе не менее чем на 70% ее представляли люди, являющиеся основными кормильцами в своих семьях.

---

<sup>1</sup> Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.

<sup>2</sup> Институт комплексных социальных исследований в 2005 г. вошел в объединенный Институт социологии РАН. Таким образом, все использованные в книге общероссийские исследования ИС РАН проводились одной и той же исследовательской группой под руководством М.К. Горшкова, а полевую их часть во всех случаях осуществлял Центр социального прогнозирования (руководитель — Ф.Э. Шереги).

Эта выборка формировалась на основе наличия у потенциальных респондентов одного из двух критериев. Первым для выборки богатых являлся среднемесячный душевой доход для регионов не менее 1000 долл., для Санкт-Петербурга — 1200 долл., для Москвы — 1500 долл., что в разы превышало средние доходы в соответствующих регионах на тот момент. Вторым критерием при формировании выборки экспертного опроса богатых выступало наличие дорогостоящей недвижимости, в том числе квартиры стоимостью от 100 000 долл. для регионов и от 150 000 долл. для Санкт-Петербурга и Москвы (здесь новая трехкомнатная квартира в спальном районе стоила тогда порядка 70 000–75 000 долл.), или коттеджа со всеми удобствами в черте города или ближних пригородах площадью не менее 250 кв. м, приобретенного самим респондентом за последние 5 лет.

### **«Социальное неравенство в социологическом измерении», 2006 г.<sup>3</sup>**

Исследование «Социальное неравенство в социологическом измерении» было проведено ИС РАН в сотрудничестве с Национальным инвестиционным Советом в рамках проекта Горбачев-Фонда «Социальное неравенство и публичная политика» в марте–апреле 2006 г. Опрос в этом исследовании проводился по стандартной общероссийской выборке. Респондентами являлись люди в возрасте от 18 лет и старше, представлявшие 11 социально-профессиональных групп: 1) рабочих предприятий, шахт истроек; 2) инженерно-техническую интеллигенцию; 3) работников торговли, бытовых услуг, транспорта и связи; 4) гуманитарную и творческую интеллигенцию; 5) служащих государственных и частных учреждений, предприятий; 6) военнослужащих и сотрудников МВД; 7) предпринимателей малого и среднего бизнеса; 8) пенсионеров городов; 9) студентов вузов; 10) жителей села; 11) безработных. Квоты по возрастному представительству и по социально-профессиональной принадлежности задавались на основе пропорционального соответствия их данным Госкомстата РФ (впоследствии Росстата РФ и ФСГС РФ) по составу населения для каждого региона в отдельности.

Наряду с возрастным и социально-профессиональным составом при опросах соблюдались пропорции относительно всего населения России по типу поселения, полу и возрасту, что позволяло обеспечить

---

<sup>3</sup> Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2008.

необходимую репрезентативность. В каждом случае квоты рассчитывались на основе данных Росстата по тому или иному региону.

В качестве регионов опроса, для каждого из которых составлялась самостоятельная подвыборка в целях сопоставимости информации с данными госстатистики, были избраны 12 территориально-экономических районов России (согласно районированию Госкомстата РФ) плюс г. Москва.

Численность респондентов составила 1751 человек.

### **«Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?», 2008 г.<sup>4</sup>**

Исследование «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» было проведено ИС РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберга в РФ в марте 2008 г. по той же модели выборки, что и общероссийский опрос «Богатые и бедные в современной России» и «Социальное неравенство в социологическом измерении». Численность респондентов составила 1750 человек.

### **«Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов», 2009 г.<sup>5</sup>**

Исследование «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» было проведено ИС РАН в феврале 2009 г. в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберга в РФ по той же модели выборки, что и остальные опросы, о которых шла речь выше. Численность респондентов в данном исследовании составила 1749 человек.

### **«Готово ли российское общество к модернизации?», 2010 г.<sup>6</sup>**

Исследование «Готово ли российское общество к модернизации?» было проведено в марте–апреле 2010 г. и охватило 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основ-

<sup>4</sup> Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся? / Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН № 5. М.: Институт социологии РАН, 2008.

<sup>5</sup> Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.

<sup>6</sup> Подробнее о выборке и результатах этого исследования см.: Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010.

ные социально-профессиональные группы населения. Принципы построения двухступенчатой стратифицированной случайной выборки, использовавшейся в этом исследовании, были традиционными для других исследований ИС РАН, результаты которых использованы в данной книге.

В качестве регионов опроса, для каждого из которых была составлена самостоятельная подвыборка, в целях сопоставимости информации с данными госстатистики использовались 12 территориально-экономических районов России. Пропорционально доле населения региона в составе населения страны для каждого региона была определена численность региональной подвыборки. Затем внутри региона были заданы квоты по трем признакам (пол, возраст, тип поселения). Что касается собственно отбора респондентов, соответствующих этим квотам, то опрос их, как обычно, носил маршрутный характер с соблюдением квот при отборе единиц наблюдения. Замена в случае отказа производилась за счет следующего адреса по маршруту. При выборке порядка 1750 респондентов такие принципы ее построения означают возможную статистическую погрешность не более 3%.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**ГОРШКОВ Михаил Константинович** – академик РАН, доктор философских наук, директор Института социологии РАН. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, член коллегии Министерства регионального развития РФ, член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Вестник Института социологии», председатель редакционного совета журнала «Власть». **Основные научные интересы:** методология и методика социологических исследований, теория и практика изучения общественного мнения, социология массового сознания, социология социальной сферы и социально-политических процессов, социология идентичности, социология современного российского общества. Автор около 300 научных работ. **Основные труды:** «Общественное мнение: История и современность» (1988), «Российское общество в условиях трансформации. Мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002» (2003), «Молодежь России: социологический портрет» (2010, в соавторстве), «Непрерывное образование в контексте модернизации» (2010, в соавторстве), «Прикладная социология: методология и методы» (2010; 2-е издание, 2012, в соавторстве), «Общественное мнение: историко-социологический аспект ана-



лиза» (2011), «Российское общество как оно есть: опыт социологической диагностики» (2011), «Perestroika Through the Eyes of Russians: Twenty Years Later» (2005) и др. **Руководитель** более 100 международных, общероссийских и региональных исследований и проектов по проблематике состояния российского общества, российской повседневности и идентичности, модернизации России, социальных неравенств и социальной политики, социальным факторам консолидации российского общества, социологии молодежи и др.

**ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна** — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии РАН. Член редколлегии журнала «Общественные науки и современность» и Международного редакционного совета журнала «Вестник Института социологии».



ного редакционного совета журнала «Вестник Института социологии».

**Основные научные интересы:** социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для социальной структуры российского общества в целом и различных групп населения в частности, социальная трансформация и социокультурная модернизация российского общества. Автор более 400 научных работ.

**Основные труды:** «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике»

(1999), «Work and Welfare in the New Russia» (London, 2000, в соавторстве), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (London, 2004, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа» (2007), «Health and Health Care in the New Russia» (London, 2008, в соавторстве), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве) и др. **Руководитель** свыше 30 проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества и общероссийских тематических исследований по различной тематике.

**АНИКИН Василий Александрович** – кандидат экономических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Основные научные интересы:** динамика социально-профессиональной структуры различных обществ, институциональные предпосылки модернизации российской экономики, статистические методы анализа социально-экономической информации. **Автор** около 40 научных работ, в том числе статей в ведущих научных журналах и глав в российских монографиях по результатам общероссийских исследований («Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008), «Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010) и др.). Участник крупных исследовательских проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, проблемам модернизации российской экономики.

**ЛЕЖНИНА Юлия Павловна** – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии РАН. **Основные научные интересы:** социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокультурная динамика. **Автор** более 30 научных работ, в том числе статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

**МАРЕЕВА Светлана Владимировна** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, ученый секретарь Центра комплексных социальных исследований ИС РАН, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». **Основные научные интересы:** культурная динамика, нормативно-ценностные системы, соци-

альная структура и социальная стратификация, средний класс. **Автор** более 40 научных работ, в том числе монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов («Health and Health Care in the New Russia» (2009); «Social Stratification in the BRIC Countries: Changes and Perspectives» (2011); «Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective» (2013)); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

**ПЕТУХОВ Владимир Васильевич** – кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. Заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ, член Совета по национальной стратегии. Член редколлегии журналов «Мониторинг общественного мнения», «Политические исследования (Полис)». **Основные научные интересы:** ценностные, идейно-политические установки россиян, политическое участие и гражданская самоорганизация, проблемы социальной мобильности. Автор около 200 научных работ, вышедших в отечественной и зарубежной печати. **Основные труды:** «Демократия участия и политическая трансформация России» (2007), «Как управлять Россией. Социология одного города» (2009, в соавторстве), «Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение» (2010, в соавторстве) и др.

**СЕДОВА Наталья Николаевна** – старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН. Ответственный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения». **Основные научные интересы:** гражданское участие и самоорганизация, ценностные установки и их динамика, морально-нравственные ориентации, досуговые практики. **Автор** около 50 научных работ, в том числе статей в ведущих российских научных журналах и глав в российских монографиях по результа-

там общероссийских исследований («Малообеспеченные в России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008), «Российская повседневность в условиях кризиса» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров» (2011) и др.). Участник крупных исследовательских проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества, российской повседневности и идентичности, проблемам модернизации российской экономики.

**ТЮРИНА Ирина Олеговна** – кандидат социологических наук, доцент по кафедре теории и истории социологии. Ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, помощник-референт директора ИС РАН. Член Европейской социологической ассоциации, исполнительный секретарь Исследовательского комитета № 26 «Социотехника, социологическая практика» Международной социологической ассоциации. **Основные научные интересы:** экономическая социология, исследования современного российского рынка труда, проблем занятости и безработицы различных групп и категорий населения, трудовая миграция, коммуникативное пространство Интернета и российская молодежь. Автор более 40 научных и учебно-методических трудов. *Автор* ряда работ, в том числе Гидденс Э. «Устроение общества: Очерк теории структуризации» (2005, перевод с английского), Маклюэн М. «Галактика Гутенберга» (2005, перевод с английского), «Социология управления: фундаментальный курс» (2008, в соавторстве) и др.

**Б38** **Бедность и бедные в современной России** / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-7777-0575-4

В книге анализируются результаты ряда исследований Института социологии РАН, выполненных в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Ф. Эберта (Германия) в РФ в 2003–2013 гг.

На основе данных нескольких общероссийских опросов в книге проведен анализ отношения к бедности в российском обществе за последние 10 лет и динамики ситуации с бедностью в России. Особый интерес для читателей представляют «портреты» российских бедных, выделенные на основе разных теоретических подходов, анализ их социально-демографических особенностей и места на рынке труда, процессов социальной мобильности в их среде, особенностей образа жизни и взглядов российских бедных, а также оценка специфических черт российской бедности на фоне ситуации с бедностью в других странах.

**УДК 32.019.52**

**ББК 60.56**



## **Бедность и бедные в современной России**

Под редакцией:  
*Михаила Константиновича Горшкова,  
Натальи Евгеньевны Тихоновой*

Редактор: *В.А. Демьянович*  
Корректор: *Ж.Б. Арутюнова*  
Художественное оформление серии: *Е.А. Ильин*  
Верстка: *С.А. Голодко*

Подписано в печать  
Формат 60x90/16. Усл.-печ.л. 20,0  
Тираж 1000 экз

ООО Издательство «Весь Мир»  
125993, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3 «В».  
Тел./факс: (495) 276-02-92  
E-mail: [info@vesmirbooks.ru](mailto:info@vesmirbooks.ru)  
<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская область, г. Чехов,  
ул. Полиграфистов, д. 1  
Сайт: [www.chpk.ru](http://www.chpk.ru). E-mail: [marketing@chpk.ru](mailto:marketing@chpk.ru)  
факс: 8(496) 726-54-10, тел.: 8 (495) 988-63-87